

М.С. Полубояров

На реке Сердобе
и в иных урочищах

Посвящается
300-летию
основания
города Сердобска

М. С. Полубояров

**НА РЕКЕ СЕРДОБЕ
И В ИНЫХ УРОЧИЩАХ**

Сердобск и Сердобский район в XVIII веке

Саратов 1999

УДК 913
ББК 28.89
П 53

Печатается по решению редакционно-издательского совета Саратовской государственной академии права

Полубояров М.С.

П 53 На реке Сердобе и в иных урочищах: — Саратов: СГАП, 1999.
— 114 с.

ISBN 5-7924-0070-9

В книге рассказывается об истории города Сердобска и Сердобского района Пензенской области с древности до начала 19 века. Главным источником для автора послужил новый материал, выявленный в Российском государственном архиве древних актов. Имеются сведения по археологии и топонимике района. Издание приурочено к 300-летию со дня основания Сердобска.

ISBN 5-7924-0070-9

© Саратовская государственная академия права, 1999
© Полубояров М.С., 1999

Раздвигая горизонты прошлого

Мы любим свой город. Для нас это не просто точка на географической карте. Здесь родной дом и семья, верные друзья и первая любовь, здесь все то, что называется малой родиной. А начиналась она 300 лет назад, когда, по указам молодого, нетерпеливого царя Петра, из центральных уездов страны десятки тысяч людей шли осваивать юго-восточные окраины России. Подвергаясь набегам степных кочевников, каждодневно рискуя жизнями, они упорно, шаг за шагом продвигались вперед, устраивая оборонительные валы и остроги, распахивая ковыльные степи, выращивая хлеб. Символически их бытие удачно изображено в виде известной скульптуры в центре Пензы: первопоселенец держится одной рукой за копьё, другой за ручку сохи.

История заселения Пензенского края не раз описывалась в книгах, изучалась и изучается в школах. И все же чувствуется недостаток материала, прежде всего, в приближении к конкретному району, городу, селу. К сожалению, об этом времени сохранилось мало известий. Достаточно сказать, что в предыдущей книге краеведов Н.П. Бульбина и С.М. Махалкина о Сердобске 17–18 векам отведено всего шесть страниц. Поэтому труд М.С. Полубоярова, одного из авторитетных пензенских краеведов, работавшего в прошлом директором областного краеведческого музея, станет хорошим подспорьем и стимулом для дальнейших изысканий всех интересующихся вопросом, «откуда есть пошла сердобская земля». Труд историка как бы раздвигает перед нами горизонты прошлого.

Большой интерес вызывает глава, в которой предпринята попытка исследовать, в каком году, в какой месяц и даже день основан Сердобск. Хотя это всего лишь гипотеза, скрупулезность анализа источников создает достаточно убедительную систему доказательств. Вряд ли когда-нибудь станет доподлинно известно, в какой именно день явились на реку Сердобу первые сторожа корабельных лесов.

Для неискушенного читателя, может быть, непривычно читать представленные в книге обширные цитаты из документов,

отысканных в Российском государственном архиве древних актов. Тяжеловесный слог, масса устаревших слов, старинные обороты речи... Требуется приложить усилия, чтобы понять смысл написанного. И все же автор выбрал правильный путь, не пойдя по пути упрощения и обнародовав старинные акты почти без изъятий, со ссылками на номера архивных дел и листов. Теперь каждый получает возможность самостоятельно вчитаться в строки, столетия назад начертанные писцами, и судить о событиях без подсказок популяризаторов. Наконец, любой школьный музей и даже рядовой читатель, обратясь в архив, имеет право заказать себе за небольшую плату копию того или иного важного документа, со ссылками на эту книгу.

Имена и фамилии первых поселенцев, названия сел и уездов, из которых они вышли, «августовский погром» 1717 года, вражда между помещиками и крестьянами, перипетии событий на территории района в дни Пугачевского восстания, сведения о сердобском остроге, впервые опубликованный древнейший план Сердобска, описание Надеждинской усадьбы князя Куракина, «Экономические примечания» к материалам Генерального межевания — далеко не полный перечень интереснейших событий и фактов, большинство которых впервые появляется в печатном виде. И это тоже одна из сильных сторон книги краеведа.

Наша страна переживает сегодня драматический этап своего исторического пути. Поэтому ее гражданам очень важно найти внутренние источники энергии и нравственной опоры для возрождения Отечества. В этом плане важен не только анализ крупных общегосударственных процессов, но и событий, происходивших в далекой российской глубинке, участниками которых становились «простые люди» из провинции — опора российской государственности. Читая книгу, убеждаешься: бывали на Руси не менее трудные времена. Немало рубцов памяти отпечаталось на сердце народном. Но, как бы там ни было, наши предки сдюжили, построив великую державу. Их деяния помогают нынешним поколениям обрести уверенность в силах и сказать: выстояли вы, выстоим и мы.

Глава администрации
г. Сердобска

Владислав ПАВЛОВ

*Верхнее Прихопровье:
археология, топонимика,
древняя история*

*Курганы — одна из тайн земли сердобской.
Топонимика: загадка за загадкой. Сердобский район в 17 веке:
первые тропы русских бортников и воинов*

I

Территория Сердобского района населена людьми уже много тысячелетий. Об этом свидетельствуют археологические памятники — курганы. Они разбросаны по территории района довольно равномерно и находятся у сел Рязна, Подгоренки, Камзолка, Хотяново, Александро-Ростовка, Байка, Салтыково, Софьино, Соколка, Константиновка, Репьевка, Петровка, Мещерское, Секретарка, у речек Туманейка и Мокшан, в окрестностях бывших населенных пунктов Старой Студеновки, Красного, Александровки, 7–8 курганов разбросано по берегам Арчады и у д. Кошкаровка¹.

Курганы — это древние могилы. Поклоняясь силам природы и умершим предкам, люди клали в последнее жилище покойников оружие и орудия труда, предметы домашнего обихода, туши забитых животных, сооружая над погребением внушительной высоты холм. По мнению археологов, с середины II до начала I тысячелетия до нашей эры на земле сердобской жили кочевники срубной культуры, именуемые так за обычай хоронить свойственников в деревянных срубках ниже уровня земли, после чего делалась насыпь. Обилие срубных, с использованием дерева, захоронений кочевников и их равномерное распределение по всей территории района говорит о том, что и 3–4 тысячи лет назад здесь, как и в наши дни, господствовала лесостепь.

Сердобские курганы пока еще недостаточно изучены. Возможно, некоторые при раскопках окажутся вовсе не срубными, а печенеж-

¹ Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области: Путеводитель. Пенза, 1970.

скими или половецкими, или разновременными. По нынешнему внешнему виду древних могил трудно судить о времени погребения. Большинство распаханно и едва заметно даже на зяблевом поле после свежей вспашки.

У села Куракино отыскились следы поселения первых обитателей края. Городище построено, предположительно, племенами городецкой культуры, предками нынешней мордвы. Оно расположено в нескольких сотнях метров от Куракино на левом берегу Хопра в урочище Еврейка. Городище исследовалось в двадцатые годы саратовским археологом П. С. Рыковым, а в 1952 году — пензенским археологом М. Р. Полесских.

Поселение «срубников» обнаружено в двадцатые—тридцатые годы на левом берегу Хопра в местности Петроград в обрыве крутого берега. Еще одну «деревню» древних аборигенов отыскал археолог П. С. Рыков в 1930 году в устье р. Сердобы. Третье поселение племен срубной культуры находится в 300 м к северу от Куракино на песчаных выдувах левого берега Хопра. Культурный слой большинства поселений кочевников скрыт под слоями земли и песка, разрушен вспашкой и сооружениями современного человека. То, что осталось от жизнедеятельности прежних обитателей, позволяет утверждать, что Сердобский край был достаточно плотно заселен, по крайней мере, начиная со второго тысячелетия до нашей эры.

Довольно бедно представлено в археологии района средневековые с эпохой Золотой Орды, когда на земле сердобской, безусловно, кипела жизнь, о чем говорят некоторые географические названия, пришедшие из той эпохи. О чем же рассказывают они?

II

От племен срубной культуры, говоривших на праиранском языке, географических названий на территории района не сохранилось, или, вернее, нет способов, при помощи которых можно было бы удовлетворительно объяснить «срубное» происхождение топонима. Этимология самых старых географических имен — гидронимов (названий рек и других водных объектов) — связана с проживанием в Прихопровье более молодых для современной эпохи народов.

Две тысячи лет тому назад на огромной территории от Верхнего Прихопровья до берегов Каспия и Черного моря жили скифы и сарматы (те и другие иранцы по языку). От них дошла до наших дней основа гидронима Хопёр. Восемьсот лет назад его имя произносилось

примерно как *Хопорть*. Причем вторая часть названия *порть* старше первой и восходит к скифскому термину *пората* — «река».

Итак, «река». Но каково значение первой части названия? Древние гидронимы нередко имели тавтологический смысл. К старой основе, означавшей «река», новые иноязычные аборигены приклеивали собственный термин с таким же значением. При этом, заимствовав в результате контактов со старым населением прежнее название, они не знали его перевода и воспринимали как имя собственное. В практике номинации такое случалось не только в России. Например, название южноамериканской реки Парагвай состоит из двух терминов *пара* + *гвай* — «река + река». Оба термина означают одно и то же понятие, пришедшее из языков разных народов, живших на ее берегах².

То же и в случае с Хопром. Ираноязычных скифо-сарматов, знавших Хопер как *Пората*, вытеснили в ходе гуннских завоеваний 4 века н. э. тюрки — предшественники будущих хазар, печенегов, половцев... Они заимствовали у прежних хозяев степи старое название, дополнив непонятное для них *Пората* собственным географическим термином *хыу* — «река» (ныне слово сохранилось в башкирском языке): *Хыу Пората* воспринималось степняками как «река Пората». Спустя сотни лет, в русской среде гидроним трансформировался из летописного Хопорть в Хопер. Таким образом, смысл названия крупнейшей водной артерии района — «река + река»³. Все прежние этимологии вроде того, что Хопер переводится как «пристанище диких гусей», или от славянского *хопити* — «тащить, влечь», надуманны.

Чем значительнее географический объект, тем, как правило, древнее и устойчивее его имя⁴. Действительно, следующими по древности вслед за Хопром идут гидронимы Сердоба и Арчада. Одни исследователи этимологию Сердобы связывали с мордовским словом *сярдо* — «лось, лосиная». Другие из-за того, что в Иране и Средней Азии несколько населенных пунктов именуются Сердаб, Сердабап, выдвинули гипотезу о происхождении гидронима от иранского *сердап* — «холодная вода»⁵. Та и другая гипотезы привлекательны лишь внешне. В первом случае возникают сложности с окончанием *-ба*: непонятно, откуда оно взялось? Со второй гипотезой трудно согласиться из-за одиозности иранского гидронима в пензенско-саратовской степи, а главное, из-за того, что температура воды в Сердобе такая же, как у других соседних рек, поэтому принцип «холодно

² Поспелов Е. М. Школьный топонимический словарь. М., 1988. С. 148.

³ Полубояров М. С. Мокша, Сура и другие... М., 1992. С. 155.

⁴ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 48.

⁵ Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 378.

— тепло» не мог служить отличительным признаком, обязательным для закрепления названия.

Более продуктивно объяснение этимологии гидронима Сердоба от половецкого мужского имени *Сарт* + *оба* — «племя, семья». То есть «Сартово племя, род», река племени некоего Сарта. Скорее всего, на ее берегах находились пастбища главы половецкого родоначальника по имени *Сарт* (в переводе — Иранец, Перс). Не случайно гидроним впервые письменно зафиксирован в конце 16 века под именем *Сартаба*. Данные археологии подтверждают факт пребывания в верховьях реки половецких кочевий. Возраст названия примерно 800–900 лет.

Интересное свидетельство опубликовала одна из ведущих топонимистов России А. В. Суперанская. По ее словам, крымские татары термином *Сырт-оба* обозначают понятие «северное пастбище»⁶. Однако по-татарски «северное пастбище» будет *тёньяк кётьлене*, что совершенно не похоже на *сырт-оба*. На наш взгляд, произошла так называемая детопонимизация названия, когда имя собственное превратилось в имя нарицательное. По-видимому, один из родов крымских татар или их соседей ногайцев в 15–16 веках использовал для пастбы скота луга у р. *Сартабы*. С построением Ломовской и Керенской засечных черт в 1630–40-е годы русское правительство запретило здесь появляться кочевникам, дабы лишить нападавших на русские окраины крымских татар базы, где они могли заменить подбитых лошадей на здоровых, запастись продовольствием, оставить на время больных и раненых. Но в памяти крымских татар, оказывается, до сих пор жив термин, образованный от названия северной реки, хотя они уже давно о ней забыли.

Гидроним Арчада закрепился, вероятнее всего, чуть позже, в эпоху Золотой Орды. В его основе древнетюркские слова *арт чад* — «гора, возвышенность, кряж». Окончание *-да* прибавлено позднее татарами, служившими русскому государю, у которых оно является показателем местного падежа: *Артчад + да* — «там, где Артчад». Вначале получила имя какая-то заметная в степи возвышенность, служившая ориентиром или наблюдательным пунктом, а уж от нее имя перешло на реку. Кстати, Арчада есть и в Волгоградской области. Поэтому возможен перенос названия. Правда, пока трудно судить, какое из них древнее.

Две речки в районе называются Камзолками, длина обеих примерно 40 км. Одна из них — правый приток Сердобы (протекает через с. Зеленовку), другая — левый приток Хопра, причем ее верхняя, степная половина прежде называлась Рязной. Без сомнения, здесь

⁶ Суперанская А. В. Что такое топонимика? М., 1985. С. 25.

также имеет место перенос названия, с сердобинской Камзолы на хоперскую: первая упоминается в документах 17, вторая под этим именем — лишь с середины 18 веков. Интересно, что правобережная Камзола в отказных книгах Пензенского уезда в конце 17 столетия именуется Казангалом. Надо думать, это более древняя форма, в то время как нынешнее — результат искажения. Казангал идет от имени какого-то места реки, имеющего вид округлой низины (*казан* — «котел»), а *гал/гол* означает, в переводе с монгольского, — «река». Любопытно, что в верховьях Казангала-Камзолки есть речка Шингал. Сравните: Казангал и Шингал — гидронимы явно одного и того же топонимного ряда. Они могли возникнуть в эпоху Золотой Орды, когда языки местных степняков испытывали влияние монгольского. В 18 веке бывшая Казангал стала называться *Казмалой* под влиянием ногайцев или татар, переосмысливших прежнее значение. Они стали понимать гидроним как «изобилующая гусями» (*каз* — «гусь»), или возводить к термину *кас* — «кочевье», «кочевничья». Вообще в татарском много слов начинается с основы *каз-*, что дает простор всяким фантазиям. Дальше переход Казмалы в Камзолу совершился при участии русского языка и народной ложной этимологии: *камзол* — старинная мужская одежда.

Гидроним Байка, левый приток Сердобы, соответствует мордовскому и чувашскому языческому мужскому имени. Возможно, в древности какими-то угожьями на речке владел некий мордвин Байка. Другая этимология может быть возведена к тюркскому слову *бай* — «большой, богатый», дополненному русским уменьшительным суффиксом. В пользу этого как будто говорит тот факт, что Сердоба, где в нее впадает Байка, в конце 17 века именовалась Баей-Сердобой в отличие от Малой Сердобы, как называли реку в верховьях. Однако непонятно, чем была богата эта мелкая степная речка.

У села Рощино впадает в реку Сердобу овраг с ручьем, носящий явно татарское имя Колдобаш, на что указывает окончание *баш* — «голова, верх, вершина». А вот первую его часть перевести на русский затруднительно. *Колдо-* может восходить к древнему болгарско-чувашскому языческому имени *Колдай* — «Колдаева вершина», или к татарскому *Кутля* — «Кутлина вершина» (в документе 1700 года овраг зафиксирован под именем Кутлобаш). Еще в одном документе эта речка представлена как Кулобаш — от татарского *куль* «озеро» — «озерная вершина». Так что до подведения итоговой черты под расшифровкой гидронима еще далеко.

А вот гидроним Верледим (левый приток Арчады; раньше писали: Мирьледим) вместил в себя как мордовскую, так и татарскую лекси-

ку. Речка течет через с. Мещерское и упоминается с начала 18 века. *Нерь/ мерь* (морд.) означает «клюв, что-нибудь узкое, овражный отрог в виде клюва», *лей* (морд.) — «речка, овраг». Иначе говоря, какое-то место речки имело признак в виде узкого, изогнутого наподобие клюва оврага. Поэтому, со слов мордвы, гидроним писали: Мирьледим. Но в 19 столетии речка уже Верледим, может быть, под влиянием *вирьлей* (морд.) — «лесная речка» (здесь находились бортные ухажи мордвы). Окончание *-дим* древнее слов, поясняющих его содержание оно восходит к татарскому термину *дым* — «влага», в переносном смысле — «вода, река». Это слово закрепилось за речкой, по видимому, еще во времена Золотой Орды.

Чисто мордовским является гидроним Тумалейка (Туманейка), левый приток Хопра. Речка течет к востоку от с. Секретарки. Ее имя означает «Дубовка, Дубовая речка, овраг» (*тумо + лей*). Характерно что на карте уезда 1927 года она записана Дубровинкой; это русская калька мордовского названия. Из мордовского же языка пришло на сердобскую землю название оврага с ручьем Лоск, притока Верледима у с. Мещерского: *локсей* (морд.) — «лебедь, лебединое», место охоты мордвы на лебедей и сбора яиц из лебединых гнезд. Изменение основы *локс/ лоск* произошло в результате довольно распространенной в русской топонимии метатезы (перестановки) согласных *к/с*.

Название речки Широкладки в моей книге «Мокша, Сура и другие» объяснялось двояко: либо как производное от гибрида русского и мордовского слов со значением «широкий овраг» (от морд. *латко* «овраг»), так и чисто мордовское, включающее в себя дохристианское личное имя мордвина Ширки — «Ширкин овраг». Новые архивные находки позволяют отказаться от альтернативного объяснения. В «Экономических примечаниях» Генерального межевания при описании окрестностей рч. Широкладки упоминается «лошина Широкая»⁷. Стало быть, никакого мордвина Ширки здесь не было, хотя, несомненно, термин «ладка» пришел из мордовского языка. Наличие мордовских названий в этом, ныне чисто русском, регионе напоминает о былых походах засурской мордвы за медом на Сердобу и Хопер; на этот счет сохранились любопытные исторические свидетельства. Вероятно, от Широкладки до устья Верледима простирались бортные ухажи мордвы, а ниже по Хопру и Сердобе, как об этом будет сказано дальше, оброчили медоносные роши рязанцы-мещеряки.

Среди топонимов, отражающих прежние пограничные реалии края, фигурирует Казачья дорога, упоминаемая под 1743 годом в следующем контексте: с устья Рузановки «через реку Хопер [перейдя на

⁷ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 91 об.

левый берег] по *Казачьей дороге* до большого липяга Кураковского... и до рубежа, до реки Сердобы». Эта старая дорога начиналась в районе с. Хованщино Бековского района, от него шла по рч. Рузановке до ее впадения в Хопер, где, вероятно, был брод; от брода — на с. Камзолку (Никольское), через Софьино, на с. Куракино. Кураковский липяг — ныне урочище Сазанье. Прежде по этой дороге ездили в степные дозоры казаки, в том числе мордовские и татарские мурзы. Неудивительно, если вдруг отыщутся документы, указывающие, что урочище Сазанье получило наименование от мордовского диалектного слова *сезем* — «переход, переезд» через реку (*сеземс* — «перейти, переехать»). Разумеется, гидроним Сазанье мог возникнуть и на чисто русской почве.

Географическая номенклатура района запечатлела старинную русскую терминологию, принесенную переселенцами из тех мест, откуда они мигрировали на Сердобу. Среди них Баклуши, Ендова, Ржавец. *Баклушами* называли понижения, углубления на местности в виде ложки, заполняемые весенними водами. Аналогичное понятие заключало в себе и старое русское слово *ендова* — небольшой круглый залив, связанный протоками с реками или озерами; котловина, небольшое круглое озеро в виде блюда. *Ржавец* — ручей с водой, содержащей окислы железа, отчего цвет воды приобретает «ржавый» оттенок. От диалектного слова *елха* (ольха) идет имя речки Елшанки, левого притока Байки.

Не требует обширных комментариев происхождение гидронимов Вонючка — пересыхающего ручья при с. Секретарке: по запаху воды. Понятно значение топонимов Березовка, Песчанка (обе — речки), озер Бобрового, Чистого, Кривого, оврагов Каменного, Дубового, Крутого, Сухого, урочища Бор. Близ Орлиного озера в окрестностях с. Куракино гнездовали орлы. Лысуха, гора в Сердобске, — лысая, лишенная древесной растительности, но в окружении леса. Овраг с ручьем Студеный — не по температуре воды, а от того, что здесь располагались зимовья, где пастухи и скот переживали студеную зиму.

Также очевидны причины номинации болота Кочкари и левого притока Колышлея Кочковатки: *кочкарь, кочковатый* — «болото с кочками, вздутиями на поверхности». Синеомутовка, правый приток Хопра, с устьем в 4 км к югу от с. Бекетовки Колышлейского района, наречена по *омуту* с крутым берегом *синеватой* окраски. На плане местности 1789 года речка названа — Мотосеня, может быть, от диалектного *мут* «омут», *сеня* — «синий». Семивражки, на которых стоит одноименная деревня, — «семь оврагов». Рядом с Поморским оврагом в с. Долгоруково находились поля крестьян-старообрядцев *поморского* согласия (Сердобский уезд в 18–19 веках считался одним

из центров старообрядчества в губернии). Крутец, левый приток Хопра (устье при с. Бекетовке Колышлейского района), наречен по *крутизне* на левом берегу Хопра, в том месте, где в него впадает Крутец.

Не все русские топонимы поддаются объяснению. Среди них имя озера Свинцового, что у с. Куракино. По преданию, татары, переправляясь через Хопер, утопили в озере бочку свинца. Татарский начальник велел завалить реку, чтобы она пошла по другому руслу (отсюда название местности Завал). Но свинец так и не достали. От старого русла осталось большое, глубокое озеро, названное Свинцовым.

Непросто расшифровать и гидроним Соколка, левый приток Камзолки (протекает через д. Яблочково). В Колышлейском районе есть село и ручей Соколинка (левый приток Хопра). Через него сердобчане переезжают, когда ездят на автомобилях в Пензу. Безусловно, оба названия «одного корня», но вот какого? Может быть, народ переосмыслил какое-то нерусское название. Например, у чувашей *сякала*х — «липовый лес», *Сокола* — языческое булгарско-чувашское мужское имя; *сол кол* (тюркское) «левая рука, сторона». Кто-то объясняет название от солдатского ружья соколки. А может от фамилии Соколов... Наиболее рациональное объяснение, возможно, связано с прежней родиной переселенцев — Сокольским уездом Воронежской губернии, тем более, что до 1780 года территория Сердобского района входила в ее состав.

Весьма загадочен явно русский топоним Шишковка, овраг с ручьем, разделявший Сердобск на две части — гору Лысуху и Пески. То ли он наречен по прежней родине первопоселенцев, например, из Шишкеевского острога (ныне с. Шишкеево в 25 км к западу от Саранска; там же протекает речка Шишкеевка), то ли, что скорее всего, его имя восходит к фамилии пахотного солдата. В архивных источниках упоминаются засечные сторожа Матвей и Артемий Шишкины, а также четыре брата, солдаты Шишкины, получавшие в 1703 году земли в окрестностях Сердобска. Может, их дворы стояли на берегу этого ручья.

Краткий экскурс в археологическую и топонимическую старину позволяет зримо представить, насколько сложна и многообразна этническая история даже такого сравнительно небольшого территориального образования, как Сердобский район. Много тайн скрывает русская земля, и очень непросто приоткрыть в них дверь.

III

«**С** нагайской стороны пала в Дон река Хопер; а река Хопер вытекла от верху реки Ланкогоды [...]. А с правой стороны, от верху реки Ломовой вытекла река (прозвища той реке в старом чертеже не написано... протоку 150 верст) и пала в Хопер [...]. А с левой стороны, с верху реки Хопра, пала в Хопер река Сартаба. А Сартаба вытекла от Табалыки реки; протоку Сартабы 130 верст»⁸.

Это выдержка из первого подробного географического описания России «Книги Большому чертежу». Река, вытекающая от р. Ломов (Ломовой), — ныне Ворона, Талбалык — Уза (правда, за ее верховья авторы описания приняли р. Няньгу). От истоков Няньги до истоков Сердобы рукой подать, потому-то «Сартаба» и «вытекла от Табалыки реки». «Книга Большому чертежу» составлена в 1627 году в Разрядном приказе по указу великого государя на основании «старого» и «нового» чертежей. Ни тот, ни другой не сохранились, осталось лишь несколько редакций словесных копий, которые принято называть «Книгой Большому чертежу». «Старый» чертеж земли Московской изготовлялся в конце 16 века, «новый» — в самом начале 17-го, когда в Прихопровье, в «диком поле ковыла», не было ни одного постоянного населенного пункта. Так что приведенный выше старинный текст выводился гусиными перьями писцов, державшими перед глазами «чертеж» России, какой она была в конце царствования Ивана Грозного.

Древние картографы не зафиксировали в Верхнем Прихопровье населенных пунктов. Но мы были бы неправы, утверждая, будто Сердобский край оставался в ту пору безлюдным. С весны до осени на Сердобе степные кочевники пасли табуны лошадей и отары овец, белели юрты, бегали босые дети, дымились костры, скакали всадники. Лесными тропами продирались сквозь чащу бортники — добытчики дикого меда. В Шацкой писцовой книге Федора Чеботова (1623 г.) о владениях великой инокини (монашки) Марфы Ивановны, матери царя Михаила Федоровича, почти не упоминаются реки Сердобского района, куда ходили за медом бортники с реки Цны⁹. Их маршруты пролегли на Ворону, Чембар, Тамалу, Поим... Число ухажав, принадлежавших великой инокине, исчислялось сотнями. Отсутствие в перечне владений великой старицы бортных ухажав на сердобских

⁸ «Книга Большому чертежу». М.; Л., 1950. С. 84.

⁹ Опубликовано в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии». Тамбов. 1893. Вып. XXXVII. С. 73-143.

реках говорит о том, что они еще до Марфы Ивановны принадлежали иным лицам. Кому же?

Историк Ю. А. Кузнецова¹⁰ опубликовала выписку из другой писцовой книги того же Федора Чеботова. Этот документ прокомментировали в книжке о городе Сердобске краеведы Н. П. Бульин и С. М. Махалкин¹¹. К сожалению, авторы допустили ряд неточностей. Попробуем проанализировать текст заново, тем более, что названные в грамоте лица являются первыми посетителями Сердобского края, зафиксированными на письме.

Итак, в 7131 году от Сотворения мира, или, по нынешнему летоисчислению, в 1623-м, Федор Чеботов описал оброчные владения бортников Верхоценской волости на Хопре. Их оброчили: Федотко (по прозвищу Некраско) Змеев со своими братьями Ивашкой и Сенькой Филиппо Александров сын Гречиха, Федька Степанов сын Шишкин Артюшка Фомин сын Марков с братьями Фомкой, Кондрашкой и Марком и другие, всего 29 человек, почти все из с. Конобеево и д. Пеньки (26 чел.). Оброчная грамота пожалована им при царе Борисе, в 7110/1602 году.

Кроме лесов Матчинского на реке Маче, что в Белинском районе и Богдасырецкого (локализация неизвестна), бортникам передавался в оброк весьма обширный Хоперский ухожай «от устья речки Тумалы вверх по Хопру до ключа с падучими речками, и с диким полем, и с отхожими липягами, и с дубровами; да с [в] нагайскую сторону речки Сертабы [левый берег Хопра считался нагайским], от устья Сертабы вверх по обе стороны Сертабы до верхов, с диким полем и с падучими речками, и с отхожими липягами, до устья Сертабы, вверх по Хопру с русскую сторону [то есть, перейдя на правую, русскую, сторону Хопра] с речкою Орчадой, и с отхожими липягами, и с речкою Колышлеем».

За это цинские бортники обязывались платить ежегодно 47 с четвертью пудов «вслив», «вопче» (совместно) в приказ Большого дворца со 116 (1608) года. Спустя восемь лет этот немалый оброк (по полтора пуда на бортника) сбавили до 25 пудов с четвертью «для того, что тот бортной ухожей у бортников у Некраска с товарищи разорили *переобротчики старые* — Резанского уезду села Песчанки бортники Истомка Пустомол с товарищи».

Очень интересный момент! Обратите внимание на выражение *переобротчики старые*. Выходит, ухожай Федота Змеева с товарищами до их прихода на Хопер и Сердобу в 1602 году принадлежал кому-то

¹⁰ Кузнецова Ю. А. К истории колонизации Сердобского уезда... // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35. Ч. 2. С. 61–62.

¹¹ Бульин Н. П., Махалкин С. М. Сердобск. Города Пензенской области. Саратов, 1979. С. 4.

другому, и этот другой переоброчивал его, сдавая в оброк рязанцу Истомке Пустомолу со товарищи. Значит, русские люди, рязанцы, бортничали здесь и до 1602 года! И второй вывод: охотников за медом в сердобских лесах развелось так много, что начались конфликты из-за границ ухажав. В отместку за «обиду» они уничтожали друг у друга бортные деревья, отчего и пришлось снизить размер оброка чуть ли не в половину.

Таким образом, с Сердобским Прихопровьем русские познакомились минимум за сто лет до его заселения в царствование Петра I. Вполне возможно, устойчивый интерес к здешним лесам со стороны рязанских бортников стал проявляться сразу после завоевания Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств. Деревень не было. Промысловики строили временные жилища. В отказной книге о даче земли князю Б. И. Куракину (1700 г.) упоминаются расположенные на Хопре, близ устья Сердобы, зимницы нижнеломовца Кондрата Хохлова и шатчанина Ивана Синцова. Полный текст документа будет представлен в одной из последующих глав книги.

Корабельных лесов сторожа

*Для чего Петру I понадобился сердобский лес?
Из засечных сторожей — в сторожа корабельных лесов.
Основание Сердобска. «Кубанский погром». Сердобский острог
на Лысой горе. Первая перепись податного населения*

I

Таковы события и факты, предшествующие заселению Сердобского края русскими служилыми людьми и помещиками. Из них видно, как неправы краеведы, отмечавшие обезлюженность Прихопровья перед его новой колонизацией. Будто бы на территории района до 1723 года имелось только одно селение — Сердобинская слобода, а к 1744 году прибавился лишь один населенный пункт¹². Правда, те же авторы сами себя опровергают, показывая в пределах Сердобского уезда целый ряд населенных пунктов, основанных в первые годы 18 века, — Старое Мещерское, Рождественское, Камзола тож, и другие. По утверждению этого же источника, будущий Сердобск якобы входил в состав Петровского уезда. В то же время не прав саратовский краевед прошлого века Н. Ф. Хованский, полагавший, будто «Сердобский уезд был населен уже в 1680 году как район, менее других подвергавшийся набегам ордынцев»¹³.

Прежде всего, стоит взять на заметку, что почти до конца 18 века населенные пункты нынешнего Сердобского района входили в состав Завальных станов двух уездов — Пензенского и Нижнеломовского. Границ уездов как таковых не существовало. Административное подчинение строилось на основании того, какая приказная изба осущест-

---

¹² Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 9. Сердобский уезд. Саратов, 1892. Отдел I. С. 34.

¹³ Хованский Н. Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии: Материалы по крепостному праву Саратов, 1911. С. 50.

вляла отвод земли ее владельцам и в какие города население платило налоги. В итоге Камзолка (Никольское), Дубасово, Жадовка (ныне Яблочково), Соколка, Бабарыкино, Репьевка оказались в пределах Нижнеломовского, а Сердобинская слобода, Долгоруково, Куракино, Мещерское, Камзола (Рождественское) — Пензенского уездов. Эта неразбериха устранена лишь с учреждением в царствование Екатерины II нового уездного деления и с появлением крупномасштабных карт, с помощью которых оказалось возможным прочертить границы территориальных образований.

Первым, кто получил права на пользование сердобскими угодьями, стал родственник царя, боярин Лев Кириллович Нарышкин (1691 г.). Он долго не заселял пожалованные ему обширные пространства, простиравшиеся от Цны до Медведицы. В 1694/95 году боярин жаловался Петру, что на его нарышкинских землях самовольно селятся люди разного звания¹⁴. В процессе колонизации Сердобского района Лев Кириллович не сыграл заметной роли, значительная часть пожалованных ему земель оказалась у других помещиков.

Мощный толчок переселенческому движению на реку Сердобу из центральных областей России был дан решением правительства, а не мечтами дворян о новых землях. Причина, побудившая Москву обратить взоры на просторы Прихопровья, связана с завоеванием Азова. Как известно, царь Петр предпринял два похода, чтобы отобрать у турок эту мощную крепость, построенную в устье Дона, закрывавшую России выход в Черное море. В 1695 году город взять не удалось. На следующий год Петр предпринял вторую экспедицию, оказавшуюся успешной. Но Азов в результате бомбардировок был сильно разрушен и требовал восстановления. К тому же неподалеку оборудовалась Таганрогская гавань, прибывали в Азов переведенцы из России, которым требовалось жилье. Быстро ветшали построенные на воронежских верфях корабли, то и дело нуждавшиеся в ремонте. Для всего этого требовалось огромное количество леса. В окрестностях Азова он не рос, и царь Петр, вероятнее всего, по совету бывшего пензенского воеводы Ивана Ивановича Щепина, назначенного азовским комендантом, заинтересовался богатыми дубом, сосной и липой лесами Верхнего Прихопровья. До прокладки железных дорог древесина на дальние расстояния доставлялась вязками плотов по течению рек. Сердоба впадает в Хопер, Хопер — в Дон, а в устье Дона расположены Азов и Таганрог. Туда и плыть плотам сердобским!

Но прежде предстояло решить непростую задачу. В Азове почти не было русских войск. Победители вернулись в Москву, а город на

¹⁴ Там же. С. 4.

берегу моря остался под охраной небольшого гарнизона. Поэтому 5 ноября 1697 года Петр подписал указ о переводе 3000 семей служилых людей из Пензенского, Мокшанского, Саранского, Симбирского и Инсарского уездов на вечное поселение в Азов¹⁵. Подлинник указа не обнаружен, но в делах Азовской приказной палаты удалось отыскать сразу две выдержки из него¹⁶. В первой, касающейся симбирских переведенцев (в том числе казаков, взятых с Юловского городища, ныне г. Городище), говорится: «В прошлом в 205-м [ноябрь 1697] году, по указу великого государя и царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца стольнику Федору Репьеву, Миките Анненкову, Миките Чирикову, из Синбирска и с Синбирские черты из отъезжих слобод казаков и засечных сторожей и станичников 2023 человека, з женами и з детьми, и з братьями, и с племянники, и з зятьи, которые с ними жили в одних дворех, велено перевести в Азов на вечное житье».

А вот другая выдержка из того же дела: «В прошлом 205-м году, по ево, великого государя, указу переведено в Азов на вечное житье ис Синбирска и Саранска, с Пензы служилые люди з братьями, и с племянники, и з зятьи, и з женами, и з детьми, а дворовое строение и хлеб велено им продавать вольною ценою. И саранские и пензенские служилые люди дворовое свое строение и хлеб молоченой и в земле весь распродали сами, а синбирские служилые люди озимой и яровой хлеб, который у них сеян, не продали, и по ево, великого государя, указу тот хлеб жать уездными людьми.»

К этому указу мы еще вернемся, а пока примем к сведению следующее обстоятельство. Для переброски на такое громадное расстояние нескольких тысяч человек требовалась большая организаторская работа. Пешим ходом переведенцы со всем своим скарбом туда не дойдут. Ехать на подводах — потребовались бы тысячи лошадей и подвод, люди были бы принуждены бросить домашний скот. Поэтому реальный путь на Азов пролегал единственный — по воде. Вместе с лошадьми, коровами, овцами, курами, мешками с зерном и мукой, корчагами, ухватами...

Что предпримет руководитель, видя такое положение? Он распорядится об устройстве пристани, где заранее приготовит плоты и плоскодонные лодки, направит на будущую пристань известное количество людей готовить средства передвижения по воде. Доказательство того, что обычно переведенцев из Центральной России доставляли до Черного моря не пешим ходом, а водой, содержится в указе Анны Иоан-

¹⁵ Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. Саратов, 1989. С. 194–195.

¹⁶ РГАДА, ф. 1032, оп. 1, е. хр. 10, лл. 7, 8.

новны от 25 ноября 1736 года. Императрица распорядилась людей для починки азовской крепости *«отправить водою в Азов без всякого замедления, не упуская нынешнего водяного хода»*¹⁷. Нет никакого сомнения, что ее дядя Петр I в свое время требовал того же.

Нам скажут: река Сердоба мелкая, не годится для судоходства. Но это сегодня. Во времена Петра река была значительно полноводнее. По ней путешествовали на лодках даже спустя сто лет. Князь Куракин в конце 18 века не раз пускался ради развлечения в путешествия по Сердобе и Хопру *«с целой флотилией судов»*¹⁸. Ясно, что на реке имелись перекаты и мели, но это обычно для речной навигации (вспомните-ка старую комедию «Волга-Волга»); суда и плоты вытаскивались на полноводье вручную.

Заготовители плавсредств для азовских переведенцев могли прибыть на Сердобу уже зимой 1697/98 года. Государевы указы исполнялись немедленно, «нимало ни замотчав», со сверхзвуковой скоростью, под страхом лишения жизни. Как в знаменитой «Левше» Николая Лескова: исполняя указание государя, кучер нахлестывал кнутом лошадей, его лупили ногойками два казака, а казаков подгонял пинками атаман Платов, «чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала». Поэтому нетрудно вообразить действия пензенского воеводы Гаврилы Яковлевича Тухачевского, прочитавшего ноябрьский указ о переведенцах. Оторвав глаза от бумаги, он, конечно, тут же отрядил на старую Казачью дорожку, что проходила в устье Сердобы, подведомственных ему служилых людей. Кое-кто из них места эти хорошо знал — сурские казаки топтали упомянутую дорожку со времени основания Нижнего Ломова и Пензы. Явившись сюда, служилые люди должны были рубить деревья, строить для себя жилища, заготавливать тес для постройки плоскодонок.

Справившись с этим делом и проводив первых переведенцев в Азов по вешней воде в 1698 году, заготовители стали рубить лес уже непосредственно для восстановления Азова. Какая-то часть сторожей, по распоряжению воеводы, отплыла вместе со всеми к морю. Сохранились документы, определенно указывающие, что некоторые первооткрыватели Сердобинской слободы оказались в Азове. В 1702 году в Пензенском и Мокшанском уездах производился сыск беглецов, в ходе которого выявлен 31 человек из числа живших в Сердобинской слободе, отправленных в Азов, но сбежавших¹⁹. Скольким удалось улизнуть от сыска, история умалчивает. В Азове переведенцев припи-

¹⁷ Сборник Русского исторического общества. СПб. 1902. Том 114. С. 568–569.

¹⁸ Восемнадцатый век. М., 1305. Т. 2. С. 133.

¹⁹ РГАДА, ф. 1209, оп. 4, е. хр. 5186, л. 19 об.

сали к пяти полкам, называвшимся по именам командиров: Ивана Старкова, Венедикта Янгрека, Владимира Жаворонкова, Александра Блудова и Степана Верховского²⁰.

Наши выводы о первоначальном предназначении Сердобинской слободы как естественной лесной кладовой для Азова косвенно подтверждает переписка азовских властей с царем. Вот что докладывал азовский губернатор Иван Андреевич Толстой Петру I.

«В прошлом 705-м году и в нынешнем 706-м годех с Хоперских пристаней по наряду многих лесов к Азову и к Троицкому²¹ не приправлено, за тем: присланные ис Канцелярии ясачного збору приписных к Азову городов дворцовых крестьян и мордвы, а ис Казани присланные ж для сплавки тех лесов служилых людей тех городов воеводам по наряду сполна выслать не дали, и по многим посылкам и письмам выслали малое число, испустя к тому удобное время; и о том из Азова в Розряд и в Концелярию²² писано. И из Розряду в Азов писано: велено те города к Азову ведать по-прежнему, чтоб в Азове и в Троицком во всяких делах никакие остановки не было. А ис Казани Никита Кудрявцов²³ в Азов писал: ясачных и тяглых дворцовых крестьян, которые к Азову приписаны, без имянного великого государя указу в работу высылать не смеют. А в Азове и в Троицком за тем во многих делах чинитца остановка. А буде и ныне тех людей сполна по наряду в той работе не будет и по просителным письмам на переделку караблей и галер, и к городовому, и к гавонному и магазейному и к докову строениям лесов сполна изготовить, и к тем Азову и к Троицкому приправить будет некем, и за тем в Азове и в Троицком карабельная и галерная переделка, и доковое дело, и городовые, и гаванные, и магазейные, и все дела остановятца, для того кирпичей и извести обжигать и уголья жечь будет нечем.»²⁴

На докладе резолюция Петра: «Послать указ именной в Казань и во Дворец, велено конечно по-старому высылать и ведать в Азове».

Документ ясно указывает, откуда поступал лес и для чего он был необходим: для ремонта и переделки кораблей, постройки городов Азова и Троицкого (Таганрога), магазейнов (складов), гавани и ремонтных доков, обжига кирпича и извести. Доставлялся же он с «Хоперских пристаней», в том числе, очевидно, от Сердобской. Кроме того, ясачные люди и дворцовые крестьяне занимались еще «приправкой»

²⁰ РГАДА, ф. 1032, оп. 1, е. хр. 10 (документы Азовской приказной избы).

²¹ Троицкий — первое название г. Таганрога.

²² Разряд — правительственное учреждение в Москве. Канцелярия — здесь: исполнительный орган при казанском губернаторе, которому подчинялась и Пенза.

²³ Казанский губернатор.

²⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Спб. 1900. Т. 4. С. 462–463.

сплавляемых лесов, т. е. были плотогонами, а служилые люди, судя по всему, сопровождали сплав до самого устья, чтобы плотогоны, люди подневольные, не разбежались и чтобы прихопровские и придонские жители не растащили бревна. В конце лета, под охраной сторожей корабельных лесов и казаков, то на подводах, то пешком, плотогоны вереницей брели обратно. Труд тяжелейший и немыслимый для современного человека, но не следует забывать, что еще в 17 веке русские дошли до берегов Тихого океана. Да, были люди!..

II

Все ранние документы называют первоителями Сердобска сторожей корабельных лесов. Зададимся вопросом, почему именно они стали основателями города, а не казаки, стрельцы или драгуны, как в случае с поселениями-ровесниками — Малосердобинской, Аткарской и Бураской слободами? Ответ надо искать в функциях служилых людей новых поселений. Если вышеназванные слободы строились как аванпосты г. Петровска-на-Медведице с целью разведки намерений противника, поиска сакм, по которым проследовал неприятель, определения его численности и прочих чисто пограничных функций, то Сердобская слобода (будем иногда называть ее так для отличия от Малой Сердобы) поселена как для охраны стоящего на корню, так и готового леса. А то крестьянишки вырубят его на свои дворы, либо пожгут по нечаянности, резонно рассуждали московские дьяки. Охрану естественнее всего было возложить на засечных сторожей. Кто же лучше них знает лес? Вот почему на берегах Сердобы оказалась категория служилых людей, переведенная из разряда засечных в сторожа корабельных лесов.

Под рукой пензенского воеводы имелись две слободы засечных сторожей. Одна под пригородом Мокшаном именовалась Саранской Мокшанской слободой (ныне с. Засечное Мокшанского района), другая под Пензой на озере Ёве — Ёвская слобода (ныне на ее месте находится тоже с. Засечное, но Пензенского района). Из этих двух мест, а главным образом, как видно из документов, из Мокшанской слободы и были посланы засечные сторожа беречь строевой лес на Сердобе и Хопре.

О старых местах жительства первопоселенцев даже сегодня напоминают названия улиц в Сердобске. Это Весёловская (ныне Максима Горького), Лебедёвка (горная часть улицы Ленина) и Большая Лебедёвка, тянущаяся от реки Сердобы до электролампового завода. Их названия, конечно, не случайно перекликаются с именами селений,

откуда прибыли засечные сторожа. Служа в Пензе и охраняя засеку на Западной Поляне, они пахали поля под д. Весёловкой. Под Пензой же лежали поля сторожей Ёвской слободы, распахивавшиеся до д. Лебедёвки. Отсюда названия сердобских улиц Весёловки, Лебедёвки и Большой Лебедёвки. Их основали выходцы из-под Пензы.

Важные сведения о содержании службы сердобских сторожей опубликовал известный историк-краевед Виталий Иванович Лебедев²⁵. Предварительно мы должны сделать оговорку. Сообщив о том, что на реку Сердобу первых засечных сторожей отправил пензенский воевода Г. Я. Тухачевский в 1699 году, автор книги допустил ошибку. На самом деле, как явствует из документа, Гаврила Яковлевич в этом году отмежевал корабельным сторожам землю, о времени их перевода на Сердобу в документе не сообщается. И вот этот 1699 год краеведы, в том числе автор данной книги²⁶, неправоммерно объявили датой рождения Сердобинской слободы.

Но перевод населения и межевание — совершенно разные вещи. Как правило, при заселении помещичьих вотчин сначала отводилась земля, потом плотники строили дворы, а уже в них привозили крестьян. У служилых людей наоборот: получив указ о переводе на новые места, они немедленно выезжали туда (на старом месте оставалась только часть служилых людей, распродававшая имущество), строили избы и укрепления, несли военную службу и лишь через год-два производилось наделение землей. Так, город Пенза основан в 1663 году, а межевание осуществлено в 1665-м, о чем повествует «строельная книга» города²⁷. Сердобск, безусловно, также построен раньше, чем переведенцы официально обзавелись землями. Во-вторых, попробовал бы Тухачевский затянуть с исполнением царского указа на целых два года! С него слетела бы голова. А между тем предок будущего красного маршала продолжал благополучно воеводствовать в Пензе. Значит, он управился с исполнением царского указа в срок.

Теперь вернемся к документу, опубликованному В. И. Лебедевым. «Ноября в ... день нынешнего 208 года²⁸. — говорится в нем, — по указу великого государя, по грамоте ис приказу Казанского дворца для сторожи по реке Хопру описанных корабельных лесов переведе-

²⁵ Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 121.

²⁶ Палубяров М. С. Мокша, Сура и другие....: Материалы к историко-топонимическому словарю Пензенской области. М., 1992. С. 130.

²⁷ Мясников Г. В. Указ. соч. С. 133.

²⁸ 7208 г. от Сотворения мира. Чтобы перевести дату на современное летоисчисление, надо из 7208 вычесть 5508 лет — будет 1700 год. Однако, если речь идет о датах между 1 сентября и 31 декабря, как в данном случае, то вычитается не 5508, а 5509, так как до календарной реформы Петра первым днем нового года считалось 1 сентября.

ны пензенские черты сельца Еввы да Мокшанской Саранской слободы засечные сторожа Сенька Беляев с товарищи 30 служб и их собственников 57 человек... И тем засечным сторожем карабельной заповедной лес по реке Хопру оберегать и осматривать тот лес непрестанно с переменою, чтоб проезжая всяких чинов люди, езда чрез тот карабельной лес и возле того лесу огнев не клали, чтоб карабельной лес от того не погорел... А вотчинником в тот лес входить для звериной ловли и бортев²⁹ им в том лесу делать не велено. И смотреть им, сторожам, накрепко, чтоб порухи никакой над теми лесами не учинили... Да в прошлом же 1700-м году марта в 24 день послана наша, великого государя, грамота по челобитью Пензенского уезду Сердобинской слободы карабельных лесов сторожей десятников³⁰ и рядовых Тимошки Гушина с товарищи на Пензу к воеводе Гаврилу Тухачевскому: велено в том месте быть тем засечным сторожем и тот лес им оберегать и самим не рубать, а землю и всякими угожьями им, засечным сторожам, владеть по отводным книгам».

Книги по отводу земель сердобским засечным сторожам не отысканы. Они хранились в архиве приказа Казанского дворца, почти до последнего документа сгоревшего в огне многочисленных московских пожаров. Датированы были бумаги не позднее 1699 года, ибо в документах об отводе земли князю Куракину (12 января 1700 года) уже упоминаются в качестве межевых ориентиров «границ карабельных лесов сторожей». Кроме того, наделение служилых людей поместьями, по-видимому, производилось неоднократно.

27 января 1703 года нижнеломовцы Федор Иванович Озеров, Осип Иванович Малахов и солдат Кузьма Кузьмич Шишкин с товарищами били челом великому государю о том, что в 208 (1699/1700) году керенский подьячий Алексей Меньшов отвел им землю на Чембаре, Хопре и Сердобе, «и разные признаки чинили, и огранили», но они в это время были на службе и поэтому получить причитающееся им земельное жалование не успели. Когда они вернулись, подьячий Меньшов уже умер, а отказные книги затерялись, удалось обнаружить лишь книги о сыске земель. Челобитчики два года несли службу в Тетюшах (на Волге к северу от Ульяновска, на старой засечной черте), а с 1702 года — на Хопре у лесных припасов.

Просьбу челобитчиков удовлетворили, в частности, четырем братьям Шишкиным и другим солдатам (всего 144 человека) пожалованы и отведены угожья на «усть речки Арцады, где впала в реку Хопер, и от того арцадинского устья вниз по реке Хопру по обе стороны и по реке Сер-

²⁹ То есть бортей в деревьях для добычи дикого меда.

³⁰ В книге описки. Тимофей Гуцин, как убедимся ниже, был пятидесятником, а не десятником.

дабе по обе ж стороны и до речки Рузановки», а также в урочищах по Чембару³¹. По-видимому, на их землях основаны д. Дубовка, с. Гранки и с. Трескино Бековского района. Потомки Шишкина «с товарищи» известны по переписным книгам как однодворцы в Никольском, Камзола тож, Рождественской Камзоле, Дубасово, Жадовке (Яблочково), Засекино, в самой Сердобинской слободе и в других селениях района. Они отличались от прочих служилых людей тем, что земля отмежевывалась им каждому отдельно, а не «вопче», как прочим сторожам корабельных лесов. Площадь пашни у большинства оставалась практически такой же, как у «общинников» — 25 четвертей в поле, а в дву по тому ж. Кроме того, некоторые однодворцы владели крепостными крестьянами.

Итак, одними из первых жителей Сердобинской слободы стали люди, набранные в Ёвской и Саранской (Мокшанской) слободах, а судя по народному названию улицы Веселовки, в числе первопоселенцев были и сторожа с пензенской засеки, что на Западной Поляне. Пятидесятниками у них показаны Семен Беляев и Тимофей Гушин. Позднее к ним присоединились нижнеломовцы. Есть документ, подтверждающий, что именно из Мокшанской и Евской слобод набиралось население для будущего Сердобска. В 1702 году описывались дворы, оставшиеся в Пензенском уезде после азовских переведенцев. О Ёвинской слободе сказано, что из нее переведено всего 8 сторожей столько же осталось на месте. По Саранской слободе число переведенцев не указано («а сколько человек числом, того на Пензе в приказе не ведомо»), зато говорится: оставшиеся после них 77 дворов заселены крестьянами Петра Лопухина, получившего после засечных сторожей землю, а 50 дворов пусты³². Значит, в Саранской слободе до перевода служилых людей насчитывалось (50+77) 127 дворов засечных сторожей и, следовательно, именно из нее, как наиболее крупного населенного пункта, проследовал на реку Сердобу самый длинный переселенческий обоз.

Чрезвычайно важным документом о дате основания Сердобинской слободы является запись об открытии в ней церкви³³: «208 года сентября в 20 день по указу св. патриарха, а по челобитью Пензенского уезда *новопоселенных слободы*, что на реке на Сердобе, сторожей пятидесятника Тимошки Гушина, положено дани с новопостроенные церкви Архангела Михаила, которую они построили в той новопоселенной слободе, что на реке на Сердобе, на попа с причетники, по ска-

³¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, е. хр. 12113, лл. 240–247.

³² РГАДА, ф. 1209, оп. 4, е. хр. 5186, лл. 42, 42 об., 66 об., 70, 73 об., 130 об.

³³ Авторы книги «Сердобск» Н. П. Бульин и С. М. Махалкин неправильно датировали этот документ 1700 годом. Как уже говорилось, если дата летоисчисления от Сотворения мира приходится на дни между 1 сентября и 31 декабря, то из нее вычитается не 5508, что и сделали краеведы, а 5509.

ске его пятидесятниковой, с дворов: с попова, дьячкова, пономарева, про-
свирицына, с 30 дворов сторожевых, да с церковные земли, по памяти
из приказа Казанского дворца за приписью дьяка Макара Полянского,
нынешнего 1700 года августа в 4 день»³⁴. Дань с церкви, гласит указ,
следует взимать деньгами с 60-ти четвертей церковной земли 1 рубль 7
алтын 5 денег [около 1,5 рубля], начиная с 1701 года.

Здесь важно несколько моментов. Первый — слобода названа ново-
поселенной. Второй — можно судить о ее величине: 30 дворов служи-
лых людей плюс 4 — церковников. Но были еще дворы работных людей,
о которых челобитчик Тимофей Гушин не писал, поскольку ими не рас-
поряжался. Совершенно ясно: таких дворов не могло быть меньше, чем у
сторожей, а пожалуй, побольше. Следовательно, без большого риска оши-
биться, можно прикинуть, что в слободе в 1700 году насчитывалось не
менее сотни дворов и 600–700 душ обоего пола.

Наконец, на основании документа есть шанс достаточно точно опре-
делить время постройки слободы. Церковь вряд ли возможно завершить
за одно лето. К примеру, в Пензе первая церковь во имя Всемилости-
вейшего Спаса построена спустя год после основания города³⁵. По пра-
вославной традиции храм называли в честь того святого, в чей день он
закладывался, или, наоборот, дата закладки приурочивалась к этой дате.
Престол в первом сердобском храме, как видно из книги Патриаршего
приказа, посвящен Михаилу Архангелу. Ближайший предшествующий
Михайлов день был 8 ноября (по старому стилю) 1698 года. На наш
взгляд, эту дату и следует принять за точку отсчета в истории города
Сердобска. По нынешнему григорианскому календарю дата рождения
города приходится на **18 ноября**³⁶. Следовательно, **в этот день 1998**
года Сердобску исполняется 300 лет. Закладка церкви 8 ноября
1697 года еще не могла состояться, слишком мало времени прошло по-
сле царского указа (три дня) об азовских переведенцах. Молебен на
Лысой горе в ознаменование строительства храма в честь Архистратига
Михаила отец Тимофей Иванов (первый сердобский батюшка, упомяну-
тый в книге Патриаршего приказа) должен был служить 8/18 ноября
1698 года. Не раньше и не позже.

Подведем итог. Цепочка событий, положивших начало будущему го-
роду в низовьях Сердобы, выстраивается следующая. 5 ноября 1697 года
царь Петр подписал указ о переводе в Азов 3000 семей служилых лю-

³⁴ Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории колонизации Саратовского северо-восточного края. До второй половины XVIII века // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Саратов, 1891. Т. III. С. 6.

³⁵ Мясников Г. В. Указ. соч. С. 126.

³⁶ В 17 в. разница между датами юлианского и григорианского календарей составляла не 13, как в начале 20 в., а 10 дней. В 20 веке Михайлов день приходится на 21 ноября.

дей из Пензенского и других соседних уездов. В ту же осень или зимой на берега Сердобы явились заготовители плавсредств для переведенцев. Зимой они строили для них плоты и лодки. Отправив азовцев весной 1698 года, засечные сторожа и крестьяне начали обустраиваться, делать острог, жилье, сплавливая одновременно лес для азовцев. В 1698-м, в Михайлов день 8 ноября (по старому юлианскому календарю), сторожа заложили на горе церковь, а осенью 1699-го освятили ее.

III

Служба засечных сторожей была опасная, отмечал В. И. Лебедев. В подтверждение историк приводил такой документ. 19 февраля 1701 года сердобинский пятидесятник Шетинин с товарищами информировал царя, что «приходы-де к ним от воинских людей бывают частые, и с теми воинскими людьми бьются смертными побоями», а служат они «сторожевую службу одною слободою; и объезжают тот карабельный описной лес на 100 верст и больши на своих лошадях»; и им же приходится работать на реке Хопре у лесных припасов, разъезжать «с Пензы до Вороны и назад с Вороны до Пензы... И от тех разных служб и от приходу воинских людей разо[ри]лись без остатку», — горько жаловались сторожа³⁷.

Заслуживают внимания сведения в документах о наделении земельным жалованием солдата Кузьмы Шишкина с товарищами. Два года они служили на Тетюшской засечной черте на Волге, с 1702 года (в документе ошибочно написано: 172) «с марта месяца на реке Хопре у лесных припасов по отписке [по распоряжению] из Азова от думного дворянина и воеводы Степана Богдановича Ловчикова с товарищи, а товарищи де ево и салдаты у тех же лесных припасов у ронки [рубки деревьев] и у гонки плотов, а иные в Озове годовали»³⁸. Из чего следует: служилые люди, караулившие корабельные леса, находились в оперативном подчинении у азовского воеводы, охраняя рабочую силу во время «ронки» деревьев и гонки плотов до самого Азова. Иногда они запаздывали вернуться назад, или этого сделать было невозможно (кубанцы расшалились в степи; по болезни — в Азове одна эпидемия сменяла другую), тогда солдаты «годовали» у моря, т. е. жили до нового года, возвращаясь домой санным путем, чтобы поспеть к очередному сплаву плотов.

Помимо обеспечения Азова лесными припасами, сторожам случалось отражать наскоки «кубанских татар»: ногайцев, адыгов, черкесов

³⁷ Лебедев В. И. Указ. соч. С. 121–122.

³⁸ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, е. хр. 12113, лл. 240–247.

и других горских народов Кубани и Приазовья. Главная цель их экспедиций в Россию заключалась в захвате пленных. Русские, мордва, татары — кто попадет, — оказавшись пленниками, продавались на невольничьих рынках Анапы, Кафы, Константинополя, или использовались в домашнем хозяйстве захватчиков³⁹. Особенно трагичен по последствиям «кубанский погром», в первых числах августа 1717 года. Сердобинская слобода, как и многие другие селения Пензенского, Верхне- и Нижнеломовского, а также Петровского и Саранского уездов, оказалась в полосе этого набега. Краеведы утверждают, будто местным пахотным солдатам удалось отстоять слободу⁴⁰. Но это не так. Как и соседние населенные пункты, Сердобск подвергся разгрому. В хранящемся в фонде Сената деле «О приходе к городу Петровску кубанцев и о разорении от них слобод и о взятых слобод людей и о побитых» на этот счет имеются точные сведения, составленные примерно в ноябре того же года. В перечневой ведомости о пострадавших селениях Пензенского уезда упоминаются четыре населенных пункта на территории нынешнего Сердобского района: Сердобинская слобода, села Знаменское (Долгуроково), Архангельское (Мещерское) и сельцо Борисоглебское (Куракино). «Сердобинской слободы салдат побито 2, в полон взято 82, женска полу 55, итого 139 человек», — сообщает документ. В селе Долгуроково убито 6, взят в плен 191 человек, «село выжжено»; в Мещерском убит один, пленено 85, «церковь и помещичий двор выжжены»; в Куракино убит один, 18 крестьян угнано в плен, «выжжено 10 дворов»⁴¹. Но это не полные данные. Отсутствуют сведения о селах и деревнях Нижнеломовского уезда, в состав которого входила часть сердобской территории, — три или четыре села: Репьевка, Никольская Камзола, Рождественская Камзола (состояла из нескольких населенных пунктов). Вместе с ними численность погибших и увезенных в плен сердобчан оценочно достигает без малого тысячи человек. Для начавшего заселяться округа это ощутимый урон. Ведомость умалчивает о сожжении острога Сердобской слободы. Возможно, его удалось отстоять, отсюда происхождение предания о героизме защитников края.

Еще один надежный источник, позволяющий установить факт нападения кубанцев на сердобские села, — ревизские сказки. К сожалению, они сохранились не полностью. Напомню, название этого вида документа восходит к слову *сказывать*, сообщать сведения (о себе) перед государственным чиновником или другим должностным лицом,

³⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 386.

⁴⁰ Бульин Н. П., Махалкин С. М. Указ. соч. С. 6.

⁴¹ РГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 102, лл. 657 об., 659 об., 660.

которому поручена проверка правильности проведения переписи. За умышленную ложь полагалась смертная казнь (впрочем, фактически такая строгая мера не применялась).

Ревизские сказки 1719 года называют ряд жителей Сердобской слободы, изведавших горечь неволи, или убитых. Это Мария Кожевникова, Степанида Аверина, Ульяна Колесникова, Авдотья Никифорова, Катерина Карпова с сыном, жена Дмитрия Муромцева, Марья Огурешникова с детьми, жена и двое детей Семена Мокрого, дети Анны Сысоевой, Марии Степановой, муж Татьяны Федоровой; засечный сторож Игнатий Захаров «убит от кубанских татар, а мать его Матрена Карпова з детьми с Тихоном и Матреною взята в полон»; взят в полон засечный сторож Емельян Стринов (или Струков?)⁴². Вдова Авдотья Микулина показала: только она «пришла в тою слободу пожить, как разорили кубанские татары»⁴³. В другой сказке говорится: «В нынешнем 717 году муж ее взят в полон кубанскими татарами»⁴⁴.

Приведенные фамилии не исчерпывают список пленяников. В документ не попали имена людей, чьи семьи взяты в плен поголовно, так что некому сказку сказать переписчикам, или сумевших бежать из плена и вернуться в слободу до окончания ревизии. Обращает на себя внимание факт пленения преимущественно женщин. Скорее всего, кубанцы настигли одних в поле во время жатвы, других в лесу, где бабы, жалея коров, решили отсидеться до ухода «басурман», да буренушки мычанием выдали... Солдатам же удалось укрыться в остроге и отстоять его. Судя по событиям, налетчики, предав огню жилые дома, острога взять не смогли. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на противоречие: в перечневой ведомости среди пленных количественно преобладают солдаты, которые могли попасть в лапы неприятеля при исполнении службы вне острога: на дальних караулах, на перевозке и сплаве леса, во время сопровождения караванов и т.д.

История «кубанского погрома» совершенно не изучена, хотя это одна из самых ярких и драматических страниц царствования Петра I, «не укладывающаяся» в рамки панегирического отношения к нему отечественных историков от Голикова до Павленко. Ответ на вопрос, как могло плохо организованное «азиатское» войско увести из срединной России десятки тысяч жителей, остается открытым.

В прошлом столетии И. Людмилов напечатал примечательное предание. «В 1717 году вторгнулись в здешние пределы большие ско-

⁴² РГАДА, ф. 350, оп. 1, е. хр. 2680, лл. 435–491.

⁴³ Там же. Л. 471.

⁴⁴ Там же. Л. 490.

пища татар крымских и кубанских и проникли даже до Пензы и Симбирска, — писал автор публикации. — Один из отрядов подступил к Большой Сердобе. Село, как водилось тогда, было ограждено большим валом, а жители его, уже привычные к нападениям, вооружившись кто чем мог, решили защищаться. Татары вообще не охотники были ходить на приступ, да, вероятно, и не считали себя сильными для такого дела, а стали держать село в осаде. Тогда поселяне сделали еще сильнее и затеяли сами напасть на татар. Попытка сопровождалась полной удачей. Предание утверждает, что весь успех дела зависел от отчаянной храбрости одного крестьянина, который на коне, вооруженный только кистенем или нагайкою с заплетенным на конце ее медным шаром, бросился в толпу татар и, как древний богатырь, пошел косить направо и налево⁴⁵.

В общем, как сказал поэт, «русской ложкой деревянной восемь фрицев уложил»: выехал из села некий богатырь, выпорол кубанцев нагайкой, и те умчались восвояси. Справедливости ради отметим: предания никогда не возникают произвольно, каждое из них имеет реальную подоплеку. В данном случае прототипом события мог стать не обязательно самый памятный набег кубанцев, а какой-то еще — мало ли их было? В сознании же людей произошло смещение времени и конкретного факта, что характерно для устного народного творчества. И все же подвиг кого-то из местных жителей, вступившего в бой летом 1717 года почти что с голыми руками и вдохновившего своей дерзостью товарищей, тоже вероятен. На Руси не было недостатка в удальцах.

Но Людмилов неправ, изображая сердобчан в виде простых крестьян, вооружившихся «кто чем мог». Засечные сторожа, как и казаки, имели ружья, пистолеты, сабли, копья, в остроге наверняка было несколько пушечек с сотней ядер. Не исключено, в качестве нештатного оружия оставались луки со стрелами. Потому что в дождливую погоду бывает трудно, а подчас невозможно пальнуть из ружья или пистолета, порох намокнет. В общем, это было сообщество храбрых военных людей, вроде тех, какими показал запорожцев Н. В. Гоголь в повести «Тарас Бульба». Слабые люди не годились для жизни в Диком поле. Степные сражения отличались особым ожесточением: в поле отсутствовали укрытия, и уклониться от боя грудь в грудь практически невозможно. Одно это обстоятельство делало храбрыми даже робких от природы людей.

Как выглядел, где располагался острог, в котором сердобчане встретили врага?

⁴⁵ Саратовские губернские ведомости. 1880. № 66.

У нас нет документов, указывающих на его местонахождение, либо говорящих о том, что такой острог существовал. Только предания! Но на этот раз они утверждают сущую истину. Ибо все поселения служилых людей, граничащие с Диким полем, имели если не крепость, то острог. Его общий вид, вооружение и систему службы можно представить на основе описаний острогов ближайших засечных черт, в частности, Урывского, Сапожковского, Талицкого, Мосальского, Белоколоцкого и других⁴⁶. «Украинные» остроги в Диком поле создавались по определенному шаблону, поэтому Сердобский, надо полагать, выглядел примерно так же.

По преданию, он стоял на правом высоком берегу Сердобы, на Лысой горе. Она весьма обширна. Где именно находился острог? На наш взгляд, на пересечении улицы Набережной и Набережного переулка. Здесь решающее значение для выбора точки постройки имел рельеф. С юга это место надежно прикрывала почти отвесная крутизна сердобинского берега высотой, на глаз, метров в тридцать, с востока — короткий, но глубокий безымянный овраг, что тянется вдоль Набережного переулка. Малосердобинский, Старобурасский, Аткарский остроги также стояли на крутых берегах реки и впадающих в них оврагов. С севера и востока Лысую гору прикрывал лес, позднее вырубленный. О нем в подписи к рисунку Нагорной площади (Лысой горы) в середине 19 века говорится: «В памяти старожил, на этом месте был лес»⁴⁷. Относительно уязвимыми казались лишь западные подступы к острогу. Но их нетрудно укрепить. По-видимому, вдоль левого берега Шишковки, где и сегодня довольно крутой подъем, он подкапывался с целью создания большей крутизны. Для проезда оставлялась узкая дорога, при необходимости перегораживавшаяся сваленными деревьями. Так что подобраться к острогу противнику было сложно и с этой стороны.

Имелся ли вокруг острога вал, о котором упоминает Людмилов? Когда он записывал предание, за оборонительный могли принять старый городской (не острожный) вал, насыпанный в конце 18 века, чтобы в Сердобск не проезжали беспошлинно торговцы. Упоминание о городском рве, учиненном для этой цели, содержится, например, в «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. В начале же 18 столетия оборонительного вала, скорее всего, не было, мест-

⁴⁶ «Опись городов» (1678 г.). — В кн.: Дополнения к Актам историческим. СПб., 1875. Т. IX. С. 242, 248, 265, 282–283, 286–287.

⁴⁷ Иллюстрация. 1848. № 15.

ность в смысле обороны и так более чем хороша. Наверняка, в дополнение к естественным препятствиям, на опасных направлениях ставили надолбы — закопанные наискосок глубоко в землю обрубки деревьев, расставленные таким образом, чтобы через них не проехал даже одиночный всадник.

Принимая за образцы описания других острогов (Урывского, Сапожковского и пр.), сердобский выглядел приблизительно так. Четырехугольная площадка, окруженная врытым в землю стоячим деревом с заостренными вершинками, тремя-пятью квадратными в сечении башнями, из которых одна проезжая, остальные глухие. В периметре острог имел, по-видимому, около 200 саженей, не более того. Башни несколько выступали из линии стен, чтобы из боковых бойниц — стрельниц — можно было вести огонь по противнику, подобравшемуся вплотную к стенам. Пушки стояли в башнях: нижнего боя — в нижних бойницах, верхнего — в верхних. На территории острога обязательно колодец с журавлем, караульная и колодная избы, зеленый (пороховой) погреб, житница со страховым запасом ржи, овса и сухарей. Продовольствие хранилось не только на случай осадного сидения, но и для выдачи сторожам, отправлявшимся на дальние караулы на неделю или на две. Над стеной острога (или над одной из башен) под небольшим четырехугольным грибочком висел многопудовый вестовой колокол. В него ударяли при военной опасности или в метель, чтобы те, кто в пути, не замерзли, добираясь до дома. Не исключено, что в остроге для «угощения» неприятеля имелся раскат — наклонная площадка по верху стены, с которой во время штурма скатывались на головы противника толстые бревна. В караульной избе у осадного головы или старшего пятидесятника всегда под рукой был подьячий, читавший ему письменные распоряжения начальства и писавший ответы (сами пятидесятники были в основном неграмотными). В колодной избе (или погребу) держали до решения пензенского воеводы арестованных и вообще подозрительных личностей, задержанных в окрестностях.

Выбирая место для острога, руководствовались не только интересами его неприступности. Обязательным условием была близость к поверхности водоносных слоев. Лысая гора в этом отношении безукоризненна: с верху ее бил мощный ключ — верный симптом наличия воды уже в одном-двух метрах от земли.

Первая Архангельская церковь, вероятно, стояла внутри острога. В стороне от него строить храм было рискованно: заняв колокольню, противник мог расстреливать безнаказанно сверху защитников острога, а по нему стрелять нельзя — храм Божий, грех.

На одной из башен постоянно дежурил караульный, держа в поле зрения ближайший степной наблюдательный пункт, где стоял казак соседней слободы. Тот в свою очередь наблюдал за сигналами следующего выдвинутого в степь поста и так далее. Как только являлся противник, самый дальний караул (несколько человек, живших на посту по неделе) зажигал на длинном шесте густо чадящий факел. Покачивание дымом вправо-влево означало, например, «противник идет в сторону Сердобска»; вверх-вниз — «идет в сторону Петровска» большими кругами — «особая опасность! Противника очень много!» и т.д. Сигнал принимал промежуточный пост, повторяя движение факела дальнего караула. Так работал «степной телеграф», принимая который, сердобинский приказной начальник решал, какие действия предпринять. Караульные, убедившись, что сигнал принят, скакали в слободу доложить устно об увиденном. Это были смелые, мужественные люди, им всегда противостоял неприятель, в десятки и сотни раз превосходивший по численности. Враг тоже видел сигналы факельщика и уж наверняка отряжал в погоню десяток молодцов — тут уж спасай, верный конь, будет тебе уж ова вволю!

Живое описание тревоги и действий, вызываемых появлением кубанцев, запечатлел саратовский краевед Леопольдов в 1830-х годах. Один старик из города Петровска, помнивший будто бы Петра I, рассказывал ему: «Бывало, поедем в поле на работу, вдруг сторожевые на башнях выставляют знак на длинных шестах или бьют в набат, извещая, что едут кубанцы. Мы с поля опрореметью — домой, запираем ворота крепости, засыпаем их землей, стреляем с башен из пушек, ружей и луков. Враги не отваживались на штурм: поездят вокруг крепости и удалятся. Так часто мы отсиживались в крепости от этого поганого народа». Историк А. А. Гераклитов, процитировавший это повествование, сомневается, что старик сам мог наблюдать это (в эпоху Петра рассказчик, пожалуй, еще не был рожден), «но все же в рассказе чувствуется правда действительного переживания»⁴⁸. По-видимому, старик передавал Леопольдову то, о чем не раз слышал от отца или деда.

Острог не служил жильем, а только для нужд обороны: в него в минуту опасности сбегались сторожа и их семьи. В обычное время люди обретались вблизи острога в собственных дворах. Линий улиц как таковых не просматривалось, но определенный порядок существовал, обнаруживая тяготение к р. Сердобе, оврагу Шишковке и роднику на Лысой горе, как это видно на плане города 1801 года. Избы рубили из дерева, леса хватало. В таком виде Сердобинская слобода встретила нашествие кубанцев в первых числах августа 1717 года. Отзвуки

⁴⁸ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 309.

памятного события слышны в мордовской песне, записанной в селе Мачкасы Шемышейского района. Вот ее отрывок:

На краю леса эрзянский парень рубит дрова.
 [...] В поле посмотрел эрзянский парень — губаны идут.
 [...] Под мостом эрзянский парень спрятался.
 [...] Губаны прошли — эрзянского парня не увидели.
 [...] Позади всех старый ногаец шел,
 На коне-верблюде старый губан ехал,
 Четырехглазая собака с ним бежала.
 Под мостом эрзянского парня он увидел,
 За хвост лаптя... молодца вытащил,
 Сырым ремнем старый губан его связал,
 На коня своего старый ногаец бросил,
 В страну губанскую... молодца доставил⁴⁹.

Если сердобчанам удалось отстоять острог, то успех обусловлен, конечно, не только стойкостью и мужеством сторожей. Большое значение имело то обстоятельство, что под Сердобском объявилось не основное войско кубанцев, а относительно небольшой отряд. Как показывают архивные источники, главные полки кубанцев двигались по пензенско-саратовской большой дороге. Петровчане и пензенцы делали вылазки и имели сражения с неприятелем в степи, хотя без особого успеха — слишком неравны силы⁵⁰.

По аналогии с событиями, отраженными в документах, часть которых опубликована в «Трудах Пензенской ученой архивной комиссии», умозрительно можно составить представление о том, что происходило в Сердобске в конце июля, начале августа. Караулы обнаружили приближение к слободе неприятеля. Слобода приготовилась к отражению нападения, послав весть пензенскому воеводе. Кубанцы сосредоточились на Песках, рыская по округе и хватая в плен замешкавшихся обывателей. В пешем порядке они попытались взять острог, взбираясь по лестницам со стороны Шишковки на кручу Лысой горы, но были встречены огнем из мушкетов и нескольких пушек, стрелявших из башен. Налетчикам не хватило сил на мощный штурм. Блокировав острог с запада и постояв несколько дней, они ушли в степь, уводя с собой полон, собранный по окрестным деревням и в слободе. В эти дни, возможно, имела место запечатленная в предании успешная боевая вылазка пахотных солдат.

⁴⁹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1977. Т. I. Кн. 2. С. 59–60.

⁵⁰ Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1903. Кн. I. С. 147–157.

Переписные книги 1717 года зафиксировали в Сердобинской слободе 250 дворов, в которых проживало 904 человека⁵¹. В основном это солдаты (440), дворцовые (181) и помещичьи (102) крестьяне, остальные категории крестьян (монастырские, церковные и ясачные), а также посадские люди представлены в незначительном количестве. Меж первопоселенцев преобладали лица служилого чина (пахотные солдаты) и царские (дворцовые) крестьяне — то есть «государевы люди» (около 70 процентов), остальные 30 приходились на помещичьих, монастырских, церковных крестьян и лиц прочих сословий. Привлечение в массовом количестве «государственного» элемента говорит о крайней спешке, сопутствовавшей строительству Сердобска: Петр отдавал для этого прежде всего людей, принадлежавших царскому дому. В противном случае дело могло затянуться: нужно было бы давать разверстки по помещикам и монастырям, потом долго собирать по одному-двум человекам с каждой деревни... А тут переселил пару государевых слобод поголовно да пару-тройку дворцовых сел, и проблема решена.

Спецификой слободы в этот период стало очень значительное число бобыльских семей — 46, треть всех бобылей Пензенского уезда.⁵² Причем сердобские бобыли почти поголовно состояли из детей и подростков. Это бывшие малолетки, солдатские дети, не взятые в 1697–98 годах на службу в Азов, оставшиеся на попечении родственников, знакомых и прочих «добрых людей». Из 208 бобылей, выявленных в уезде, лиц в возрасте от 10 до 20 лет насчитывалось 192, то есть почти сто процентов, причем треть жила по дворам в Сердобинской слободе.

Частично юные бобыли становились батраками, но многие устраивались на службу, снимая у засечных сторожей четверть, треть, половину, а иногда целую службу вместо выбывшего из строя сторожа. За соучастие в службе бобыль получал от нанимателя соответствующую часть его земельного жалования и переводился, путем поручительства пятидесятника, в сословие сторожей корабельных лесов.

Почему именно Сердобская слобода изобиловала «бесхозной» молодежью? Можно выдвинуть следующее предположение. Когда переведенцы, направляясь в Азов, явились из Пензы и других мест на реку Сердобу, они встретили людей, знавших, что представляет собой Азов: развали-

⁵¹ РГАДА, ф. 350, оп. 1, е. хр. 310, лл. 435–492.

⁵² Бобыли — самая бедная часть крестьян, часто не имевшая ни собственного двора, ни пахотного надела.

ны, эпидемии, налеты татар, отсутствие жилья и прочие неприятности. Естественно, родители задумались, брать ли с собою малых детей. Многие сочли благоразумным оставить их до лучших времен в Сердобске «у добрых людей». Сторожей, соглашавшихся принять малолеток, по видимому, одаривали коровой, лошастью, овцами... Трудно придумать иное объяснение причин подросткового бобыльства именно в Сердобинской слободе. Между прочим, по той же переписи, у малосердобинских станичников бобылей не было вовсе. Так же в Иткаринской, Бурасской и Вершаутской солдатских слободах Петровского уезда. А не было их потому, что оттуда не отправляли людей в Азов!

Убедительное подтверждение того, что в Азове жизнь была невыносимо тяжелой, содержится в итоговых материалах смотра симбирских переведенцев в 1702 году⁵³. В списках числилось подлежащих переводу в Азов 2023 строевых солдата Симбирского уезда. Прибыли на место и занесены в списки в октябре 1699 года 1198 человек (не добралась до места почти треть). Через три года переведенцев в строю осталось всего 439 человек, остальные умерли или бежали. Такая же картина по членам семей. В 1699 году их было в Азове 6137, а в 1702 году — 667. Уменьшение почти десятикратное по сравнению с 1699 годом! Среди них матерей солдат осталось 10, жен солдат — 69, их вдов — 66, недорослей — 47, дочерей — 82. Сравнительно большая цифра показана лишь по сыновьям, зачисленным за эти три года в службу, — 220. Сведениями о пензенцах-переведенцах, что с ними случилось в Азове, мы не располагаем. Но, очевидно, их положение было ничуть не лучше, чем у симбирян, среди которых, между прочим, находились казаки Юловской слободы (г. Городище Пензенской области).

Горе горькое поселилось на берегах Сердобы в годы азовской эпопеи царя Петра. Днями и ночами черная печаль сжигала сердца подростков, чей родной дом остался где-то под Пензой, родители у далекого чужого моря, а сами они на незнакомой для них реке Сердобе, среди суровых, неласковых людей, и некому защитит от обиды.

Напротив, для беглых крепостных, дворцовых и монастырских крестьян река Сердоба казалась в те дни если не земным раем, то вратами в оный. Слобода буквально кишела беглецами, несмотря на формальный запрет принимать их под угрозой каторжных работ, наказания кнутом и немислимых для простых людей штрафов в 20 рублей за голову. За такие деньги в 1702 году можно было купить две-три лошади, или 20 четей (более 120 пудов, две тонны) ржи. Бюрократические строгости почему-то не слишком печаловали местное началь-

⁵³ РГАДА, ф. 1032. оп. 1, е. хр. 10, л. 7.

ство, а высшее смотрело на нарушение указа сквозь пальцы. Любопытно, чиновник, производивший ревизию населения Сердобинской слободы, деликатно именовал крестьян не беглыми, а пришлыми людьми. Откровеннее были сами беглецы, заявлявшие, что они живут в слободе, «збежав» от прежних владельцев.

Вот типичный образец ревизской сказки: «Во дворе Самсон — 30, Сафрон — 16 лет Акимовы дети; у Самсона жена Арина Андреева — 26 лет, сын Алексей — (одного) году, сказались дворцовые крестьяне города Скопина. Збежав, живут в Сердобинской слободе десять лет по приему пятидесятника Матвея Балаболина. И снял в той Сердобинской слободе у засечного сторожа у Ивана Суруда (Сурова?) полторы четверти службы и с того служит сторожевую службу. А подати за них в Скапине кто платит, или лежат впусе, того-де они не знают. А оный примщик Балаболин, по скаске пятидесятниковой Михайлы Токмовцова, умре»⁵⁴.

Или еще сказки: «Двор вдова Саранцова Акимова дочь [имя не указано], Иванова жена, у нее дети [перечисляются], а муж ея, Иван Саранцов, взят кубанскими татараы в полон. Сказалась, что муж был салдацкий сын города Саранска; збежав, живет в Сердобинской слободе пять лет по приему пятидесятника Федора Грохова [или Грохонова], а службы же муж ея не служил и податей [...] не платил, а оной примщик Грохов, по скаске [...] пятидесятников, умре»⁵⁵;

«Двор Егор Федоров — 36 [лет], у него жена [...], дочь [...], сказался крестьянин[ом] Александра и Ивана Львовичев Нарышкиных Шацкого уезду села Новоселок. Збежав, живет в Сердобинской слободе пять лет по приему пятидесятника Василия Пузакова, а службы он не служит и податей не платит, и оной примщик П[у]заков, по скаске [...] пятидесятников, умре»⁵⁶.

«Двор Иван Савельев сын Козлов — 45 [лет], у него жена [...], дети [...], сказался салдацкий сын Красной Слободы. Збежав, живет в Сердобинской слободе 14 лет по приему пятидесятника Матвея Балаболина, имея де в той слободе у Исаия Балашева четь службы, и с того служит сторожевую службу, а оной примщик Матвей Балаболин, по скаске [...] пятидесятников, умре»⁵⁷.

Не может не удивлять почти поголовная смертность пятидесятников, примщиков беглых. Из проанализированных 98 взятых подряд сказок лишь в одном случае «примщик» на момент переписи оказался жив (во всяком случае, не сказано, что он умер), остальные «умре».

⁵⁴ РГАДА, ф. 350, оп. 1, е. хр. 2680, л. 435.

⁵⁵ Там же. Л. 435 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 436.

Впрочем, иногда делалась ссылка на пензенского воеводу, разрешившего принять беглеца. Необычность ситуации нельзя объяснить ничем иным, как желанием пятидесятников уйти от ответственности за прием беглецов. Ее на всякий случай предусмотрительно сваливали на тех, с кого нельзя учинить спрос, — на мертвых.

Выдавать беглых было невыгодно ни рядовым сторожам, ни пятидесятникам, ни более высокому начальству. Сторожа, как мы убедились, охотно сдавали прибылым людям ту или иную часть своей службы. Например, если сторож имел земельное жалование 20 четей в поле, а в дву по тому ж (30 гектаров пашни) да плюс сенокосов 40 копен (4 гектара), а взрослых работников в семье человека три, ясно: такими силами, тем более, без отрыва от службы, обработать столь обширную ниву невозможно. Тут на тракторе «Беларусь» хватило бы работы на все лето. Вспахать сохой 10 гектаров под озимую рожь, сдвоить (вторая вспашка поперек прежней) да посеять — задача более чем сложная. К тому же приспела вывозка снопов с поля, их обмолот, наступила очередь ехать «по вестям» в Пензу или Петровск... Правда, мы не знаем точно, какое жалование полагалось сердобинским засечным сторожам, полагая, что оно было таким же, как на прежнем месте до переселения на Сердобу. Например, в с. Еве засечному сторожу Матюшке Шишкину с товарищами, по указу великого государя, было отведено по 20 четвертей в поле, а в дву по тому ж, и по 40 копен сена⁵⁸ (на одной десятине сенокоса считалось 10 копен). Надо полагать, такое же жалование полагалось его сыну в Сердобинской слободе, сторожу корабельных лесов Артемию Матвеевичу Шишкину. Казакам, в связи с повышенной опасностью службы в ходе далеких выездов в степь, давали по 25, пятидесятникам — по 30 четвертей.

Приняв беглого крестьянина или бобыля на часть службы и сдав ему соответствующее количество пашни, засечный сторож негласно за «доброту свою» мог потребовать от беглеца и его семьи дополнительных услуг по домашнему хозяйству. А тому отказаться нельзя. Так что выгода несомненная. Поэтому к вышеприведенной жалобе сторожей о том, что они «разорились без остатка», следует отнестись критически. В челобитных это обычная форма выклянчивания у великого государя каких-либо послаблений.

Пензенский воевода отвечал прежде всего за состояние службы. Если он не управится с отправкой леса в Азов, царь Петр Алексеевич в лучшем случае обломает дубину о его бока. Но где взять рабочую силу в безлюдном краю? Спасибо, беглые выручают. Вот и прихо-

⁵⁸ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, е. хр. 6492, л. 466—469.

дилось закрывать глаза на беззаконие, ибо творилось оно в «государственных интересах». Разумеется, об этом в ревизских сказках ни слова, но, зная русскую жизнь, нетрудно разглядеть нехитрую подоплеку укрывательства беглых. Нельзя исключать и того, что первыми агитаторами за нелегальный переход на Сердобу новых лиц являлись сами же сторожа, разъезжавшие дозорами до Пензы и до верховьев Вороны в районе Пачелмы.

Из 98 сказок в 42 случаях явившиеся в Сердобинскую слободу лица назвали себя солдатскими детьми, в 34 — дворцовыми крестьянами, в 13 — помещичьими, в 5 — монастырскими и церковными, остальные четверо происходили из ясачных, купеческих, посадских и «польской породы». Большинство солдатских детей явилось из Нижнеломовского (чаще всего из сел Семаевского, Мумарье, Сурино), Тамбовского, Пензенского и Козловского уездов. Дворцовые крестьяне прибыли из 21 населенного пункта, причем большинство из Красной Слободы — 12 семей (ныне город Краснослободск, Мордовия), сел Куликово, Рыбное, Пеньки и Матусово Тамбовского уезда и других мест. Помещичьи крестьяне почти исключительно из Шацкого уезда: 5 семей из Новоселок, по 2 — из Раковского Усада и Кусни, а также из Аламасова, Конобеева, Темяшова. Все они крепостные Александра и Ивана Львовичей Нарышкиных, ближайших родственников царя по матери. Стоит ли удивляться, почему беглые чувствовали себя в Сердобинской слободе в полной безопасности, преспокойно проживая здесь, как Иван Козлов, по 14 лет. Они осознавали себя людьми, находящимися на государственной службе. Даже всемогущие Нарышкины помалкивали, хотя по закону имели право требовать возвращения своих крепостных.

Либеральное отношение к беглецам в Сердобске тем более нетипично, что в те же годы (1707-й) правительство пошло на драконовские меры по отношению к донским казакам, не выдавшим беглецов князю Долгорукому. Полыхнуло знаменитое Булавинское восстание, очередное после Разинщины раскачивание Дона, физическое истребление 40 тысяч казаков⁵⁹, бегство некрасовцев на Кубань. Дон почти обезлюдел, вот почему кубанские татары в 1717 году беспрепятственно дошли до Пензы и Саранска. До самого Петровска никто с ними не вступил в бой. Некому было с ними драться.

⁵⁹ Подьяпольская Е. П. Крестьянская война 1707–1709 гг. / Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 201.

VI

Для удовлетворения любопытства коренных сердобчан, интересующихся корнями своих родов, приведу список первожителей Сердобинской слободы, взятый из ревизских сказок, отбросив фамилии, образованные от имен отцов, поскольку в то время они не являлись фамилиями, меняясь в каждом поколении.

Солдатскими детьми сказались и несли в том или ином объеме сторожевую службу (по алфавиту) Арзамасцев Петр, Балашевы Герасим и Иван, Баляев Иван, Баранин Елистрат, Безверхов Никита, Бирюковы (много), Бортников Игнатий, Бочкаревы (много), Вершинин Михайла, Вилков Антон, Волковы (много), Воротов Иван, Гагин Василий, Гладышев Назар, Гнилоухов Степан, Горшков Иван, Готин Степан, Гушин Семен, Дехтерев Федот, Жарков Сергей, Зайцовы Никита и Семен, Закандыкин Семен, Зеленин Иван, Зеленовы Ермолай и Фадей, Игумнов Иван, Икрянников Прокофий, Каленовы Александр и Трифон, Карабанов Андрей, Карнаухов Борис, Карякин Ермила, Кашин Никита, Китаевы Михайла и Степан, Кобяков Ефим, Козлов Иван, Комарев Дмитрий, Комов Алексей, Корабельщиков Василий, Кузнецовы (много), Курепов Иван, Кучин Иван, Левашов Никита, Лесуновы Семен и Дмитрий, Лопаткин Алексей и Андрей, Лушниковы (много), Мальцовы Петр и Никита, Маринцкой Максим, Маталкин Федор, Мешков Андрей, Мещеряковы (много), Мокрый Семен, Мошков Парамон, Муратов Иван, Муромцов Дмитрий, Нагорной Панфил, Некорыстов Игнатий, Нечаев Еремей, Носов Прокофий, Овчинниковы Василий и Феоктист, Огурешников Алексей, Пакидышев Павел, Панов Василий, Пичюгины Абрам и Авдей, Плеханов Афанасий, Плешаков Петр, Плотников Иван, Позняков Семен, Полуехтов Федор, Полухин Анисим, Поляков Яков («польской породы» из г. Вильно), Пономарев Иван, Поповы Карп, Василий и Денис, Попугаевы (много), Пчелинец Герасим, Репкин Яков, Решетников Алексей, Рубцов Иван, Садомцев Гаврила, Саранцев Иван, Самаевский Василий, Серебряковы Федот и Семен, Слюняев Степан, Сотник Константин, Стриновы (или Струковы) Емельян и Василий, Строков Яков, Ступников Семен, Сударов Иван, Сычовы Емельян и Яков, Трусков Роман, Тюрины Петр и Михайла, Усков Тимофей, Филякин Михайла, Хлыстов Леонтий, Храмов Василий, Чижииков Петр, Чугаев Иван, Чухановский Василий, Шешутин Иван, Шуварцовы Андрей, Афанасий и Никита, Шупкин (т. е. Шубкин) Григорий, Щербаковы (много), Ядринцов Федор.

Пятидесятниками в разное время были Балаболин Матвей, Беляев Семен, Горбунов Григорий, Грохонов Кирилл, Губанов Василий, Гушин Тимофей, Дериглазов Ермолай, Икрянников Максим, Коблов

Яков, Козлов Анисим, Комарев Вавила, Копылов Иван, Корабельщиков Матвей, Косолапов Сидор, Котельников Борис, Манышев Карп, Маторкин Павел, Натахин Кирилл, Овчинников Леонтий, Палачев Федор, Плотников Павел, Попугаев Иван, Постнов Федот, Потапов Павел, Потемкин Карп, Потехин Максим, Пузаковы Василий и Федор, Пустобояров Иван, Саранцов Иван, Смоленов Яков, Солдатов Иван, Токмовцов Михайла, Худобин Александр, Шевров Федор, Шляпин Василий, Щетинин Гаврила; приказной человек Яров Ларион.

К сожалению, объем книги не позволяет перечислить места, откуда и когда явились все эти люди в Сердобинскую слободу.

Внимательное прочтение вновь выявленных и уже известных архивных документов позволяет устранить ошибки, кочующие из одной краеведческой работы в другую. Например, подвергнуть сомнению версию, будто бы Петр после второго Азовского похода побывал на Медведице и заложил город своего имени, распорядившись о постройке слобод в пензенскую сторону, результатом чего стало основание Сердобска⁶⁰. На самом деле есть лишь предание о пребывании Петра в Петровске (возможно, сочиненное краеведами). Что касается строительства слобод, о чем говорится в доезжей записи дворянина Кондратия Булгака на реку Сердобу, то речь идет совсем о другой Сердобинской слободе (нынешней Малой Сердобе), а не о Сердобске⁶¹. Сердобск, как уже отмечалось, находился в административном ведении Пензенской воеводской канцелярии и никогда не подчинялся Петровску. Малая Сердоба, с которой постоянно путают ранний Сердобск, со времени своего основания и до районирования в 1928 году входила в состав Петровского уезда. Истоки путаницы в одинаковости названий: та и другая именовались Архангельскими, Сердобинскими слободами тож. Лишь начиная с 1720-х одну из них официально стали именовать Большой, другую Малой Сердобой.

И все же в заключение раздела стоит пофантазировать на тему, могли ли побывать в сердобских местах Петр I. Он дважды заезжал в Саратов: первый раз во время Азовского похода 2 июня 1695 года⁶², вторично — в начале июля 1722 года, направляясь в Персидский поход. Оба раза он проплывал вниз по Волге с караваном судов. Официально Пензенский край царь не посещал. Но он мог заскочить в Пензу, Петровск и даже в Сердобскую слободу инкогнито по пути в Воронеж, куда наезжал из Москвы неоднократно, либо возвращаясь из Персидского и двух Азовских походов. Почему не допустить, что однажды Петр вознамерил-

⁶⁰ Бульин Н. П., Махалкин С. М. Указ. соч. С. 4–5.

⁶¹ Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1888. Т. I. Вып. V.

⁶² Казаков Б. И., Казакова Б. Д., Любомирова Л. Н. Страницы летописи Саратова. Саратов, 1987. С. 29–30.

ся посмотреть качество и ход сплава корабельного леса на Хопре и Сердобе и вместе с князем Борисом Куракиным (ведь он был одним из его ближайших соратников!) сделал по дороге небольшой крюк в куракинскую деревню и в Сердобскую слободу?

Возражения относительно того, что визит столь высокого гостя не мог не запечатлеться в памяти пензенцев, лишены оснований. Петр нередко ездил как простой офицер, правда, в сопровождении охраны, что для тех лет считалось делом обычным для лиц, выполняющих важные государственные поручения. Одну из таких поездок в Воронеж живо описал Андрей Нартов, личный механик Петра⁶³. Беседуя о житье-бытье с «корабельным офицером Петром Михайловым», даже дворяне не догадывались, что перед ними сам великий государь. Между прочим, одна из дорог на Воронеж («что ездят к корабельному строению») проходила где-то в районе села Куракино⁶⁴. Так что Петр мог без всяких церемоний, вместе с князем Борисом Куракиным, заглянуть в Сердобинскую слободу и даже отколотить дубиной какого-нибудь нерадивого подрядчика, а сторожа корабельных лесов пожаловать рублем.

Еще раз прошу читателя не придавать значения «научно установленного факта» сей версии о «пребывании» Петра в Сердобске или в сельце Борисоглебском, Куракино тож. Это фантазии. Но историк не должен относиться к ним свысока, памятуя о том, что из фантазии полета на ковче-самолете родился сам самолет.

---

⁶³ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / Россию поднял на дыбы. М., 1987. Т. 2. С. 559–561.

⁶⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, е. хр. 6502, л. 390.

От корабельного дела к хлеборобскому

*Большая Сердоба в 1747 году. Первые упоминания о Заречье,
Зеленовке, Старой и Новой Студеновках.
Государственные крестьяне в 18 веке*

I

Потерпев поражение на р. Прут, царь Петр в феврале 1712 года вернул многострадальный Азов туркам. Таганрог, по мирному договору, был скрыт с лица земли, флот уничтожен. Надобность в корабельном лесе для азовских дел на время отпала. Засечные сторожа еще продолжали нести службу, хотя характер ее должен несколько измениться. Скорее всего, она стала такой же, как у станичников Петровских слобод: выезды в степь «на провед воинских людей», стояние на ближних и дальних караулах, сопровождение проезжающих чиновников и ценных грузов, посылки «по вестям» в Пензенскую и Нижнеломовскую воеводские канцелярии, в соседние Иткаринскую и Малосердобинскую слободы, самые пожилые станичники дежурили по острогу. Разумеется, сердобчане продолжали следить и за лесами, объявленными заповедными, выгоняя крестьян, приезжающих из ближайших селений воровать деревья.

В 1720 году правительство построило Царицынскую оборонительную линию от Волги до Дона. По указу от 15 ноября 1717 года между Пензой и Саратовом были размещены четыре драгунских полка⁶⁵. Сердобская слобода оказалась полностью обезопасена от набегов кубанцев. От прежней воинской обязанности осталось сословное название «пахотные солдаты», но и оно к концу века было заменено термином «государственные крестьяне». Ушло в прошлое название «слобода», село стало именоваться Большой Сердобой в отличие от Малой Сердобы, расположенной в верховьях реки. До Екатерининской ре-

---

⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи. Спб, 1830. Т. V. С. 518.

формы административно-территориального деления (1780 г.) Большая Сердоба, как и большинство сел на территории района, входили в состав Завального стана Пензенского уезда Пензенской провинции Казанской губернии, а села Камзолка (Никольское), Соколка, Дубасово — Завального стана Нижнеломовского уезда Тамбовской провинции Азовской (с 1725 г. — Воронежской) губернии⁶⁶.

Кое-какие приметы старой службы сохранялись довольно долго. В конце царствования Петра I возникла так называемая ландмилиция (от немецких слов Land «страна, земля, край, окраина» и Militär «войско»), «окраинное, пограничное, земское войско». Ландмилицкие полки формировались из бывших пахотных солдат и несли службу на окраинах государства. По отрывочным сведениям, почерпнутым из различных бумаг Российского госархива древних актов, пензенцы чаще всего служили на Камской линии и в Киевском полку.

Во время второй переписи населения (1747 г.) Большая Сердоба продолжала еще делиться по сотням, хотя их численность не соответствовала арифметическому значению. В Заречной сотне числилось 222 души мужского пола, Краснослободской — 212, Нагорной — 239, Четвертой — 66. Пять крепостных крестьян имели драгун Кузьма Токмовцев и капрал Сергиевского ландмилицкого полка Василий Карякин. Всего ревизских душ — 744⁶⁷. С учетом женщин и лиц духовного сословия, не зафиксированных в переписной книге, общая численность населения должна составить около 1600 человек.

Пахотные солдаты Нагорной сотни — это, безусловно, дети и внуки сторожей корабельных лесов, служивших по острогу на горе, на дальних и ближних караулах. В Краснослободской сотне состояли бывшие дворцовые и помещичьи крестьяне, большинство которых прибыло из Краснослободского уезда. В Заречной оказались, как можно предположить, пахотные солдаты, явившиеся из Азова после его возвращения туркам в 1712 году. Четвертая сотня — чисто количественное название, включала в себя, как сказано в переписной книге, тех, кто во время первой переписи числились «бобылями пахотных солдат»⁶⁸. Таким образом, наименование «сотня» в данном случае не связано с военной службой. Оно воспринималось как мелкая административно-территориальная единица, типа крестьянского общества. Иными словами, сердобинская община делилась на четыре общества «сотни».

⁶⁶ История Пензенского края с древнейших времен до середины XIX века. Часть I / Под ред. Г. Н. Белопорьбкина. Пенза, 1996. С. 169.

⁶⁷ РГАДА, ф. 350, оп. 2, е. хр. 2541, лл. 71 об. — 98.

⁶⁸ Там же. Л. 97 об.

Община для решения совместных дел собиралась крайне редко. Обычно интересы обществ представляли выборные — десятники и пятидесятники. В царствование Павла I появились новые понятия: волость, волостное правление, волостной старшина, сотские, сельский староста, сохранялись выборные, десятники, пятидесятники, целовальники, сборщики податей и т. д.

II

Документально известно, что в 1719 году в Заречье уже жили пахотные солдаты, в середине века их оказалось здесь лишь немного меньше, чем в Нагорной сотне. За рекою первопоселенцев привлекали заливные луга, обилие воды для скота в старицах и озерах. Неудобства приносили лишь паводья, затапливавшие Заречье. На плане города (1801 г.) Подгородная слобода представляет собой три улицы, две из которых (одна короткая, другая длинная) вытянулись вдоль Сердобы, третья Г-образно примыкает к восточному концу длинной улицы и идет вдоль левого берега р. Байки (на выкопировке плана, публикуемого в этой книге, обозначено лишь начало этой улицы).

Сердобские сторожа и заготовители лесов, записанные в пахотные солдаты, в 18 столетии не испытывали земельного голода. Мысленно прочертите на карте линию от р. Сердобы до с. Круглое, до полпути к Секретарке, затем направо до бывшей Старой Студеновки, оттуда к Зеленовке и по Камзоле до реки Сердобы. Если прибавить к этим граням еще заречные земли по левому берегу Сердобы, получается наглядная картина того, как много пашни было у сердобчан. В 1795 г. Подгородная слобода с деревнями Зеленовкой и Студеновкой имели в одной меже пашни — 20 019, сенокосов — 4 149, дровяного леса — 2 841 десятин⁶⁹. И это на 1833 ревизские души.⁷⁰ То есть по 11 десятин на мужчину, от младенца до глубокого старика. Более чем достаточно.

Если, судя по названиям сотен, Нагорная располагалась на Лысой горе, а Заречная — за рекой, то, следовательно, Краснослободская помещалась за оврагом Шишковкой, там, где сегодня находится административный центр Сердобска. Дворы Четвертой сотни могли помещаться, скорее всего, на западной окраине села, вдоль озера Чистого и Кривого. На плане 1801 г. этот район города представляет собой отдельную улицу, структурно выпадающую из общего массива.

⁶⁹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 3 об.—4.

⁷⁰ В это время в Подгородной слободе в 427 дворах жили 1535 мужчин, 1542 женщины, в д. Зеленовке 13 дворов и 117 душ обоего пола, в Студеновке (Старой) 90 дворов и 480 душ обоего пола.

В 18 веке пахотные солдаты образовали два выселка из Большой Сердобы, не считая Заречья. Первым стала деревня Зелёновка. В 1747 году в переписной книге Завального стана Пензенского уезда она названа новопоселенной. Это означает, что во время первой ревизии (1719) Зеленовки еще не существовало. Среди первопоселенцев фигурирует Онуфрий Назарович Зеленов, 55 лет, пахотный солдат, «написанный в прежней переписи в селе Сердобе». По-видимому, он оказался первым, изъявившим желание податься на р. Камзолку, дав название селу. Всего в Зеленовке оказалось в 1747 году 85 пахотных солдат (без учета женщин) и один крепостной крестьянин, принадлежавший однодворцу Федосею Анисимовичу Логинову, итого 86 ревизских душ. Вряд ли этот Зеленов был добровольцем переселения. По рассказам стариков, пахотные солдаты выселялись на новые места неохотно, по жребию. В утешение общество за свой счет ставило им избы с надворными постройками, помогало с переездом.

Выгоды переселения, на первый взгляд, очевидны: не придется ездить в поле к черту на кулички, пастбища — под боком, они не вытоптаны скотом, недалеко возить снопы и т. д. Но в первой половине и в середине 18 века земли и так хватало, и она располагалась относительно близко от села-матки. Поэтому не отдаленность давала отвагу на выход в степь, а опасность захвата помещиками соседних деревень солдатских земель. Если поселить на берегу Камзолки своих однообщественников, дворянам села Рождественское, Камзола тож, труднее будет притязать на наши земли, рассуждали пахотные солдаты. Явится вызванный помещиком межевщик, выселенцы ему межевать не дадут. Если же наших мужиков на Камзолке не будет, межевание явно окончится в пользу барина, запечатают указ, после этого трясина трясина портами перед чиновниками канцелярий, время упушено.

Вообще селения бывших пахотных солдат в Пензенской и соседних областях размещены крайне нерационально. Вокруг Сердобска, Малой Сердобы, Петровска, Мокшана, Рамзая, Наровчата, Вадинска, Нижнего и Верхнего Ломовов до полутора и двух десятков верст в ту или иную сторону нет ни одного населенного пункта. Вряд ли пахотные солдаты не понимали хозяйственной выгоды выселения, но лишь приближение дворянина заставляло их ставить дальние хутора и деревни. Появилось помещичье село Рождественское, Камзола тож, возникла напряженность в межевом вопросе — тут же на противоположном берегу речки строится солдатская Зеленовка. Спустя 10–20 лет началось Генеральное межевание, до предела накалившее отношения с соседними помещиками, — получай, барин, в соседи Старую Студеновку. После того, как избы поставлены, выгнать из них пахотных солдат никто не посмел бы во избежание бунта.

И вот солдатская Зеленовка и помещичья Камзолка стали «лоб в лоб», разделенные только речкой. Государственных крестьян, однодворцев такое соседство вряд ли могло тяготить — к крепостным они относились свысока. А вот помещикам оно не нравилось, поскольку совместная жизнь с вольными хлебопашцами «портила» крепостных, рождало иллюзии воли, неповиновение. Ведь стать казенным крестьянином было мечтой любого крепостного. Известные историкам-аграрникам мемуары дворянина Андрея Болотова⁷¹ изобилуют страницами явной неприязни и раздражения к однодворцам. Помещики сложили про них прибаутку. Откуда появились однодворцы? Да черт нес их в мешке по небу, споткнулся о тучу, однодворцы и посыпались из мешка. Так что черт их принес на землю...

Возможно, есть еще одна причина, почему, при всей экономической выгоде, пахотные солдаты не шли на выселки, или соглашались идти на них только в крайнем случае. Наверное, дело в избытке «демократии». Земельные дела казенные поселяне решали на сходах с участием порой до тысячи голов. Решение же принималось не большинством голосов, а «соборно», по единогласию. Можно только представить, как трудно было «пробить» какой-либо принципиально новый вопрос. Люди все разные, и обязательно найдутся скептики и обиженные, которые будут кричать: «Деды-прадеды так жили и нам велели!» Кому поверит молчаливое большинство: оратору-новатору или консерваторам? Разумеется, аргумент с «дедами-прадедами» всегда оказывался весомее. Ну, а поскольку спор регулировался общим согласием, любое предложение, выходящее из рамок обыденности, обязательно наталкивалось на яростное сопротивление несколько противников и проваливалось.

Но вернемся на речку, где между 1721 и 1747 годами сердобинские пахотные солдаты основали деревню Зеленовку в ответ на поселение помещиками и Московским Симоновым монастырем села Рождественского, Камзола тож, и возникшие земельные недоразумения. Дело вскоре получило продолжение. Пахотные угодья помещиков Рождественского в третьей четверти 18 века достигли верховий речки Вязовки (Камзолочки). Вероятно, в середине века там появился крестьянский хутор помещиков Юматовых, выселок деревни Юматовки (ныне, как и Рождественское, находится в черте Зеленовки). По-видимому, пахотными солдатами это было воспринято как очередное покушение на их дальние земли. Ответ «демократов в лаптях» не заставил себя долго ждать. Рядом с хутором Вершина Камзолы, Юматовка тож, основана пахотными солда-

---

⁷¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для потомков. 1738–1795. В трех томах. М., 1993.

тами деревня Студеновка на одноименной речке, правом притоке Камзолы. Это произошло между 1750 и 1770 годами.

По воспоминаниям старожилов Старой Студеновки (она прекратила существование в 1980-х годах), записанным в конце 19 века, на этом месте находились зимовья сердобских пахотных солдат.⁷² Здесь круглый год содержались овцы. На плане 1798 года⁷³ деревня Студеновка изображена в один ряд домов на правом берегу речки при устье оврага Клепина. На другом берегу, на опушке круглого леса, на правой стороне оврага Семейкина Вершина находилась короткая, в два порядка, улочка.

Зеленовка показана на правом берегу Камзолки, также в два порядка, при впадении малой Камзолки в большую Камзолу. К западу от нее простирался до речки Студеновки крупный лесной массив, остатки которого сохранились доныне. Новой Студеновки на плане нет. Но вот к северу от ее нынешнего места, у оврага Камяхина Вершина, и к западу, на правом берегу Дубовки, начерчено два пахотных клина. Значит, сердобские крестьяне приезжали сюда пахать землю и убирать урожай. В эти же годы, как указывается в «Экономических примечаниях», на правой стороне речки Студеновки, кроме деревни Студеновки (Старой), имеется еще «хутор скотоводственный»⁷⁴. Несомненно, речь идет о месте, где должна появиться Новая Студеновка, очередной выселок из Пригородной слободы. Надо полагать, основанием для постройки села стала распашка земли у Камяхиной Вершины и у речки Дубовки. Если сердобчане забрались в такую даль — 12 верст от Пригородной слободы, это означает, что к концу века из-за увеличения численности населения стала ощущаться нехватка земли.

С поселением дальних деревень пахотные солдаты оформили своеобразную «пограничную» линию в глухом углу, через которую не смел переступить помещик. За северные межи сердобчане могли не беспокоиться, там пролегал регулярно посещаемые ими дороги на Пензу через Куракино, Секретарку и Мещерское, поэтому неожиданный захват конкурентами земель с «полуночной» стороны не грозил.

⁷² Сборник статистических сведений по Саратовской губ. Т. IX. Сердобский у. Саратов, 1892. Отдел третий. С. 698.

⁷³ РГАДА, ф. 1335, оп. 2, е. хр. 2882.

⁷⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 4 об.

На Хопер, Сердобу, на новые земли

*Князя Мещерские, Куракины, Долгоруковы,
граф Салтыков и их сердобские вотчины.
Петр Вяземский в Мещерском*

I

Одновременно с Сердобском в Верхнем Прихопровье возник ряд населенных пунктов, главным образом, помещичьих. Как уже отмечалось, первым в 1691 году на Хопре и других реках необъятные угодья получил боярин Лев Кириллович Нарышкин, дядя Петра. По каким-то причинам он не стал заселять сердобскую землю. Лишь в Бековском районе село Нарышкино основано его крестьянами между 1705 и 1720 годами. Следующим попытал счастья в Диком поле князь Михаил Васильевич Мещерский. Получив землю в 1696 году, под гром азовской виктории, на Верледиме, в местах бывших мордовских бортных ухажаяев, он построил до 1700 года село Мещерское. Крестьяне и деловые (дворовые) люди прибыли сюда из Саранского и Пронского уездов⁷⁵.

В ревизской сказке старосты Никиты Алексеева, выборного от этого села Архипа Гаврилова и рядовых крестьян Василия Иванова, Севостьяна Филиппова и Ермолая Зотова⁷⁶ говорится, что в 1710 году в Мещерском было 17 дворов. Потом построено еще два крепостными, переведенными из деревни Ершовой Владимирского уезда. Каждый двор пахал на барина по 3 десятины, «а с лошадей, и с скоту, и з земель, и с лесов денег господину ж нашему не збираетца», сказывали крестьяне. Кроме землепашества, никаких побочных занятий на господских заводах, пасаках, торгах у них нет.

⁷⁵ Кузнецова Ю. А. Указ. соч. С. 71.

⁷⁶ РГАДА. ф. 350, оп. 1, е. хр. 310, л. 372–372 об.

Перечисленные обязанности, исполняемые на первых порах, говорят об относительно привольной жизни крестьян. Три десятины барской пашни на двор — легкая нагрузка, ведь в одном дворе стояло от одной до трех и даже четырех изб. Правда, неизвестно, отвлекали ли мужиков на заготовку корабельного леса и как часто... Поскольку в сказке умалчивается о беглых, скорее всего, их здесь и не было в данный период, что в петровские времена было редкостью. Тогда вся крестьянская Россия сидела на коне, на телеге, на палке верхом, и все куда-то срывались с места — государев гнет был невыносимо тяжел.

Сохранилась ранее не публиковавшаяся сказка мещерского попа, которую стоит здесь привести как любопытный, информационно насыщенный манускрипт, проливающий свет на раннюю историю села. Из него следует, что в 1700 году Мещерское уже существовало и в нем была церковь.

«1722 году сентября в (не указан) день, по указу его императорского величества из Москвы, из Синодального казенного приказу, Пензенского уезду Саранской десятины села Архангельского, Мещерское тож, поп Гаврила Михеев по священству сказал:

По благословению и по грамоте святейшего Адриана патриарха и по челобитью князя Михаила княж Васильева сына Мещерского в прошлом 208-м [1699/1700] году построена была в том селе церковь Божия во имя Архистратига Михаила. И в приход кубанских татар в прошлом 717 году оную церковь Божию и благословенную и освященную грамоту сожгли, и х коликим дворам оная церковь построена была, того мне не сведения. И на то церковное место, по челобитью по наследству того села помещика стольника Василья Петрова сына Головина, по благословенной грамоте меж патриаршества смиренного Стефана, митрополита Рязанского и Муромского, построена церковь Божия во имя Архистратига Михаила в прошлом 720-м году к тринадцати дворам.

А он, поп, по челобитью князя Михаила княж Васильева сына Мещерского и по благословенной грамоте Адриана патриарха, посвящен в попы митрополитом Коломенским в прошлом 204-м [1696] году февраля в 3 день в Саранской уезд, в село Архангельское, Мещерское тож, к церкви Архистратига Михаила, на место умершего того села попа, отца своего, Михея Никифорова; и по челобитью того же князя Мещерского ему в 208 [1700] году дана переходящая грамота... И к той же церкви определены причетники во дьячки и в пономари дети ево родные: дьячок Василий, а пономарь Денис Гавриловы...

И к той церкви на пропитание дано им земли пятнадцать четвертей в поле, а в дву по тому ж, да сенных покосов дватцать копен из ево помещиковой земли. И у той церкви дани тридцать пять алтын

три денги, полонных один двор, казенных пять алтын четыре денги. Да ныне, по переписным книгам, в приходе у него в том селе тринадцать дворов без полутрети.

К сей скаске вышписанного села Мещерского поп Гаврила Михееву руку приложил»⁷⁷.

Дальнейшая история села в 18 веке изобиловала многими событиями, приятными и печальными, но в целом оно ширилось, росло и за сто лет превратилось в один из крупнейших населенных пунктов района. В 1717-м сожжено кубанцами, но уже через два года в нем считалось 12 дворовых и 72 крестьянина в 17 дворах. Село принадлежало наследнику основателя, князю Ивану Михайловичу Мещерскому. Представители этой фамилии не долго барствовали в Прихоровье, по какой-то причине поместье перешло к тетке Ивана Михайловича, графине М. В. Головиной и ее мужу, от них — к Ивану Васильевичу, сыну Головиных. Последний, в дополнение к прежним, перевел в Мещерское до второй ревизии три двора крестьян из села Костыляй Саранского и семь дворов из Мольиной слободы Пронского уездов. В 1747 году за этим Головиным в ревизских сказках показано уже 433 души мужского пола, значит, общая численность населения составляла около 850 человек. К третьей ревизии, проводившейся в 1762 году, число жителей обоего пола возросло до 1170⁷⁸.

В середине века село стали называть Старым Мещерским в отличие от Средников, поселенных стольником Василием Петровичем Головиным в 1719–1721 годах на бывших землях князя Мещерского в шести верстах к востоку от Старого Мещерского. Когда и это село попало в руки Головиных, одно стали называть Старым, другое Новым Мещерским, Средники тож (ныне с. Никольское Колышлейского района). В 1795 году в обоих насчитывалось 1654 души мужского пола (порознь сведений нет), помещиком был Алексей Васильевич Головин. В Старом Мещерском стояла деревянная церковь во имя Михаила Архангела и деревянный господский дом. На Верледиме, по скоплению воды, работала мельница, не приносящая доходов⁷⁹.

В начале 19 века на высоком берегу пруда, на котором когда-то стояла эта мельница, владелец построил барскую усадьбу, перестроенную в середине того же 19 столетия, появились винокуренный завод, суконная фабрика. Ныне от усадьбы сохранилось три жилых строения, винокурня и хозяйственные постройки. Главную достопримечательность представляет Н-образный кирпичный барский дом, двух-

⁷⁷ РГАДА, ф. 235, оп. 1, е. хр. 903, л. 47–47 об.

⁷⁸ Кузнецова Ю. А. Указ. соч. С. 71–72.

⁷⁹ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 48.

этажные крылья которого пристроены во второй половине 19 века. В пушкинскую эпоху существовала лишь центральная, одноэтажная часть — весьма скромный для дворянина домик. В нем жил с 17 декабря 1827 по лето 1829 года талантливый русский поэт и критик, участник Бородинского сражения, один из ближайших друзей Пушкина, Грибоедова и Гоголя Петр Андреевич Вяземский (1792–1876). Хозяином усадьбы был отставной полковник Петр Александрович Кологривов (род. в 1770), отчим жены Вяземского, Веры Федоровны, урожденной Гагариной. Сюда часто приходили письма, написанные рукой Пушкина, Дениса Давыдова, Евгения Баратынского, Адама Мицкевича, Константина Батюшкова, Карамзиных и других людей, известных просвещенной России⁸⁰.

П. А. Кологривов с супругой Прасковьей Юрьевной (в девичестве Трубецкая, в первом браке Гагарина) приезжали в Мещерское на лето, начиная с 1812 года. Мать и дочь были необыкновенно живыми и оригинальными женщинами. Прасковья Юрьевна в молодости дала публичную пощечину всемогущему Потемкину, а незадолго до нашего французов совершила полет на первом появившемся в России воздушном шаре, благополучно опустившемся в окрестностях Москвы. А было воздухоплавательнице в то время под пятьдесят. Кологривов вместе с женой не раз приезжал на лето в Мещерское⁸¹.

Живя в доме тестя и тещи, Петр Вяземский продумывал детали освобождения крестьян от крепостного права, писал стихи, делал переводы. В этой связи интересна предыстория одного пушкинского стихотворения. В 1828 году Петр Андреевич описал в стихах буйную степную метель. Видимо, поэту пришлось натерпеться страху во вьюжной круговерти, даже лешие почудились в снежной пыли.

День светит; вдруг не видно зги,
Вдруг ветер налетел размахом.
Степь поднялася мокрым прахом
И завивается в круги.
Снег сверху бьет, снег сеет снизу.
Нет воздуха, небес, земли;
На землю облака сошли,
На день насунув ночи ризу.
Шторм сухопутный: тьма и страх!
Компас не в помощь, ни в кормило:
Чутье заглохло и застыло

⁸⁰ Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Пензенская область. М., 1985. С. 166–167.

⁸¹ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: Биографии и портреты. Спб., 1996. С. 790–800.

И в ямшике и в лошадях.
 Тут выскочит проказник леший,
 Ему раздолье в кутерьме:
 То огонек блеснет во тьме,
 То перейдет дорогу леший.
 Там колокольчик где-то бряк,
 Тут добрый человек аукнет,
 То кто-нибудь в ворота стукнет,
 То слышен лай дворных собак.
 Пойдешь вперед, поищешь сбоку —
 Все глушь, все снег да мерзлый пар,
 И Божий мир стал снежный шар,
 Где, как ни шарись, все без проку.
 Тут к лошадям косматый враг
 Кувыркнется с поклоном в ноги,
 И в полночь самую с дороги
 Кибитка на бок — и в овраг.
 Ночлег и тихий и с простором:
 Тут тараканам не залезть,
 И разве волк ночным дозором
 Придет проведать — кто тут есть?

Стихотворение явно перекликается с пушкинскими «Бесами» («Мчатся тучи, вьются тучи...»). Все те же персонажи и пейзаж: нечистая сила, ямшик, кони, волк, овраг, снег со всех сторон. Может быть, Вяземский позаимствовал у Пушкина сюжет? Нет, наоборот! Стихотворение в Мещерском написано в 1828 году, а пушкинские «Бесы» — через год. В это время два поэта вели между собой оживленную переписку, и Пушкин, несомненно, читал этот несколько тяжеловесный стих своего собрата. Похоже, сочинение Вяземского и, может быть, его устный рассказ о пережитом (Петр Андреевич был великолепным рассказчиком), как раз и вдохновили гения на написание одного из лучших своих стихотворений.

Осмелимся высказать и такое не лишенное оригинальности предположение... Возможно, именно Вяземский оказался тем неизвестным, который рассказал Н. В. Гоголю, как хороши летом девственные сердобские степи... В результате в повести «Тарас Бульба» появилось изумительное по красоте описание степного пейзажа. Вот что сообщал известный русский археограф Петр Иванович Бартенев со слов Павла Воиновича Нащокина (близкого друга Пушкина):

В 1835 году «Пушкин хвалил Нащокину «Тараса Бульбу». О сей пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степи внушил Пушкину *какой-то знакомый*... очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить

в «Бульбу» описание степи»⁸². Этим *каким-то знакомым* мог быть Вяземский, прекрасно их знавший, проживший среди степей несколько лет. Как известно, Гоголь трудился над первой редакцией «Тараса» в Петербурге в 1833–1834 годах, где читал лекции в университете. Вяземский в это время работал в том же городе в министерстве финансов. Пушкин жил также в Петербурге (до августа 1834 года, потом уехал в Болдино). Так что Петр Андреевич, безусловно, мог иметь встречу с Гоголем в присутствии Пушкина, где живописал прелесть весенних степей. Читая повесть о Тарасе Бульбе и его сыновьях, действия которой происходят на Украине, словно видишь наше Прихороповье.

«Ничто в природе не могло быть лучше их [степей], — писал Гоголь. — Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волoshки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный Бог знает откуда, колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли целою тучею ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вот она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Черт вас возьми, степи, как вы хороши! [...]

Вечером вся степь совершенно переменалась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как темень перебегала по ним и они становились темно-зелеными; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовониями. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота [...] Вся музыка, наполнявшая день, утихла и сменилась другою. Пестрые овражки выползвали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. [...] Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и ре-

⁸² Боголепов П., Верховская Н. Тропа к Гоголю. М., 1976. С. 27.

кам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу»⁸³.

После прочтения тянет повторить вслед за Гоголем: черт вас возьми, люди, берегите степи!

Жителей села Старомещерского из-за особенностей произношения долгое время считали мещеряками, якобы представителями какой-то «особой», нерусской нации. Куракинские крестьяне, бывало, увидят на бековской ярмарке знакомых мужиков из Мещерского и давай дразнить, подражая их цокающему говору: «Ляксе́й, ставь цугун в печьку, хости у дом иду́ть!» Мещерские стеснялись, но вида не показывали и за словом в карман не лезли. Чего стесняться языка предков? Прекрасный, распевный, поэтический южновеликорусский говор, он был родным и для древних рязанцев, и для дедов Сергея Есенина. А мещеряками сердобских крестьян называли потому, что привезены из рязанской Мещеры. Советские ученые внимательно исследовали говор пензенских мещеряков и не нашли в нем ничего нерусского⁸⁴.

II

В те же годы, когда начались петровские реформы, молодой и не по годам консервативный подполковник князь Борис Иванович Куракин (1676–1727) повелел своему управляющему переселить крестьян из своих северных вотчин на реку Сердобу. Все началось с того, что в 1700 году Петр I пожаловал Куракину 17 тыс. десятин «дикопорозжей земли» в Завальном стане Пензенского уезда⁸⁵. Князь был моложе Петра на четыре года. Как отмечают исследователи, он с детства находился в числе «робятки», деливших с царем детские забавы⁸⁶. Борис Иванович — участник всех войн Петра, в том числе обоих Азовских походов. По-видимому, во время одного из них он познакомился с сердобскими лугами и лесами, и они ему понравились. Под наблюдением приказчика, крестьяне топорами вмиг отстроили сельцо Борисоглебское. Это произошло не раньше 1700 и не позднее 1709 годов. Во время Полтавской битвы, в которой Куракин командовал Семеновским полком, он чем-то

⁸³ Гоголь Н. В. Собр. соч. в семи томах. М., 1976. Т. 2. С. 245–246; По «Толковому словарю» В. И. Даля: волошки — васильки; дрок — душица; овражки, евражки — суслики.

⁸⁴ Бахилина Н. Б. Мещерские говоры на территории Пензенской области / Труды Института языкознания Академии наук СССР. М., 1957. Т. VII.

⁸⁵ Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 50.

⁸⁶ Россию поднял на дыбы. История Отечества в романах, повестях, документах. Века XVII–XVIII. М., 1987. Том I. С. 353.

прогневил государя, и тот ему сказал: «посол ты за границу». И Куракин покинул Россию, став дипломатом.

Борис Иванович и царь были женаты на сестрах Лопухиных; женой Петра стала Евдокия, Бориса — Ксения Федоровна (умерла в 1698 г.). Несмотря на знакомство с детства и родство, царь и молодой Куракин не стали близкими друзьями. Возможно, мешала приверженность Бориса Ивановича к старым русским свечам и обычаям в то время, как Петр страстно и неуклюже переделывал русских в голландцев. В конце жизни князь написал «Гисторию о царе Петре Алексеевиче», опубликованную в «Архиве князя Ф. А. Куракина» (т. I, Спб, 1890). Автор предстает перед нами как умный, просвещенный, пронизательный, скромный и порядочный человек. Симпатии его явно на стороне царевны Софьи, но и о Петре Куракин не сказал ни слова в осуждение. Историки, большинство которых являются страстными апологетами Петра, недолюбливают князя, очевидно, за то, что тот не восхищался делами «великого преобразователя». Если бы не ранняя смерть, Б. И. Куракин, пожалуй, мог бы стать первым историком России. Задумав написать «гисторию» с древнейших времен до конца царствования Петра в четырех томах, он едва смог осуществить десятую долю мечты. Помешала преждевременная смерть этого несомненно благородного и талантливого человека.

В 1710 году в сельце Борисоглебском, Сердоба тож, как называлось тогда Куракино, насчитывалось 14 дворов крестьян, переселенных из Суздальского, Московского, Ростовского и Пензенского уездов в числе 52 душ. Сельцо выжгли кубанцы, часть жителей попала в плен, не пострадало лишь пять дворов⁸⁷. После «кубанского погрома» управляющий куракинской вотчиной переправил сюда несколько дворов крестьян из села Никольского, Порзня тож, Суздальского уезда. Борисоглебское находилось на оброке, мужики пашню на своего господина не пахали, провианту на его стол не поставляли, обрабатывая лишь свою землю, барину же платили по рублю в год с мужской души⁸⁸. Так что житьем своим они могли быть довольны.

Сохранилась отказная книга, на основании которой Б. И. Куракину отведена земля⁸⁹. В ней говорится:

«Лета 7208 [1700] генваря в 12 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росни самодержца, по грамоте и по приказу стольника и вое-

⁸⁷ Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории, археологии, статистики и колонизации Пензенского края в XVII–XVIII ст. Пензенская десятина / Юбилейный сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1901. Вып. V. С. 54.

⁸⁸ РГАДА, ф. 235, оп. 1, е. хр. 903, л. 374–374 об.

⁸⁹ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, е. хр. 6502, лл. 386–390 об.

воды Гаврилы Яковлевича Тухачевского велено ехать Пензенские приказные избы подьячему Якову Дмитрееву в Пензенской уезд на реку Хопер и Сердабу с сторонними людьми для того:

В нынешнем 208-м году генвоя в [не указан] день в грамоте великого государя [полный титул] ис приказу Казанского дворца на Пензу к стольнику и воеводе Гавриле Яковлевичу Тухачевскому, за приписью дьяка Артемья Волкова, писано:

Бил челом великому государю стольник князь Борис княж Иванов сын Куракин. Вотчины-де у него в разных городех, а в Пензенском уезде поместья нет ни единой чети. А по указу великого государя велено в Пензенском уезде после переведенцов земли роздать в роздачу московского чину людям. А ему, князь Борису княж Иванову сыну, ис тех земель не дано ни единой чети. А есть-де в Пензенском уезде дикое порозжее поле с лесом и с озеры по реке Хопру и по реке Сердабе, с устья вверх лежит порозжая земля, никому не отдана. А в указное-де число из диких поль нигде ему и ни в каторых городех не дано. И великий государь пожаловал бы ево, велел вместо тех земель ис того вышеписанного дикого поля, с лесы и с озеры, дать ему в указное число против указу великого государя.

И велено в Пензенской уезд на порозжую землю в урочищи по реке Хопру и по реке Сердабе с устья вверх послать кого пригоже [со] сторонними людьми и сыскать большим повальным обыском. Да буде в сыску скажут, что та земля Пензенского уезду лежит порозжа, в поместья никому не отдана, и тою землю велено измерять в десятины и положить в чети и по сыску и по мере отказать стольнику князь Борису княж Иванову сыну в поместье в указное число четыреста пяддесят чети в поле, а в дву по тому ж.

И по указу великого государя [полный титул], по грамоте и по приказу стольника и воеводы Гаврилы Яковлевича Тухачевского Пензенские приказные избы подьячей Яков Дмитреев, взяв с собою сторонних людей, в Пензенской уезд на реку Хопер и на Сердабу на порозжее дикое поле ездил и про тою землю сыскивал. И по сыску сыскных людей та земля в вышеписанных урочищах явилась, лежит порозжа, в поместье никому не отдана. И тою землю я измерял в десятины и положил в чети и ис той земли при сторонних людех отказал в поместье стольнику князь Борису Ивановичю Куракину четыреста пяддесят чети в поле, а в дву по тому ж.

А почин урочища той поместной земле — от земли и от граней карабельных лесов сторожей и от реки Глушиц, и рекою Сердабою до устья реки Кутлобаша, и тою рекою Кутлобашею, вверх идучи, до вершины той реки Кутлобаша — направе земля князя Бариса Ивановича Куракина. А с вершины той реки Кутлобаша, поворотя направо вкру-

те, прямо через поля к бору и к реке Хопру, против зимниц нижеломовца Кандрат(а) Хохлова, и рекою Хопром вверх идучи, до зимниц шачянина Ивана Синцова; а та зимница стоит, вверх идучи Хопром, на левой стороне того Хопра; направе — поместная земля князя Бориса Ивановича Куракина, а на левой стороне реки Хопра дикая порозжая земля. А с той зимницы прямо, поворотя на крутой враг, и вверх по тому врагу до вершины и до дороги, что ездят к коробельному строению, и черес тою дорогу до земли и до граней каробельных лесов сторожей; и возле тех граней, поворотя направо, до первого почину, до реки Глушицы — направе поместная земля князь Бориса Ивановича Куракина, а налеве каробельных лесов сторожей Логинки Мартынова с товарищи.

А у отказу сторонние люди были пензенские конные казаки Петр Микитин сын Петин, Степан Кузьмин сын Салмин, пешей стрелец Григорей Иванов сын Чернецов. Вместо сторонних людей руку приложил пензенский площадной подьячий Пашка Салдатов.*

Над этим чудесным посланием из петровских времен предлагаю поработать самим сердобчанам, приняв во внимание некоторые обстоятельства. Кутлобаш — ныне овраг с ручьем Колдобаш, левый приток Сердобы, впадающий в нее у с. Рошино. Глушица — скорее всего, одна из стариц Сердобы в районе оз. Сазаньего (отсюда Глушица, т. е. глухое, куда не впадающее), может быть, это само оз. Сазанье.

Четь (четверть) — мера земельной площади, равнявшаяся 0,5 десятины, примерно полгектара. Свое название получила от того, что при засеивании такой площади расходовалась четверть (мера объема сыпучих веществ) семян, или $1/4$ старинной кади (кадушки), примерно 4 пуда зерна.

Выражение «а в дву по тому ж» подразумевает трехпольную систему земледелия: озимь — яровые — пар. Если Куракину отведено поместье площадью в 450 четвертей в поле, а в дву по тому ж, это значит, что формально он получил (450×3) 1350 четвертей, или 675 десятин, или 742 гектара (1 дес. = 1,1 га). Но это формально. Фактически у Куракина оказалось земли много больше. Взглянув на громадный участок от совхоза «Большевик» до Хопра по обеим берегам Сердобы, нетрудно прикинуть, что здесь не семьсот, а все семь тысяч десятин пашни, а то и поболее. Почти весь левый и правый берега Сердобы с прилегающими полями, начиная почти от Сердобска, и до самого Хопра стали принадлежать князю Борису. На отведенных землях вслед за Куракино появились Александро-Ростовка, Карповка, Софьино, а позднее, в начале 19 века и Новонадеждино.

9 марта 1733 года сын основателя Борисоглебского князь Александр Борисович Куракин подал в Синод прошение о дозволении

построить в том сельце церковь во имя Бориса и Глеба «того ради, что в близости того сельца церковей не имеется». К январю 1736 года она была готова к освящению. В справке об этом указывалось, что в Борисоглебском налицо один двор помещичий и 60 крестьянских да в деревне Александровке 40 дворов крестьянских⁹⁰. Хлопотами об устройстве церкви занимался «служитель» князя, по-видимому, приказчик или управляющий имением, Иван Соловьев, вероятно, живший в борисоглебском помещичьем дворе с дворовыми людьми. В том же источнике перечислены требования, каким должен быть престол в алтаре храма: «А престол той же церкви в олтаре, чтоб построен был в вышину 1 аршин 6 вершков с доскою, в длину 1 аршин 8 вершков, в ширину 1 аршин 4 вершка». Знающие люди по этим приметам могут судить о величине всего храма.

III

На левом берегу Сердобы, напротив Куракино, расположено село Александро-Ростовка. В 1747 году в *новопоселенной* д. Александровке, как она тогда называлась, 277 душ мужского пола. С учетом сведений, почерпнутых из документа о строительстве церкви в Борисоглебском, Александровка могла появиться между 1721 и 1733 годами. Дату нетрудно уточнить. Поскольку деревня входила в куракинскую вотчину, следует предположить, что свое название она обрела от имени кого-то из Куракиных. Кого же?

В княжеском роду в 18 веке было два Александра. Один — сын известного нам Бориса Ивановича, свояка Петра Первого, другой — его правнук и внук Александра Борисовича первого. Александр Борисович первый родился в 1697 и умер в 1749 годах, дослужившись до чина тайного советника, сенатора и конференц-министра. Второй Александр Борисович родился лишь в 1752 году. Поскольку село построено между 1721 и 1733 годами, то его основателем мог быть только А. Б. первый. Рассуждая гипотетически, приходишь к такому выводу: 26 апреля 1730 года Александр Борисович женился на богатой графине Александре Ивановне Паниной (1711–1786), естественно, получив немалое приданое в крепостных душах. Возникла необходимость наиболее рационального расселения крестьян. В отличие от пахотных солдат, дворяне понимали экономическую ущербность сверхкрупных селений и не допускали этого в своих вотчинах. Поэтому переведенцев из его ростовских вотчин расселили не в Кура-

⁹⁰ Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории колонизации Саратовского северо-восточного края / Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1891. Т. III. Вып. II. С. 208–210.

кино, а на левом берегу Сердобы. Позднее сюда же переведены крестьяне и из других куракинских вотчин. Когда в Сердобском уезде появились другие Александровки (на Туманейке и Колдобаше), для отличия от них село стали именовать Александро-Ростовкой, поскольку большинство крестьян вышло из Ростовского уезда.

Ни Александр Борисович, ни Александра Ивановна Куракины в сердобском крае, кажется, не бывали. Они жили в Москве на Мясницкой, 26, в известном всем москвичам доме, в котором размещается Московский почтамт⁹¹. Сюда стекались донесения управляющих и приказчиков куракинских вотчин, отсюда направлялись на места распоряжения насчет хозяйственных дел, наказаний, помилований, в этот дом привозили крестьянских мальчиков для обучения лакейскому этикету и т.д. Что удивительно, мальчики уклонялись от переезда в Москву. В архиве мне довелось ознакомиться с делом о побеге двух подростков из села Архангельского, Куракино тож (ныне Городищенского района). Получив приказание собираться в Москву на лакейские должности, два парня, 16 и 18 лет, в тот же день бросили родительские дома, купили в селе Воскресенском (ныне г. Кузнецк) фальшивые паспорта и отправились с ними в Сызрань, где нанялись к одному купцу шить сапоги. Чтобы не платить парням деньги за выполненную работу, наниматель сдал обоих в полицию. Заковав в кандалы, парней вернули на родину⁹². Случай этот показывает, что жизнь в тепле, в богатом барском доме, где ни вшей, ни тараканов, совсем не привлекала крестьян. Они предпочитали ей тяжелый труд на земле.

Как уже говорилось, крестьян в Александровку переводили, главным образом, из Ростовского уезда нынешней Ярославской области, именно: из села Воскресенского, Гвоздево тож, деревень Никольской, Семеновской, Вахрушиной, Дуковой, Баклаковой, Кладовицы, Курбаки, Полежаевой, Ксташи, Исак, Стрела, Прасолово, Волхта. Часть переселенцев прибыла из Суздальского уезда: село Петровское, деревни Богданово, Тресникова, Мостовая, Филина, Мицына, Черемха, Селеукова, Семибратова, Афонина. Все они расположены в окрестностях озера Неро. Большая группа крестьян прибыла из Засурского стана нынешней Пензенской области из с. Архангельского (на р. Юлов в Городищенском районе) и д. Ключищи (оттуда же)⁹³.

Из тех же мест пополнялось и население села Куракино: Кладовицы, Семеновская, Ломоев (ныне пишут: Ломы), Вахрушева, Мосто-

⁹¹ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: Биографии и портреты. Слб., 1996. С. 338–339.

⁹² РГАДА, ф. 436, оп. 3, е. хр. 265.

⁹³ РГАДА, ф. 350, оп. 2, е. хр. 2542, лл. 387 об. — 400 об.

вая, Мицына, Кузьмина, Мышечиха⁹⁴, а также из тверского села Ашуркина и московского села Лебедин. В Карповке и Салтыково (Софьино) также преобладали ростовские крестьяне, а кроме того, из Суздальского уезда (д. Синцовка)⁹⁵. На карте окрестностей Ростова Великого, опубликованной в энциклопедии «Города России» (М., 1994. С. 378) и сейчас нетрудно отыскать села Никольское, Семибратово, Кладовицы, Стрелы, Ломы. Таким образом, нынешним поколениям жителей прежних куракинских сел на р. Сердобе дали жизнь «ярославские ребята», чей род в свою очередь восходит к старинным обитателям Ростовского и Ростово-Суздальского княжеств, а если еще дальше углубиться в отечественную историю — родословная уходит к славянским племенам кривичей и словен.

Самым крупным населенным пунктом куракинской вотчины на Сердобе в ходе второй ревизии было Куракино — 335 душ мужского пола, затем Александровка — 277, Салтыково (Софьино) — 145, Карповка — 58. Правда, в Салтыково Куракину принадлежало 27 ревизских душ, остальные записаны за Салтыковыми.

История возникновения с. Софьино, до конца 18 века звавшегося Салтыковым, довольно запутанная. Указание Ю. А. Кузнецовой на село Салтыковку Сердобского уезда как на селение, основанное Куракиными и Салтыковыми между первой и второй ревизиями⁹⁶, ошибочно воспринималось краеведами, в том числе автором этих строк, как сообщение о нынешней Салтыковке, расположенной к юго-востоку от Сердобска⁹⁷. То, о чем писала Ю. А. Кузнецова, всецело относится к Софьино. Совместное владение селом Куракиными и Салтыковыми продолжалось, по крайней мере, до 1762 года. При проведении третьей ревизии крестьян А. Б. Куракина насчитывалось здесь 53 души обоего пола, а у Веры Ивановны Салтыковой — 246 да плюс 17 за Иваном Алексеевичем Салтыковым. В 1795 году эта деревня уже именовалась Софьинкой, полностью принадлежащей князю Куракину.

В течение восемнадцатого столетия численность населения в куракинских селах росла неравномерно. Между первой и второй ревизиями она увеличилась более чем в десять раз, между второй и третьей — немного уменьшилась, между 1762 и 1795 годами — возросла в 1,8 раза. Колебания связаны, главным образом, то с усилением экономического интереса владельцев к данной вотчине, и тогда в нее завозились новые партии жителей, то со снижением интереса — тогда

⁹⁴ Там же, лл. 375–387.

⁹⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 2, е. хр. 2542, лл. 401–403 об., 404–404 об.

⁹⁶ Кузнецова Ю. А. Указ. соч. С. 74.

⁹⁷ Полубояров М. С. Мокша, Сура и другие... М., 1992. С. 126–127.

крестьян вычерпывали отсюда для пополнения более перспективных, с точки зрения помещика, вотчин.

Сброс численности крестьян в куракинских селах Сердобского района между 1747 и 1762 годами, на наш взгляд, вполне может быть связан с заселением куракинской вотчины на р. Юлове в Городищенском районе. Не исключено, что часть населения переводилась туда новым вотчинником Борисом Александровичем Куракиным с реки Сердобы. Между прочим, в это время на Юлове появилось село Борисовка. Естественно, шел и обратный процесс, когда из Городищенского уезда везли крестьян на реку Сердобу.

Уменьшение происходило частично из-за огромной смертности. Например, в Куракино с 1747 по 1762 годы умерло 124 ревизских души, их численность снизилась с 335 до 226. Фактически умерло, конечно, больше, чем 124 души мужского пола, так как ревизия 1762 года учитывала лишь население, отраженное в документах 1747 года плюс родившееся после второй и дожившее до новой ревизии. Поэтому детей, появившихся на свет после 1747 года и умерших до 1762-го, в ревизские сказки не записывали. Прибавьте сюда также женщин, не считавшихся ревизскими душами, и показатели смертности увеличатся вдвое-втрое. Как и в Куракино, за счет высокой смертности сократилось население в Александро-Ростовке (в 1747 году — 277 ревизских душ, в 1762 — 226), в Карповке, соответственно, 58 и 50, в Салтыковке (Софьино) сохранилась та же численность — 27 и 30.

Каждые 15–16 лет население обновлялось на 40–50 процентов: в Куракино из 335 ревизских душ умерло, как уже говорилось, 124, в Александро-Ростовке из 277 — 133, в Карповке из 58 — 27, в Салтыковке из 27 — 10. Почти ни один крестьянин не доживал до 80 лет. Впрочем, это касалось не только помещичьих сел. Даже в Большой Сердобе долгожителей можно было пересчитать по пальцам одной руки. В 1747 году достигли 85-летнего возраста в Заречной сотне только два пахотных солдата — Тимофей Марков да Андрей Колмаков, в Краснослободской — один Никифор Елагин, в Нагорной — Евсей Лазарев.

С фактами огромной смертности в новопоселенных деревнях, мне пришлось столкнуться при работе над историей села Топлого Мало-сердобинского района. Преждевременный уход из жизни многих первопоселенцев сами крестьяне объясняли «неизвестной болезнью»⁹⁸. Эпидемия? Возможно. Но почему она свирепствовала в первые годы поселения деревень? Почему впоследствии, хотя эпидемии, несомнен-

⁹⁸ Полубояров М. С. Топловская летопись. Малая Сердоба, 1992. С. 15.

но, продолжались, смертность от болезней все-таки снижалась? Объяснение напрашивается такое: крестьяне умирали, кроме всего прочего, еще и от... тоски. Ведь их привезли на новые места, оторвав родителей от детей, сестер от братьев, крестников от крестных, женихов от невест, оторвав навеки... И рождалась безвыходная тоска, опускались руки, ослабевали жизненные силы. Смерть от тоски бывала обычной среди раскулаченных уже в нашем веке. Уцелевшие «кулаки» рассказывали, что во время ссылки внешне здоровые мужики ложились на топчан, не ели, не пили, ни за какое дело не брались и угасали, как догоревшие свечи. Психологически такие же чувства, должно быть, испытывали и многие крепостные, когда их сажали на телеги и из родного Ростовского или Суздальского уезда везли «на какую-то Сердобу»

IV

В трех километрах к юго-востоку от Александро-Ростовки вдоль реки Сердобы стоит село Карповка. Оно образовалось из двух — Никитовки и Карповки. Накануне отмены крепостного права их рассматривали то как единый населенный пункт (например, во время 10-й ревизии, 1858 г.), то как два самостоятельных: в 1859 году в Никитовке, Карповке тож, в 102 дворах проживало 563, в Борисовке, Карповка тож, в 98 дворах — 474 человека⁹⁹. В конце века, в известном «Сборнике статистических сведений по Саратовской губернии» (Саратов, 1892) и во время всероссийской переписи населения 1897 года эти две деревни фигурируют под именем села Карповки, Никитовки, Борисовки тож. Таким образом, со второй половины прошлого столетия два населенных пункта считались единым.

Остается загадкой, имена каких людей запечатлены в названиях деревень, кто такие Никита, Борис, Карп (или Карпов)? Рассуждая на эту тему, приходишь к заключению, что Борисовкой могли наречь деревню по имени Бориса Александровича Куракина — отца «бриллиантового князя». По архивным данным, Никитовка поселена между первой и второй ревизиями (1721–1747) Александром Борисовичем Куракиным, крестьян завезли оттуда же, откуда пополнялось население Борисоглебского и Александровки, — из Ростовского и Суздальского уездов, а также из Засурского стана Пензенского уезда (ныне Городищенский район). В 1747-м в ней 58 ревизских душ, через 15

⁹⁹ Списки населенных мест Российской империи. Саратовская губерния. Спб., 1862. Т. XXXVIII. № 1632 и 1633. По данным на 1859 г.

лет стало 50 (обоего пола — 105 человек)¹⁰⁰, Уменьшение численности могло произойти в связи с образованием д. Борисовки, куда переселилась часть крепостных. Произошло это при князе Борисе Александровиче Куракине, которому в 1762 году принадлежала вотчина. Название Карповка, скорее всего, как-то связано с фамилиями мелкопоместных дворян, земли которых граничили с куракинскими. Так, в начале 19 века в Сердобском уезде жили два брата дворяне Карповы, приглашенные А. Б. Куракиным на торжество по случаю освящения в Надеждино новой церкви. Возможно, одним из них был Анфиноген Николаевич Карпов, владелец части села Богоявленского, Дубасово тож. Причина наречения Никитовкой не выяснена.

При Александре Борисовиче «бриллиантовом» Никитовка едва не поголовно ушла в церковный раскол. Эпизод заслуживает того, чтобы на нем остановиться, поскольку он неплохо характеризует дворянские нравы на рубеже двух веков. Перипетии борьбы князя Куракина с расколом подробно изложены во втором томе сборника «Восемнадцатый век» (с. 177–181). Известия о появлении в вотчине сторонников древнего церковного благочестия сильно встревожили князя, жившего в то время за границей. Завела раскол «старая девка Авдотья Виляева».

Средства борьбы, избранные Куракиным против раскольников, по современным меркам не назовешь цивилизованными, но не надо забывать — речь идет об эпохе, когда людей меняли на собак. Поэтому нельзя не отдать должное князю за относительно гуманное решение проблемы. Он написал письмо управляющему именем, повелев зачитать его никитовцам. В «увещательной» части письма разъяснил, почему православным нельзя разделяться верою. Далее перешел к практическим мерам. Если, написал Александр Борисович, вы не выйдете из раскола, то распродам вас калмыкам и татарам. Это была пустая угроза: по российским законам ни калмыки, ни мусульмане не имели права покупать крепостных. Но разве знали об этом крестьяне в Никитовке? Естественно, они были потрясены: помилуй Бог, если князь и впрямь продаст «басурманам».

Народ дрогнул. Авдотье Вилковой князь велел удалиться с глаз долой и больше в его вотчине не появляться. А ведь мог продать, подарить самому жестокому помещику, вообще сделать что угодно — крестьянин перед дворянином был абсолютно бесправным, как скот. Но нет, Александр Борисович наказал управляющему сломать и продать избу «смутьянки», а вырученные деньги отдать Авдотье, что и было исполнено. Словом, свободная ссылка: иди, куда хочешь, за исключением нескольких куракинских сел, да еще при деньгах. В за-

¹⁰⁰ Кузнецова Ю. А. Указ. соч. С. 72.

ключение крестьяне, по письменному повелению князя, свалили и сожгли перед церковью старообрядческие книги и рукописные тетради. Девочек из Никитовки выдали замуж за парней в такие куракинские села и деревни, где не было раскола. Не отрeksiеся облагались дополнительным денежным оброком по 25 рублей в год до тех пор, пока не отступятся от старой веры. Раскол в деревне быстро прекратился.

Во второй половине 19 века журнал «Саратовские епархиальные ведомости» почти в каждом номере публиковал материалы с «методикой» борьбы со старообрядчеством. Просматривая их, приходишь к убеждению, что А. Б. Куракин действовал тоньше, многообразнее и эффективнее официальных церковных властей. Его действия опирались на хорошее знание народной психологии, он знал, чем пронять народ. К сожалению, наша Церковь в столетних борениях с расколом действовала весьма топорно, неизобретательно, ударяясь то в свирепые репрессии, то, наоборот, в бессодержательные догматические дискуссии о вере и обрядности, лишь раздражавшие тех, кому они навязывались.

Вряд ли «бриллиантовый князь» был примерным православным, хотя и построил не одну великолепную церковь. Дальше читатель книги узнает, что в нравственном отношении Куракин мало в чем уступал в распутстве самой Екатерине II. Скорее, будучи крайне тщеславным, он нашел крайне «вредным», что крепостные вершат духовную политику самостоятельно, и распорядился наказать слушников.

V

Долгоруково основано у Поморского оврага капитаном князем Иваном Ивановичем Долгоруким (Долгоруковым) около 1700 года. Хронология событий здесь такова. В 1696 году князь получил землю и перевел на нее крестьян из Шацкого уезда. В 1710-м в Долгоруково насчитывалось 33 двора и 146 жителей. Деревню выжгли кубанцы во время известного погрома, многие жители попали в плен, к 1719 году осталось лишь 5 дворов. В 1722 году не приносящее прибыли поместье было продано князю Лариону Сафаровичу Кугушеву за 700 рублей. Новый владелец дополнительно перевез крестьян из Белева, Епифани, Козельска, Галицка, Пензы, Нижнего Ломова, Вологды, Ростова Великого, Нижнего Новгорода¹⁰¹. К 1747 году численность населения достигла 220, к 1762 году — 410 человек. Таким образом, каждые двадцать лет численность населения удваивалась.

¹⁰¹ Кузнецова Ю. А. Указ. соч. С. 69.

В 1766 году помещик построил Петроалександрийскую церковь, Долгоруково стало селом. Однако к концу века церковный престол стал называться по-другому, а само село — Знаменским, Долгоруково тож. Во время Генерального межевания оно принадлежало княгине Ольге Степановне Кугушевой, занимая площадь в 38 десятин. В 1795 году в нем 78 дворов и 450 душ мужского пола. Небольшой прирост, возможно, объясняется репрессиями против бывших пугачевцев и выселением крестьян на другие земли. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Всей земли имелось в даче 6388 десятин, в том числе пашни — 2 454, сенных покосов — 2 677, леса — 1011.

Село расположено при безымянном протоке и на левой стороне оврага Поморского, впадающего в реку Арчаду, говорится в «Экономических примечаниях» к материалам Генерального межевания. В селе церковь деревянная во имя Знамения Пресвятой Богородицы, деревянный господский дом на каменном фундаменте. Земельная дача располагалась по берегам Хопра, Арчады, Грязнушки, Мокшанки, Дубовки, вдоль оврагов Каменного, Поморского, «Березнической вершины», озер Попова и Хоперского, Красного болота и по другим урочищам. На Арчаде стояла мельница о двух поставах, «действующая по скоплению воды», приносящая в год дохода до 300 четвертей разного хлеба. Ширина Хопра — 20–40 сажень, глубина — 1–3 аршина, Арчады — соответственно 3 сажени и пол-аршина, «прочие речки в жаркое время пересыхают». Земля — чернозем, урожаи хлебов и сенные покосы — «средственны». Крестьяне находились на барщине.

Долгоруковцы в числе первых в Поволжье освободились от крепостной зависимости. В 1837 году новая помещица Горбунова подписала документы об отпуске крестьян на волю¹⁰². Увы, нам, грешным: благородный поступок самоотверженной дворянки совершенно забыт, мы не помним даже имени ее.

Между 1774 и 1795 годами возникло село Салтыково на земле, пожалованной Екатериной II одному из известнейших государственных деятелей России графу Николаю Ивановичу Салтыкову (1736–1816). В «Экономических примечаниях» не указано, когда именно оно поселено. Но есть сведения, что во время пятой ревизии (1795 год) в нем, вместе с селцом Никольским, Волхонщино тож, лежавшим в одной версте к северу от Салтыково, насчитывалось 568 дворов и 1 438 душ мужского пола. Граф пожалован крупными земельными площадями и 5 тысячами душ крестьян в царствование Екатерины.¹⁰³

¹⁰² Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 50.

¹⁰³ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. СПб, 1996. С. 452.

Под селом, говорится в «Экономических примечаниях», занята 81 десятина земли, под пашней — 2770, санными покосами — 1626, лесом — 268, а всего вместе с неудобными землями — 5000 десятин. Правда, к 1795 году часть земель принадлежала братьям Ножневым, майорам Николаю и Алексею Афанасьевичам — по 117 ревизских душ, капитану Дмитрию Афанасьевичу — 145. Село Богородское, Салтыково тож, расположено на левой стороне реки Сердобы и при озере Гусином, а также при большой дороге из Сердобска в Петровск. В нем церковь деревянная во имя иконы Казанской Пресвятой Богородицы — отсюда название села Богородское.

Сельцо Никольское, Волхонщино тож, стояло на левом берегу Сердобы, «при заливе», в нем дом господский деревянный. По-видимому, в доме жил управляющий имением и дворовые люди. Крестьяне находились на оброке, платили ежегодно по 15 рублей с тягла. Сумма оброка — средняя для того времени. После смерти Н. И. Салтыкова имение перешло по наследству к его сыну канцлеру Дмитрию Николаевичу; по-прежнему во владении имением оставались братья Ножневы¹⁰⁴. Между 1859 и 1890 годами Волхонщино оказалось в черте села Салтыково.

В начале 19 века те же Салтыковы основали село Байку. В «Экономических примечаниях» описывается «жалованная земля по высочайшему рескрипту генерал-фельдмаршалу, президенту Государственной военной коллегии графу Николаю Ивановичу Салтыкову, на которой ныне поселено сельцо Богоявленское». Такая формулировка позволяет предположить, что к 1795 году императрица пожаловала Салтыкову земли на Байке. Очевидно, первое время здесь находились отъезжие поля, обрабатываемые мужиками многолюдного с. Салтыково, куда, вероятно, свозились подаренные императрицей крестьяне, основавшие позднее Байку. После 1795, но не позже 1816-го (год смерти фельдмаршала Салтыкова) село Байка, безусловно, существовало. В 1829 году площадь пашни составляла здесь 1117, санных покосов 2453 десятины, под огородами и поселением — 29 десятин¹⁰⁵.

В том же документе (л. 8) дано описание земли, жалованной по высочайшему рескрипту супруге Салтыкова Наталье Владимировне (урожденной Долгорукой) в количестве 2404 десятины, на которую она еще не успела поселить крестьян, но они уже наезжали сюда на отъезжие поля и обрабатывали их «в свой прибыток». Биографы Салтыковых утверждают, что в делах семьи верховенствовала Наталья Владимировна (1737–1812). Сам граф был смиренным худощавым ста-

¹⁰⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1351, л. 20.

¹⁰⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 7–7 об.

ричком, обожавшим душевное равновесие. Не зря Екатерина назначила его главным воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей¹⁰⁶. С учетом даты смерти «главы семьи», тобишь графини Натальи Владимировны, вероятнее всего, село Байка основана при ее жизни, то есть до 1812 года.

Последним селением района, чья история связана с именами наиболее знатных российских персон, следует назвать Репьевку. Сначала на ее месте располагались земли нижнеломовских солдат Ивана Жукова и Филиппа Сидорова, но к 1721 году они оказались у фельдмаршала Аникиты (Никиты) Ивановича Репнина, одного из «птенцов гнезда Петрова», героя русско-шведской войны. Правда, по сравнению с куракинским, поместье было невелико. В 1723 году в нем всего 20 дворов. После смерти фельдмаршала (1726) имение перешло к его внуку, ротмистру кирасирского полка Сергею Ивановичу Репнину. В 1747 году в д. Репьевке Нижнеломовского уезда 105 душ мужского пола. В дополнение к прежним крестьяне переведены из с. Архангельского, Аносово тож, Шацкого уезда¹⁰⁷. В 1785-м построена церковь во имя св. Софии, и село стало называться Софьино, Репьевка тож.

Примерно в это же время Софьино-Репьевка, по-видимому, как приданое перешло к генерал-поручику князю Сергею Семеновичу Волконскому и его жене Александре Николаевне. Правда, имя владельца, предлагаемое «Экономическими примечаниями», вызывает вопрос. Дело в том, что это все-таки рукопись, где могут быть описки. Известно, что Александра Николаевна Репнина около 1777 года вышла замуж за Волконского Григория (а не Сергея) Семеновича. У них родились дочь Софья (не в честь нее ли назван престол в сельской церкви?) и сын Сергей, известный декабрист. Противоречие с именем владельца еще ждет своего разрешения.

Тем же Волконским до самой отмены крепостного права принадлежала деревня Мокшанцева, нынешние Первые Мокшаны Сердобского района, поселенные в конце 18 века. Управляющий имением жил в Софьино (Репьевке) в деревянном доме, занимался хозяйством, не пуская пыль в глаза наружным блеском. Несмотря на внешнюю неприязнительность, отсутствие дворцов и парков, это было крепкое хозяйство. В Сердобской даче этих помещиков в 1795 году числилось 2589 десятин пашни, 240 — сенных покосов и 895 десятин степи; всего — 4017 десятин. «Урожай хлеба порядочный», земля — чернозем, лес дубовый, в отрубе от четырех до шести вершков, вышиной от

¹⁰⁶ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: Биографии и портреты. Спб., 1996. С. 453.

¹⁰⁷ Голомбевский А. А. Материалы для истории колонизации... / Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1891. Т. III. Вып. II. С. 7.

трех до пяти сажений. Из птиц, обитающих на земельной даче Волконских, названы орлы, ястребы, журавли, дудаки. Крестьяне находились на оброке, выплачивая в год владельцам по 15 рублей с души и «достаток имеют изрядный», писал составитель «Экономических примечаний»¹⁰⁸.

Так что родители декабриста, если именно они являлись владельцами Репьевки, подавали хороший пример взаимоотношений с крестьянами. Разумеется, здесь могла проявиться не одна рачительность хозяев, но и такая прозаическая причина, как скупость. Известно, Софья Григорьевна Волконская, дочь владельцев Репьевки, в доме которой на Мойке, между прочим, умер Пушкин, по меркам высшего света, была «неимоверно скупой», одевалась бедно и небрежно, так что однажды на станции ее задержала полиция, подумали — бродяга. В то же время, отмечают авторы, Софья Григорьевна не жалела средств, оделяя бедных¹⁰⁹.

---

¹⁰⁸ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 42–43 об.

¹⁰⁹ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. Спб., С. 654–656.

«Почин — от устья речки Казамлы...»

*Две Камзолы. Болтины, Дубасовы, Жадовские, Юматовы
и другие. Монастырские крестьяне*

I

Одновременно с крупными землевладельцами «московского чину» в Прихопровье наделялись землями средние и мелкие дворяне. Одними из старейших в районе являются два села, носившие одинаковое имя Камзолка. Одно из них расположено на речке Камзолке, правом притоке Сердобы, другое — также на речке Камзолке, но левом притоке Хопра. Первое в настоящее время входит в черту села Зеленовка, второе так и осталось Камзолкой.

В сентябре 1701 года подьячий Пензенской приказной избы Афанасий Кашников, по указу великого государя, отказал на р. Казамле (Камзоле, притоке Сердобы) по 40 четвертей в поле, а в дву по тому ж, пензенцам Трофиму Перекосову, Алексею Тугушеву, Ивану Тихонову и Даниле Попову. В отводе границы земельной дачи описаны так:

«Почин — от устья речки Казамлы, вверх идучи тою речкою Казамлою по правой стороне [идя левым берегом Камзолки, ибо правый занят лесом], до устья речки Малой Казамлы [ныне безымянный овраг с ручьем, правый приток Камзолки, с устьем, разделяющим Зеленовку на две части; раньше эту речку называли Камзолочкой и Вязовкой], которая пошла в левую сторону той речки Казамлы [если смотреть с юга на север, по ходу движения челобитчиков], подле дубров березовых; и перешед большую речку Казамлу подле того устья Малой Казамлы [перейдя с левого на правый берег Камзолки; ныне здесь с. Зеленовка], идучи по левую сторону той речки Малой Казамлы [идя вверх по течению ручья его правым берегом], через березовые дубровы [ныне их нет] и перепольи, до вершины той Малой речки Казамлы, до граней отводу стольника и воеводы Гаврилы Тухачевского, что он

отвел Пензенского уезду села Сердобы карабельных лесов сторож[ам] Сеньке Боляеву с товарищи. А от тех их граней и с вершины речки Малой Казамлы до Ясенева колка [местоположение колка — рощицы — не определено], направи земля их, челобитчиков Трофима Перекосова с товарищи, а налеве карабельных лесов сторожей Сеньки Боляева с товарищи.

А от того Ясеневого колка, поворотя направо, к речке Большой Казамле [в сторону Лачиновки Колышлейского района], на вершину, которая в тою речку впала с правой стороны, от высоких дубров. И тою вершиною идучи правою ж стороною, до вершины и до высоких липягов. А от высоких липягов идучи правою стороною, до Большого липяга Матальгина [вероятно, так назывался лес, оставшийся ныне при устье Камзолы на ее левом берегу, на территории Саратовской области]. И тем липягом идучи прямо от дубров высоких, к реке Сердобе. И тою рекою Сердобою вниз идучи по правой же стороне, до устья речки Казамлы, до первого почину». На отказе были сторонние люди (свидетели правильности отвода) корабельных лесов сторожа Иван Иванович Пустобояров, Артемий Матвеевич Шишкин, Матвей Осипович Кайсаров, Матвей Федорович Болоболлин, Лаврентий Ильич Корякин¹¹⁰.

Фактически площадь, отказанная челобитчикам, составляет, конечно, не 160 четвертей (240 десятин) на четверых, а раз в двадцать больше. Правда, надо учесть высокую лесистость участка, а при отводе учитывались лишь поля, пригодные для вспашки, но все равно размеры владения уж слишком превышали просимое.

На этих землях появилось несколько помещичьих деревень, объединившихся позднее в село Рождественское, Камзола тож. Время их основания точно неизвестно. Но они существовали к августу 1717 года, так как есть документы о пленении части жителей в дни «кубанского погрома» (Ю. А. Кузнецова, с. 70). Первой, до 1704 года, поселилась д. Камзола. Жили в ней крестьяне вышеупомянутых Перекосова, Тугушева, Тихонова и Попова.

В том же 1704 году в д. Камзолке отведено 100 четвертей Прокофию Семеновичу Бибикову, который перевел сюда крестьян из с. Бибиково Пензенского уезда (ныне Мокшанского района). Во время «кубанского погрома» бибиковская часть д. Камзолки также была сожжена. В 1747 году за этим помещиком в Камзолке показано всего 3 двора, в 1762 году — ни одного.

Самой многочисленной в первой половине 18 века оказалась в селе община крестьян Московского Симонова монастыря, переведен-

¹¹⁰ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, е. хр. 6502, лл. 596–599 об.

ных из с. Лесной Вьяс нынешнего Лунинского района.¹¹¹ Эти общины мелких помещиков и монастыря составляли в целом д. Камзолу, располагавшуюся на правом высоком берегу Камзолы, примерно в километре от устья Камзолочки (Малой Камзолы, Вязовки). Ближе к устью Камзолочки до 1717 года поселилась и д. Юматовка матроса Василия Ивановича Юматова (не путать с позднейшей Юматовкой, построенной в верховьях Камзолочки во второй половине 18 века)¹¹².

Напротив д. Камзолки на левом берегу Камзолы до первой ревизии обосновалась д. Никифоровка комиссара Федора Васильевича Никифорова и прапорщика Степана Ивановича Арапова. Где-то была еще д. Вязовка капитана Семена Яковлевича Ознобишина, судя по названию, на речке Вязовке (Камзолочке), там же, где и старая Юматовка. Все эти деревеньки в первой половине 19 века составили село Рождественское, Камзола тож, включенное при Советской власти в состав Зеленовки, в черте которого пребывает донныне.

Церковь (деревянная) во имя Рождества Христова построена в Камзолке в 1736 году по челобитной «приходских людей вотчины Симонова монастыря». В своем прошении в Синодальный казенный приказ в 1728 году они писали:

«В прошлых годех в Пензенском уезде, в Завальном стану, в сельце Рождественском, Казмала тож, была у них построена часовня, при которой был для отправления всяких мирских треб вдовой поп Иван Гаврилов, и в прошлом-де 1724 году, по указу, оная церковка запечатана, а оной поп Иван в 1726 году умре. И по умертвии оного попа и ныне у них, крестьян, попа не имеется, и в том они во всяких мирских потребах имеют немалую нужду. А от того-де их сельца и от деревень имеется ближнее село Архангельское, Сердобинская солдатская слобода тож, разстоянием в 20 верстах, а другие-де церкви имеются от них верст по 60 и больше. И ныне они обещались на том же старом кладбище, где бывала часовня, построить вновь церковь во имя Рождества Христова.

А в показанном-де сельце Рождественском и в других разных деревнях имеется у них приходских 105 дворов [...]. А к той-де церкви приговорили они для отпрвления всяких мирских треб того же Пензенского уезда, Шукшинского стану, из вотчины графа Гаврила Ивановича Головкина, из села Воскресенского, Лесной Авьяс тож, попа Стефана Симеонова, потому что они — монастырские крестьяне из того же села Авьясу, переведены в новое сельцо Казмалу. А оной-де поп Стефан — человек доброй и им всем, крестьянам, отец духовной.

¹¹¹ Кузнецова Ю. А. Указ. соч. С. 70–71.

¹¹² РГАДА, ф. 350, оп. 2, е. хр. 2521, л. 526.

А без церкви-де Божии и без попа пробыть им невозможно, потому что многие мирские люди помирают без исповеди и без причастия и погребаются тому 2 года на старом кладбище, где бывала означенная часовня, без попа; тако ж-де и роженицы лежат многие недели без молитвы и младенцы помирают без крещения»¹¹³.

В реестре дворам прихожан будущей церкви перечисляется: Московскому Симонову монастырю принадлежит 42 двора, полковнику Петру Епифановичу Вельяминову — 9, капралу Михаилу Трофимовичу Перекосову — 4, отставному драгуну Прокофию Бибикову — 3, драгуну Ивану Алаше[е]ву — 5. Эти 63 двора составляли сельцо Рождественское, Камзола тож. Кроме того, в д. Юматовке матросу Василию Ивановичу Юматову принадлежало 6 дворов, в той же деревне полковнику Ивану Григорьевичу Дятковскому — 15. Таким образом, в Юматовке считался 21 двор. В Никифоровке также два помещика: за комиссаром Федором Васильевичем Никифоровым — 8, за прапорщиком Степаном Ивановичем Араповым — 4 дворов. Наконец, в Вязовке за капитаном Семеном Яковлевичем Ознобишиным 9 дворов. Всего в сельце и деревнях, составившим в начале 19 века единое село Рождественское, Камзола тож, в 1736 году было 105 крестьянских дворов.

Во время второй ревизии число мелких землевладельцев в Камзоле прибавилось за счет прапорщика Хвостова, сержанта Мячина, вахмистра Алашеева и других. Григорий Мячин купил в 1743 году у вдовы Марфы Ивановны Бибиковой за 50 рублей разной земли (без крестьян) 50 четвертей в поле, а в дву по тому ж. В 1744-м Дмитрий Михайлович Перекосов продал свою камзольскую вотчину подьячему Агафонникову¹¹⁴. Самая крупная община принадлежала Симонову монастырю. Число душ мужского пола в селе составляло 895. И это против примерно 120 ревизских душ, насчитывавшихся в этих селениях в 1721 году.

К третьей ревизии в составе села произошли новые изменения: монастырь вывел своих крестьян в с. Бурлук Камышинского уезда, и численность населения несколько снизилась, но к 1795 года достигла 934 душ мужского пола у полутора десятка помещиков¹¹⁵. Среди них коллежский асессор Иван Васильевич Юматов (1738 — ок. 1816), имевший 103 души мужского пола. Ему же принадлежала поселенная после 1762 года д. Вершины, Казмалка, Юматовка тож, с числом ре-

¹¹³ Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории колонизации Саратовского северо-восточного края / Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1891, т. III. Вып. II. С. 61–62.

¹¹⁴ Холмогоровы В. и Г. Указ. соч. С. 65–66.

¹¹⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 60 об.–61.

визских душ — 120, обоего пола — 270. Вторая супруга Юматова, Анна Дмитриевна (урожденная Качеева), владела 33 ревизскими душами в д. Панкратовке, что в семи верстах к юго-западу от Рождественской Камзолы.

В 1890 году в «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии» (т. III, вып. I) опубликованы анонимные «Воспоминания участника 1813–1814 годов», предоставленные в комиссию известным саратовским либеральным земцем Василием Дмитриевичем Юматовым. Не составило большого труда выяснить, что мемуары принадлежали перу Петра Ивановича Юматова, сына одного из владельцев юматовской части села Рождественского. В 1996 году воспоминания были перепечатаны.¹¹⁶ Нам нет нужды подробно останавливаться на изложении мемуаров дворянина, тем более, что их можно цитировать «от корки до корки» — настолько они искренни и совершенны в литературном отношении. Интересующиеся могут воспользоваться журналом «Земство», пока этот номер не стал библиографической редкостью.

Многие страницы воспоминаний касаются села Рождественского, где жил и похоронен отец мемуариста. Отметим лишь ошибку комментаторов труда, которые считают, что село Камзола от служилого человека Трофима Перекосова перешло к Ознобишину, а в конце 18 века — к отцу мемуариста Ивану Васильевичу Юматову. Рождественское принадлежало сразу 15–20 помещикам и среди них Ознобишиным, Юматову и пр. Поэтому нельзя утверждать, будто только они были вотчинниками Камзолы.

Земельными дачами с. Рождественского, Казмала тож, и с. Никольского, Тепловка тож, с селцами и деревнями Ивановской, Юматовкой, Детковщиной, Вязовкой, Новосельцовой, Агафоновской, Соколовской, Ивановкой, Анниной и новопоселенной Юматовкой, Мичкас тож, владели в 1795 году следующие помещики (перечень населенных пунктов и список владельцев даем в том же порядке, как и в «Экономических примечаниях»):

тайный советник Федор Федорович Желтухин и подполковник Дмитрий Федорович Желтухин, у них обоих 141 ревизская душа;

генерал-майор Федор Степанович Шапошников — 25;

коллежский ассессор Иван Васильевич Юматов — 103;

Федосья Михайловна Тугушева — число душ не указано;

Наталья Васильевна Иваничева — 40;

Елизавета Васильевна Хрипкова — 25;

Анастасия Ивановна Ульянина — 8;

губернский секретарь Федор Федорович Соколов — 4;

¹¹⁶ Земство. Архив провинциальной истории России. 1996. № 1. С. 78–134.

- его жена Анастасия Васильевна Соколова — 17;
 Александра Федоровна Ознобишина — 186;
 гвардии прапорщик Иван Васильевич Чирков и Пелагея Степановна Глаткова — 65;
 надворный советник Григорий Васильевич Глатков и Александра Ивановна Войнюкова — 24;
 девица Александра Николаевна Григорьева — 16;
 прапорщик Иван Васильевич Чирков — 30 (не тот ли, что «гв. прапорщик», см. выше?);
 Анна Ивановна Леонтьева — 22;
 коллежский регистратор Василий Никитич Тиняков — 16;
 Наталья Николаевна Шахматова — 18;
 ее малолетний сын Николай Александрович Челюскин — 59;
 капитан Василий Васильевич Челюскин — число душ не указано;
 малолетние Николай и Ольга Дмитриевичи Иваницкие — 8;
 коллежский асессор Василий Яковлевич Теплов — 7;
 княгиня Екатерина Яковлевна Еникеева — 17;
 Афимия Романовна Кастеевская — 21;
 подпоручика Петра Федоровича Слепцова дети — 55;
 Фекла Ивановна Теплова — 23 ревизские души.

Разумеется, не все населенные пункты, упомянутые в начале перечня, вошли позднее в черту с. Рождественского. Например, Агафоновка, Аннино и одна из Ивановок находятся на территории Саратовской области в двух-шести километрах от сердобской Зеленовки. Но большинство это те, что сгруппировались в село Рождественское.

Деревни Вершины, Казмалка, Юматовка тож (коллежского асессора Ивана Васильевича Юматова, у него в ней 120 ревизских душ), и Панкратовка (69 ревизских душ, из них 33 — за Анной Дмитриевной Юматовой, матерью мемуариста) показаны в «Экономических примечаниях» как отдельные населенные пункты, на особых земельных дачах.

Из приведенного списка нетрудно вычислить, например, о каком «полковнике Ж.» может идти речь в воспоминаниях П. И. Юматова об убийстве священника. Этот «полковник» велел закатать попа в бочку и утопил за то, что, проезжая мимо его дома, священник отказался почтить хозяина участием в попойке. По-видимому, мемуарист описал случай, главным участником которого стал подполковник (а не полковник) Дмитрий Федорович Желтухин. Других помещиков с фамилиями на «Ж» и в званиях подполковника и полковника в окрестностях с. Рождественского не было. К сожалению, не называет Юматов и имени священника. Вполне возможно, мученическую смерть от подручных разнузданного мерзавца принял батюшка, служивший в местной Рождественской церкви, ведь поблизости от Камзолы в 1780-

90-х годах не было церквей. Вот уж воистину «здесь барство дикое, без чувства, без закона»...

Что случилось с «полковником» за убийство священника? Ничего. Он дал взятку кому-то из полицейских чинов, на том все и кончилось. Случай в Рождественском лишний раз свидетельствует о полном беспорядке сельских священнослужителей перед дворянами.

Сердобскому району повезло на мемуаристов. Великолепную книгу о Сердобске и горожанах написал выдающийся художник России Н. В. Кузьмин («Круг царя Соломона»), много ярких страниц посвятили земле сердобской и местным дворянам П. И. Юматов, Ф. Ф. Вигель («Записки»), В. Н. Ладыженский («Неоконченные воспоминания»)¹¹⁷. Где-то в Саратовском госархиве должны храниться (по-видимому, в фонде ученой архивной комиссии) воспоминания о Пугачевщине, написанные самим Иваном Васильевичем Юматовым, до сих пор не напечатанные. Упоминание о них содержатся в «Трудах СУАК» (Саратов, 1893. Т. IV. Вып. 3. С. 137). К сожалению, они пока не найдены.

II

Сельцо Никольское, Камзола тож, в первые годы существования принадлежало шести владельцам: епископу Крутицкому, Переяславль-Рязанскому Троицкому монастырю, а также помещикам капитану флота Безобразову, Якову Евсеевичу Муромцеву, Патрикееву и подканцеляристу Муромской канцелярии Протодьяконову. Крестьяне переведены из Владимирского уезда (с. Языковка, сельца Радилово, Городище, Шипилово, деревни Жарцы, Митина), а также из уездов Нижнеомовского (с. Ключицы где-то на Хопре), Муромского (деревни Санькова, Шерстаевка, Колычева, Федисово, Березовка), Шацкого (Девичьи Рукава) и Суздальского (д. Афанасьева)¹¹⁸.

Поблизости от сельца Никольского располагалась д. Камзолка, основанная между 1721 и 1747 годами помещиками Петром Григорьевичем Жадовским, Иваном Ивановичем Хотяинцевым, вдовой Матронею Григорьевной Костеревой и Астаповым. Последнему земля и крестьяне достались в качестве приданого от тестя Ивана Поликарповича Хотяинцева. Крестьяне переведены в Камзолку из уездов Алексинского (д. Тайдаково), Владимирского (деревни Вяхирева и Алелевская), Касимовского (д. Позняково), Каширского (д. Берево), Крас-

¹¹⁷ Земство. Архив провинциальной истории России. 1995. № 1. С. 6–66.

¹¹⁸ Голумбиевский А. А. Материалы для истории колонизации Саратовской губернии / Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1891. Т. III. Вып. II. С. 1.

нослободского (с. Федоровка), Переяславль-Рязанского (д. Федотьево)¹¹⁹. Предположительно, д. Камзолка вошла в состав с. Никольского, Камзола тож, около 1770 года, когда в нем была построена церковь.

Строительство храма во имя Николая Чудотворца в сельце Никольском началось в 1769 году, спустя шесть лет он освящен¹²⁰. По открытии церкви село стали называть Никольским, Камзола тож. В 1764 году, по указу Екатерины II, монастырские и церковные земли вместе с крестьянами были отписаны в казну, а жители бывшей монастырско-церковной части с. Никольского в конце 18 века показаны уже как экономические крестьяне казенного ведомства. Таковых насчитывалось больше половины села. По сравнению с помещичьими, они отличались некоторой зажиточностью. В середине 19 века на окладную душу у казенных крестьян этого села приходилось по 5,8 десятины пашни, у барских — 4,4.

Также между первой и второй ревизиями основано с. Соколка. Его владелец Аким Осипович Названов между 1721 и 1747 годами перевез на речку Камзолку крестьян из уездов Владимирского (сельцо Коренево) и Муромского (сел Болотниково и Савино, сельцо Малого Ростригина, Паново, Котышево, деревень Степаниково, Мичково, Крутой, Вологда-но, Усад и др.). В 1747 году в ней записано в оклад 279 душ мужского пола¹²¹. В 1788 году здесь построена деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы, село стало именоваться Троицким, Соколкой тож. В 1901 году на ее месте возведена каменная церковь, сохранившаяся до сих пор как памятник архитектуры. Впрочем, не перестроена ли она из прежней? В «Экономических примечаниях» к материалам Генерального межевания, за сто лет до 1901 года, в этом селе уже упоминается каменная Троицкая церковь. Помещиком в это время продолжал оставаться поручик Аким Осипович Названов, у него 7104 десятины земли (в том числе пашни 4 412) и 599 ревизских душ, общая численность населения приблизительно 1 200 человек.

«Село расположено при речке Соколке, при запруженном на ней пруду, по обеим сторонам, и при озере», говорится в описании. В даче упоминается также хутор Названов на речке Камзолке¹²². Через село пролегла большая дорога из Сердобска в Балашов, а это значит, крестьяне находили более выгодным для себя заниматься извозом в свободное от барщины время, тем более, что песчаные почвы и малоземелье не позволяли полагаться на рентабельность земледелия. Бывая в

¹¹⁹ Голумбиевский А. А. Материалы для истории колонизации Саратовской губернии / Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1891. Т. III. Вып. II. С. 1.

¹²⁰ Саратовские епархиальные ведомости. Приложение за 1895 г. С. 391.

¹²¹ Голумбиевский А. А. Указ соч. С. 2.

¹²² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 26 об.

других местностях, мужики перенимали разные хозяйственные новинки и прочие полезные вещи. Вероятно, в 19 веке, после отмены крепостного права, в селе возник гончарный промысел, прославивший Соколку и ее мастеров далеко за пределами района. Вазы, горшки, кувшины Филиппова, Ивана Волдырева, Гавриила Рябова, Солонина хранятся в Сердобском краеведческом музее как художественно совершенные образцы самобытного народного творчества, которые мне с большой гордостью за земляков показывал заведующий музеем Виктор Ерофеевич Назаров.

Довольно сложной представляется ранняя история села Дубасово. Прежние выводы о том, что оно основано между 1700 и 1719 годами, лишены оснований¹²³. Истоки неверного утверждения идут от невнимательного прочтения документа. Сердобская Дубасовка в начале 18 века находилась в составе Нижнеломовского, а не Пензенского уездов. В последнем, действительно, есть несколько Дубасовок, но они не имеют отношения к селу на речке Камзолке. Бывшее церковное название села — Богоявленское (иногда Богородское). Обстоятельства строительства церкви проливает свет на историю первых лет существования населенного пункта.

23 марта 1736 года владелица деревни Акулина Григорьевна, вдова подполковника Афанасия Ивановича Дубасова, подала прошение в Синодальный казенный приказ, объясняя желание поставить в имени церкви: «В прошлых годах построена у меня в Нижнеломовском уезде в Завальном стану деревня на речке Комзолке, Дубасово тож, которая имеется от церкви в дальнем разстоянии, верст по 10 и более. А в оной моей вотчине имеется крестьянских жилых дворов с 50 и больше. А ныне я обещалась построить вновь церковь Божию деревянную во имя Богоявления Господня, под которую новопостроенную церковь Божию уступаю из дач своих земли 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов 10 копен, а под церковь Божию и под кладбище, тако ж и под строение попу с причетники место изготовлено»¹²⁴. Когда именно построена церковь, в документе указания отсутствуют, обычно срок между прошением о строительстве храма и его освящением составлял от двух до пяти лет.

Факты, изложенные в прошении, дают основания утверждать, что Дубасово основано между 1721 и 1736 годами. Скорее всего, землю на Камзолке получил (или купил вместе с крестьянами у какого-то помещика) подполковник Афанасий Иванович Дубасов не раньше

¹²³ Полубояров М. С. Мокша, Сура и другие... Москва, 1992. С. 55.

¹²⁴ Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории колонизации Саратовского северо-восточного края / Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1891. Т. III. Вып. II. С. 234–235.

1721 года. После смерти офицера имение наследовала его жена Акулина Григорьевна, строительница первой церкви.

В «Экономических примечаниях» Генерального межевания село Богородское, Дубасово тож, показано в одной меже с селцом Жадовкой (ныне Яблочково) и деревней Засекиной. Крестьяне в этих трех населенных пунктах принадлежали провиантмейстеру Дмитрию Александровичу Бахметеву (26 дворов, 146 душ мужского пола), поручику Петру Александровичу Бахметеву (10 дворов, 50 душ мужского пола), поручику Сергею Алексеевичу Синбухину (12 дворов, 59 душ мужского пола), корнетше Дарье Алксеевне Синбухиной (8 дворов, 39 душ мужского пола), поручице Марии Лаврентьевне Карповой — жене капитана Анфиногена Николаевича Карпова — (6 дворов, 34 душ мужского пола), надворному советнику Ивану Алексеевичу Владыкину с женой (5 дворов, 32 душ мужского пола), прапорщику Михаилу Алексеевичу Яблочкову (17 дворов, 95 душ мужского пола) и однодворцу «по доказательству дворянства» Даниле Кирилловичу Любовскому (2 двора, 8 душ мужского пола). Всего в трех селениях считалось 86 дворов и 463 душ мужского пола. За ними закреплено 4161 десятина всех угодий. После 1795 года к селу Богоявленскому, Дубасово тож (оно именовалось то Богоявленским, то Богородским), было дополнительно намежевано сенокосов во владение Дмитрию и Петру Александровичам Бахметевым 1086 десятин. В том же документе есть дополнительные сведения об этих трех селениях и земельной даче:

«Положение имеет село [Дубасово] на суходоле и по обе стороны оврага безымянного, в котором запружен небольшой пруд, в нем рыбы не имеется. В том селе церковь деревянная во имя Ти[хв]инския Божьей Матери и господский дом деревянный поручика Петра Бахметева.

Сельцо Жадовка лежит по обе стороны речки Соколки и при запруженном на ней пруде, во оном [сельце] господский дом деревянный госпожи Карповой.

Деревня Засекина положение имеет по берегу речки Казмолки по левую сторону, а дачею простирается по обе стороны речек Казмолки и Соколки, оврагов Щелкунова, Ближний тож, Винного и безымянного, лошины Долгой и четырех безымянных отвершков.

Описанные речки в летнее жаркое время глубиною бывают: Казмолка глубиною в два аршина, шириною в 5 сажень; в ней рыба — шуки, окуни, плотва и пискари; Саколка — шириною в одну сажень, глубиною в четверть аршина, а местами и пересыхает, в ней рыбы не имеется.

Грунт земли — черноземной с песком, а частью и солонцеватой. Из посеянного на ней хлеба лучше родится рожь, овес, греча и полба, а прочие семена, равно и сенные покосы, средственны. Лес растет по

суходолу и по болоту строевой сосновой, вышиною от трех до шести сажень, толщиною в отрубе от шести до осми вершков¹²⁵; дровяной — березовой, осиновой, ольховой, дубовой, липовой, которой для поташа не способен. В нем звери — волки, зайцы, лисицы, в полях — сурки, птицы — журавли, орлы, куропатки, стрепета, перепелки и разных родов мелкие, при водах — дикие утки, кулики, чибисы и бекасы.

Крестьяне состоят: г-на Бахметева — на оброке, платят в год с тягла по десяти рублей, а прочих господ [крестьяне] состоят на хлебопашестве [т.е. барщине], землю запахивают чресполосно, как для господ, [так] и для себя без остатка. Женщины сверх полевой работы упражняются в домашних рукоделиях¹²⁶.

III

Остановимся на ранней истории еще трех населенных пунктов Сердобского района, возникших в 18 веке. Рядом с Репьевкой располагается д. Бабарыкино, в которой ныне 20 дворов и 28 жителей. Она основана на бывшей земле пахотных солдат, купленной у них стольником Бабарыкиным. Вообще эту фамилию принято писать Боборыкин. Искажая ее, мы отдаем дань местной традиции. Сведения об отводе этому помещику земли в окрестностях села встречаются в отказных книгах. В 1723 году помещица Авдотья Семеновна Бобарыкина (так она сама писала свою фамилию) била челом императору Петру о пожаловании ее помещьем, оставшемся после покойного брата, стольника Егора Семеновича Бобарыкина. У него не было ни жены, ни детей, поэтому единственной наследницей недвижимого имущества оказалась сестра Авдотья. Поместье брата находится, указывала дворянка, «в Пензенском уезде на Хаперских вершинах, деревня Пяша с пустошьми, и с пашнею, и с лесы, и санными покосы». Брат Егор Семенович купил тут землю 1 октября 1715 года у солдата Кузьмы Серебрякова — 25 четвертей в поле, а в дву по тому ж, за семь рублей¹²⁷. Солдат Серебряков, правда, по имени Иван (может быть, отец Кузьмы Серебрякова?) упомянут в списке «товарышей» солдата Кузьмы Кузьмича Шишкина, получившего 25 четвертей земли на Хопре в 1703 году, о чем мы уже писали. Вполне может быть, что не только у Серебрякова прикупил землю стольник Бабарыкин.

¹²⁵ 1 сажень = 213 см; 1 аршин = 71,1 см; 1 вершок = 4,45 см.

¹²⁶ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, лл. 84 об. — 85 об.

¹²⁷ РГАДА, ф. 1209, оп. 2, е. хр. 12112, лл. 690–694.

Во всяком случае, в 1721 году деревня уже существовала. Во время второй ревизии в д. Бобарыкино было 198 душ мужского пола, причем крестьяне стольника показаны за помещиком Николаем Щепотевым (скорее всего, он женился на дочери Боборыкина). Кроме него, помещиками были Иван Мясоедов, Яков Грибанов, Алексей Пузиков, Иван Кожин, князя Сергей и Лука Долгоруковы, Иван Вельяминов-Зернов. После первой ревизии 1721 года прибавились крестьяне, переведенные из с. Дмитриевского, Пяша тож, и вернувшиеся из бегов из г. Атемара¹²⁸ Деревня входила в состав Нижнеломовского уезда.

На правом берегу Туманейки, левом притоке Хопра, в пяти километрах к востоку от с. Секретарки, расположена в крутой излучине речки деревня Балтинка, основанная до 1721 года дворянином Никитой Борисовичем Болтиным (по крайней мере, крестьяне по первой ревизии записаны за ним, переведены они на Хопер из Алаторского уезда). Однако в материалах второй ревизии д. Ивановка, Болтинка тож, записана за Иваном Никитичем Болтиным, очевидно, сыном Никиты Борисовича¹²⁹. Вероятно, это тот самый И. Н. Болтин (1735–1792), которому суждено оставить заметный вклад в русской истории и культуре (первые публикации «Поучения Владимира Мономаха» «Русской Правды», «Книги Большому чертежу») и которому посвятил две статьи сам В. О. Ключевский, дав очень высокую оценку Ивану Никитичу как одному из первых русских археографов-патриотов¹³⁰. Это был, по оценке Ключевского, один из «странных людей» екатерининской эпохи. Окружающие считали его чудачком. Вместо того, чтобы прыгать на балах, добиваться чинов оружием лести (благо, императрица знала его лично), наконец, пьянствовать и развратничать, как поступали многие провинциальные дворяне, этот чудак добросовестно тянул служебную лямку, а все свободное время, которого у него было очень немного, отдавал собиранию и изучению русских письменных древностей, расходуя на покупки свое жалование.

Иван Болтин грудью встал на публичную защиту отечественной истории, когда француз Леклерк напечатал «Историю России» — страны, по его рассуждению, азиатской, где только иностранцы и были светом в окошке. Двухтомные «Примечания на историю... г. Леклерка» (1788) Ивана Болтина составляют одну из ярких страниц отечественной истории, они поставили имя генерала в ряд родоначальников русской истории, хотя, будучи очень скромным челове-

¹²⁸ Голомбиевский А. А. Труды СУАК. Саратов, 1891. Т. III. Вып. 2. С. 7.

¹²⁹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, е. хр. 2542, л. 362 об. — 369.

¹³⁰ И. Н. Болтин (умер 6 октября 1792 г.). Памяти И. Н. Болтина / Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 447–487.

ком, историком себя Иван Никитич никогда не считал. Екатерина II, зная принципиальность генерала-служаки и отдавая ему дань как знатоку русской старины, пожелала, чтобы именно Болтин написал критическое заключение на ее пьесу из времен Рюрика (императрица была для своего времени неплохим литератором). Генерал-майор оказался в щекотливом положении: пьеса была слаба, изобиловала историческими ляпами. Однако Болтин блестяще справился с трудной задачей, явился, по выражению Ключевского, «беспристрастным судьей писательницы, не нарушив обязанностей кавалера к даме». После смерти своего критика Екатерина купила весь его архив, тем самым оказав помощь семье покойного. Архив Болтина (83 связки) хранился вместе со «Словом о полку Игореве» в коллекции Мусина-Пушкина и, увы, разделил его судьбу в огне московского пожара 1812 года. Потомкам остались лишь напечатанные работы Ивана Болтина, память о гладиаторе, защищавшим честь Родины от напраслин иноземных историков.

Этот Болтин, по-видимому, и был владельцем сердобской Балтинки (следовало бы писать: Болтинка, или, точнее, Болтино — хотя бы из уважения к памяти бывшего владельца, рыцаря без страха и упрека). Теоретически возможно, что не этот, а какой-то другой Иван Никитич Болтин владел деревней на Хопре, но все же вероятность ошибки здесь минимальная — фамилия не настолько распространена, чтобы среди землевладельцев у Ивана Никитича Болтина оказался полный тезка. Да, при проведении второй ревизии (1747 г.) Иван Никитич был очень молод (12 лет), но деревня записана за ним, хотя отец, стольник Петра I Никита Борисович, был еще жив (он умер около 1755 года, как сообщил мне краевед Г. В. Еремин). Поэтому в том, что Болтинка принадлежала малолетнему сыну, а не отцу, таится некоторая странность: обычно при живом отце имение за сыном не записывали.

В 1759 году Болтинка была продана Михаилу Саввичу Пересекину и его жене Наталье Ивановне. В 1858 году она показана за помещиком Сатиным, в 1877-м именуется сельцом Болтинкой, Вознесенским, Александровкой. Был ли в ней Иван Никитич Болтин, неизвестно. Но как военный чиновник он исколесил всю европейскую часть России.

IV

В трех километрах к северо-западу от Балтинки, на левом берегу Хопра, на самой границе с Колышлейским районом стояла на опушке большого леса деревенька по имени Завриха. В округе ходило предание, будто жители Заврихи — отчаянные вруны, оттого-де и название к деревне прилепилось. На самом деле оно произведено от прежнего имени деревни — Заврышева, поселенной между 1721 и 1747 годами дворянской вдовой Аленой Михайловной Заврышевой. Во время второй ревизии у нее здесь 16 душ мужского пола, переведенных из д. Чернатино Нижегородского уезда¹³¹. К 1762 году деревню наследовал ее сын прапорщик Дмитрий Андреевич, и у него крестьян 32 души (17 мужчин, 15 женщин)¹³².

Между 1762 и 1795 годами в сельце Завришенке стало несколько помещиков: Завришины (звучание фамилии несколько изменилось) Иван Дмитриевич, его жена Надежда Егоровна, Яков Дмитриевич и малолетний Андрей Дмитриевич; у них 41 ревизская душа. Помимо них показано за прапорщиком Яковом Николаевичем Загоскиным — 10, подпоручиком Трифоном Тимофеевичем Плитцовым и его женой Пелагеей Дмитриевной — 3, за Акулиной Дмитриевной Масаловой — 6 ревизских душ. Итого 60 душ мужского пола. Земельный надел составлял 900 десятин¹³³. Из того, что две владелицы имеют отчества Дмитриевны (Пелагея и Акулина), следует, что, скорее всего, они урожденные Завришины и получили свою долю в качестве приданого, выходя замуж, одна за Плитцова (Плотцова?), другая за Мосолова. Возможно, и Загоскин — зять Дмитрия Завришина, только жена его не дожила до 1795 года и потому часть сельца показана за ним.

В конце 18 — начале 19 столетий появляются селения в глухом северном углу Сердобского района, где веками царствовала степь. В конце 1790-х годов решением Правительствующего Сената на реке Арчаде, на территории Каменского района, от с. Пустынь до с. Клейменовки, получили земли пахотные солдаты, приписанные к городу Мокшану. По ним нынешнее село Покровская Арчада называли на первых порах селом Мокшаны¹³⁴. Вслед за тем на Арчаде получает земли гвардии капральша Екатерина Степановна Кошкарова, поселившая начало д. Кошкаровке на Арчаде (сселена несколько лет на-

¹³¹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, е. хр. 2542, л. 369 об. — 370 об. В работе Ю. Кузнецовой помещица ошибочно названа Еленой Михайловной.

¹³² Кузнецова Ю. А. Указ. соч. С. 70.

¹³³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1352, л. 12.

¹³⁴ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1070, л. 15.

зад). На момент составления «Экономических примечаний» по Пензенскому уезду (конец 1790-х годов) у нее здесь имелось 227 десятин пашни, 1234 десятины сенокосов, а всего 1702 десятины угодий вместе с неудобьями, включая 6 десятин леса, от которого сегодня не осталось и следа. Дворы еще не построены, но под усадьбы отведено 4 десятины. За арчадинскими угодьями помещица закрепила 100 душ лишь мужского пола¹³⁵. Отсутствие женщин показывает, что в тот момент поле Кошкарновой являлось отъезжим: крестьяне приезжали сюда лишь на сезон полевых работ. Скорей всего, временем основания Кошкарówki следует считать 1800 год.

В самом начале 19 века мокшанцам, испытывавшим острый недостаток в земле, была отведена земля южнее Кошкарówki. Так появились деревни Новый (или 2-й) Мокшан, названный так для отличия от первого Мокшана, поселенного княгиней Волконской в 1790-е годы (крестьяне переведены, вероятно, из с. Репьевки), Мокшан 3-й (Катковский), Мокшан 4-й (Саловский); Мокшаном стала называться и ранее безымянная речка, на которой поселились эти деревни. Таким образом, было положено начало освоению последнего пустого угла Сердобского района, где веками царствовала степь.

Главное богатство района — это почвы. За последние два столетия их качество заметно ухудшилось, тем не менее мощность гумусового слоя и сегодня составляет 40–80 см. Однако в 1890 году глубина почвенного слоя, по данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (статья «Сердобск»), составляла в Сердобском уезде от полуаршина (35 см) до 1,5 и 2,0 аршин (до 142 см!). Таким образом, толщина почвенного слоя лишь за последнее столетие уменьшилась чуть ли в половину. Страшно представить, насколько истончится он к исходу двадцать первого века.

---

¹³⁵ Там же. Л. 20 об.

«Жить в безответственном повиновении и послушании»

*Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева
в Сердобском крае*

I

Одним из выдающихся событий конца 18 века стала Крестьянская война под руководством Емельяна Ивановича Пугачева. Это была выдающаяся личность, сумевшая увлечь за собой десятки тысяч крестьян разных национальностей, верований и достатка. О масштабе личности говорит хотя бы тот факт, что до Пугачева (и даже после его казни) более двух десятков самозванцев провозглашали себя Петром Третьим, но крестьяне поверили только Емельяну. Согласитесь, даже опытному актеру не просто «сыграть царя», тем более, под занесенной над головой настоящей, не бутафорской секирой.

Главной пружиной восстания была ненависть к помещикам. Противоречия между ними и крепостными крестьянами, кажется, достигли критической уровня. Бунт назревал, дворяне это чувствовали. Свидетельство тому — наказ пензенского дворянства депутатам Екатерининской комиссии по созданию нового Уложения (свода Законов) в 1767 году.

«Многие разбои и воровства от злодеев происходили и ныне происходят, — информировали они Петербург о действиях беглых крестьян, собирающихся в шайки разбойников. — ... Кого из помещиков в домах своих застанут, мучат злодейски, путают [связывают. — М. П.], жгут огнем, режут и на части разрубают и прочими бесчеловечными мучениями... умерщвляют; а наконец дома их... выжигают, что почти ежегодно в здешней провинции происходит. То же чинится и от собственных помещиковых крестьян..., отчего помещики... страхи претерпевают, и многие, а особливо в ночное время, в домах своих не

бывают, а укрывают себя в неизвестных никому местах»¹³⁶. Это написано за шесть-семь лет до Пугачевщины!

В 1764–65 годах по Хопру гуляла большая разбойничья ватага, имевшая кое-где «укрепленные пункты». Раззадорившись грабежами и убийствами во время посещения помещичьих усадеб, разбойники доходили до Саратова и Керенска (ныне с. Вадинск), «грозя перебить всех помещиков»¹³⁷. Вполне вероятно, эти партизаны самодержавной России не раз навевывались и к сердобским дворянам.

Сам Пугачев не бывал в Большой Сердобе, пройдя от Саранска на Пензу и далее через Петровск на Саратов. При приближении самозванца к Пензе в 1774 году часть пахотных солдат под водительством отставного вахмистра Б. С. Федышева, как пишут краеведы, организовала вооруженный отряд, захватила соседнее с. Куракино и оттуда, громя помещичьи усадьбы, ушла в армию Е. И. Пугачева¹³⁸.

Вывод, будто именно пахотные солдаты возглавили восстание под Сердобском, неверен. Известный пензенский историк Сергей Павлович Петров, изучив массу документов, в своей книге о Пугачевщине «центром повстанческого движения» на Хопре назвал Борисоглебское (Куракино). В начале августа 1774 года из соседнего казенного села Сердобы сюда, действительно, прибыл повстанческий отряд во главе с отставным вахмистром Федышевым. Собравшимся вокруг него крестьянам он заявил, что «хотя де прежде и сказывали, что император Петр Федорович умер, но, однако, ныне он жив и находится в Пензе с командою. Поэтому повелевает он, вахмистр, чтоб быть всем государевыми, а не господскими»¹³⁹. Но прибытие из Большой Сердобы в Куракино одного (из многочисленных!) отрядов повстанцев еще не значит, что именно в Большой Сердобе находился центр восставших в Прихопровье.

В исследовании причин бунта на р. Сердобе ближе всех к истине историк Э. С. Коган¹⁴⁰. По его словам, в канун Крестьянской войны имение Куракиных имело огромные долги и находилось под опекой графа Петра Ивановича Панина, внучатого дяди «бриллиантового князя» А. Б. Куракина, который в это время был еще юношей. Это тот самый Панин, который станет главным палачом Пензенского края, безжалостно уничтожившим сотни крестьян за явное или мнимое участие в войне на стороне Пугачева. Чтобы сократить долги, опекун приказал

¹³⁶ Сборник Русского исторического общества. Спб., 1889. Том 68. С. 13.

¹³⁷ Петров С. П. Пугачев в Пензенском крае. Пенза, 1956. С. 34.

¹³⁸ Бульин Н. П., Махалкин С. М. Указ. соч. С. 7.

¹³⁹ Петров С. П. Указ. соч. С. 108.

¹⁴⁰ Коган Э. Волнения крестьян пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачева / Исторические записки, М., 1951. № 37. С. 104–124.

увеличить оброк с 2 до 3 рублей в год. Распорядился он и о постройке в 1767 году под Борисоглебском (Куракино) винокуренного завода, на котором должны трудиться крестьяне в дополнение к своим прежним обязанностям. В июне 1768 года борисоглебцы подали Панину челобитную. Они писали о невозможности справиться с фабричной работой, поскольку на свою домашнюю не остается времени. У них в вотчине, сообщали жалобщики, 642 души мужского пола, из них престарелых и малолетних 237, а 119 — дворовые, агенты, занятые покупкой хлеба, солодовники на заводе, винокуры и мельники. 20 человек поставлены на работу в качестве жиганов (жгли дрова на заводе), 18 подвозят дрова, 212 заняты на барской пашне и в подводчиках: поставляют хмель и хлеб на завод, отвозят готовое вино в Саратов.

Помимо труда на господской пашне и прочих вышеперечисленных работ, крестьяне обязаны были платить 200 рублей в год за столовые припасы, сдавать ежегодно 200 аршин сукна и 800 аршин холста. Повинности наши так велики, жаловались мужики, что даже находящиеся на оброке вынуждены идти подрабатывать на завод. В дополнение ко всем горестям в 1773 году был начат сбор трехрублевого оброка, который «с жесточайшим наказанием» проводил их выборный Василий Лавров. Так что такие, как Панин, и были главными виновниками в разжигании крестьянской войны в екатерининской России. Они же стали и главными вешателями.

Итак, возмутителями спокойствия оказались, по мнению Когана, крепостные А. Б. Куракина. К ним могла пристать часть пахотных солдат по религиозным мотивам (старообрядцы) или из-за межевых споров с помещиками (как раз в это время производилось размежевание). Веских экономических причин для восстания пахотные солдаты, в отличие от крепостных, не имели.

Мощным детонатором возмущения народа стал манифест Пугачева «во всенародное известие жителям Пензы и Пензенской провинции», написанный 31 июля 1774 года. Как установили историки, манифест имел широкое хождение и обнаруживался на телах убитых пугачевцев¹⁴¹. «Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне; и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками [...]; и освобождаем всех от прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощений [...], — говорилось в манифесте. — А как ныне имя на-

¹⁴¹ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975. С. 389.

ше властью всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах, — оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет. Петр»¹⁴².

Крепостные и вольные крестьяне, а вместе с ними и вахмистр Федышев, поверили: в Пензу прибыл настоящий Петр Третий. Самозванца Пугачева признали за царя многие священники в глубинке (попы были сравнительно грамотными людьми), за что некоторые потом заплатились жизнями. Каратели повесили попа в с. Нижний Шкафт, еще одного четвертовали в с. Юлово (Городище). Гибли священники и от пугачевцев, но чаще по религиозным причинам; это была месть насильственно окрещенной мордвы за поругание их богов и следствие обиды на официальную Церковь татар, которых она притесняла.

«Награждение древним крестом и молитвою и бородами», обещанное Пугачевым, было рассчитано на старообрядцев, жалование вольностью и «вечно казаками» и чинить с дворянами то же, что они с крестьянами чинили, — призыв к барским. Как видим, о пахотных солдатах, о казенных поселянах в «указе» Пугачева вообще ни слова. Это означает, что данная социальная группа поволжской деревни довольно мало интересовала вождя восставших, а он мало интересовал казенных крестьян.

Каким оказался эпилог «куракинской истории»? После подавления бунта обер-аудитор И. Г. Макгут прислал в куракинскую вотчину для зачтения в церквах инструкцию. Он потребовал от крестьян «жить в безмолвственном повиновении и послушании у своих начальников, кои от меня учреждены». Инструкция предписывала: «Каждого пришедшего в возраст мужеской пол в 20, девку в 18 лет женить и замуж выдавать. Естли в оные лета мужчины не оженятца, а девки замуж не выдут за бедностию женихов или за свойством [из-за физических недостатков], то таковых отдавать в рекруты, а з девке брать в мирскую сумму оброку по 3 рубля в год»¹⁴³.

Обстановку вокруг села Большая Сердоба в ходе Крестьянской войны нетрудно представить по рапортам одного из карателей, полковника Ивана Григорьевича Древица, примерно 14–15 сентября 1774 года проезжавшего с отрядом гусар через Сердобск и Салтыково на

¹⁴² Документы ставки Пугачева... М., 1975. С. 48

¹⁴³ Коган Э. Указ соч. С. 124.

пути из Зубриловки в Малую Сердобу. В опубликованных донесениях на имя графа Панина Древиц писал, что прошел «по-над Хопром», уничтожая повстанцев, «упражняясь в здешних окрестностях приведением черни в прежнее повиновение, чему уже и видимый успех есть... В некоторых селениях наказывал изменников по их заслугам». Он нигде еще не видел «такого зделанного тиранства, как здесь».

Во всех селах и деревнях Древиц собирал мужиков «для слушания вашего сиятельства объявления и приведения их к присяге». Крестьяне «показывают жалостный вид», но вместе с тем «ни одного села и деревни нет, ис которой бы от дватцати до двух и трех сот душ не пошли з злодеями и поныне еще не возвратились. Из дворянства нигде ни одного человека не нашел, а при спрашивании моем их мужиков объявлено было мне, что оные все перевешаны и переколоты, — продолжал полковник, рапортуя из Малой Сердобы после того, как проехал сердобскую землю — ...Зборищ разбойников при сем моем следовании нигде не найдено и известиев об них не мог получить»¹⁴⁴. Последняя фраза говорит о том, что к середине сентября в окрестностях Сердобска отряды пугачевцев были рассеяны. Далеко не полный список населенных пунктов Нижнеломовского уезда, занятых в августе 1774 года пугачевцами, включает в себя села Соколку, Богородицкое, Сердоба тож (ныне Салтыково), деревни Репьевку, Дубовку, Бабарыкино, Камзолку (Никольскую)¹⁴⁵. Несомненно, что и селения Сердобского края, входившие в состав Пензенского уезда, в том августе также находились в руках повстанцев.

Фраза о помещиках, которые «все перевешаны и переколоты» не отражает реальности. Большинство осталось в живых, иначе трудно объяснить, почему так много мелких и средних помещиков после подавления восстания продолжали жить в своих сердобских усадьбах. Ясно, что они и до Пугачевщины обитали не в Петербурге, а здесь же, только попрятались кто по лесам, кто у своих крестьян и дворовых людей. Отношения между мелкопоместными дворянами и их челядью часто бывали вполне семейными, что отражено в «Недоросле» Фонвизина, произведениях Пушкина, Лермонтова, других писателей прошлого века. Некоторые ловкие дворовые настолько «учинились сильны», что командовали своими господами. Словом, не только тирания, но и идиллия в отношениях части дворян и крепостных существовала. Была и обоюдная животная ненависть, особенно страшная по причине отсутствия прочных нравственных устоев как у тех, так и у других. В Зеленовке в двадцатые годы существовало предание, что местные

¹⁴⁴ Пугачевщина. Из архива Пугачева. М.; Л., 1929. Т. 3. С. 313–315.

¹⁴⁵ Пензенский край. XVII в. — 1917 г.: Документы и материалы. Саратов, 1980. С. 30.

повстанцы содрали кожу с живого помещика и повесили его, обливающегося кровью, за ноги¹⁴⁶. По-видимому, речь идет о помещицкой части Зеленовки, т. е. бывшем с. Рождественском, Камзола тож.

С 1 по 9 сентября 1774 года, в присутствии графа Панина, вешали крестьян на площади в Керенске. К сожалению, хранящееся в Российском государственном архиве древних актов (ф. 406, оп. 1, е. хр. 910) дело Воронежской губернской канцелярии о керенских казнях и об участии крестьян в восстании настолько ветхое, что его не выдают исследователям. 10 сентября Панин прибыл в Нижний Ломов, оставив и там кровавый след. С 14 по 26 сентября граф «трудился» в Пензе вместе с командиром местного дворянского корпуса Чемесовым; виселицы стояли на главной площади города (ныне Советская). Повстанцев и тех, кто попал под горячую руку, четвертовали, разделявая жертвы, как скот, на четыре части: рубили сначала руку, затем ногу, напоследок голову. Тут же секли и заковывали в железа. Не хватало плетей, их дополнительно изготавливали под присмотром воеводской канцелярии. Спешной работой были завалены кузнецы денно и ночью ковавшие ручные и ножные кандалы (казна отваливала за них бешеные деньги, по рублю за экземпляр)¹⁴⁷. Тела казненных запрещалось снимать с виселиц, они висели до тех пор, пока ни падали на землю. На площадях Керенска, Нижнего Ломова, Пензы наверняка погиб не один сердобский крестьянин. Персоналии участников Пугачевщины неизвестны, пофамильно их, вероятно, можно установить, проанализировав документы четвертой (1782 г.) ревизии по Сердобскому уезду, хранящиеся в Саратовском госархиве.

Правительственные каратели по части зверства далеко превосходили пугачевцев. По списку жертв, опубликованному А. С. Пушкиным¹⁴⁸, в Пензенском и Нижнеломовском уездах погибло от рук повстанцев, по нашим подсчетам: дворян — 309, недворян (приказчиков старост и др.) — 74. Среди казненных крестьянами дворян 78 женщин, 26 девиц и малолетних дочерей, 22 недоросля и сыновей. Охоту пугачевцев за детьми дворян нельзя объяснить ни чем иным, как намерением истребить их поголовно, дабы во владение именьями не вступили юные наследники. Таким образом, с точки зрения крестьянина, в этом был какой-никакой «практический смысл»: дескать перебьем всех наследников и будем свободными Убивали не только помещиков, но и тех, кто служил им, заступался за них, прятал «супостатов». В Пензенском уезде убито 18 приказчиков и четверо членов их

¹⁴⁶ Красная газета (Сердобск). 1926. 1 мая.

¹⁴⁷ Петров С. П. Указ. соч. С. 126–130.

¹⁴⁸ Пушкин А. С. История Пугачева / Полн. собр. соч. в 6-ти томах. М., 1950. Т. 6. С. 219–222, 227–230. Некоторые погибшие записаны дважды. — М. П.

семей, трое старост, 9 дворовых людей и столько же крестьян (впрочем, возможно в это число составитель списка включил должностных лиц из крестьянского сословия, а их следовало бы отнести к старостам, сотникам, пятидесятникам, сборщикам налогов и пр.).

На войне как на войне. И все же больше благородства в те мрачные дни проявляло не «благородное сословие», а та часть русских людей, которую презрительно именовали «чернью», «сволочью». «Сволочь», рискуя жизнями, наверное, не раз и не два спасала от гибели дворян. Тот же Древиц писал, что «в некоторых селах сыскиваются недоросли, дворянские дети, кои у мужиков для содержания розданы», то есть их спрятали крестьяне. Много ли найдется дворян, вырвавших из рук карателей мужичков, волей или неволей оказавшихся в рядах мятежников? Такие случаи неизвестны. Документы следствия говорят о том, что по распоряжению Пугачева казнено сравнительно немного дворян. Большинство повешено или засечено до смерти крестьянским самосудом. Но в документах нет ни единого факта об изнасиловании дворянок, что говорит о довольно высокой нравственности восставших. Смысл убийств, похоже, заключался в том, чтобы вырезать дворян поголовно и завладеть их землями.

Материалы допросов Пугачева отнюдь не убеждают в его кровожадности. Иногда «царь-батюшка» вынужденно принимал решения о казни. Крестьяне приводили к нему помещиков, перечисляли претензии к ним (один сек насмерть крепостных, другой пользовался «правом первой ночи» и пр.) и требовали у «царя» согласия на предание их смерти. Отказать — означало бы для Пугачева оттолкнуть от себя крестьян, и он взмахивал платком: повесить! В Пензе и под Пензой по его согласию было повешено всего лишь пятеро. Емельян Иванович заступился даже за одну дворянку (Пугачев знал ее мужа), по ее просьбе взял к себе в обоз до Царицына, потому что она боялась погибнуть от рук крестьян после ухода пугачевцев. Но дальше произошло непредвиденное: Овчинников, сподручный Пугачева, по чьему-то доносу обнаружил дворянку в обозе и засек ее плетью до смерти. Когда Пугачев призвал Овчинникова на разбирательство, тот отвечал: «Мы не хотим на свете жить, чтоб ты наших злодеев, кои нас разорjali, с собою возил, мы тебе служить не будем»¹⁴⁹. Так что не только массы зависят от вождей, но и вожди от масс.

¹⁴⁹ Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов. М., 1997. С. 203–204.

Учрежден уездным городом

*Сердобск — уездный город. «Экономические примечания»
Генерального межевания о Сердобском уезде*

I

Пугачевщина подтолкнула правительство к проведению масштабной административно-территориальной реформы — событию, безусловно, положительному. Такие мероприятия осуществляются не только для того, чтобы улучшить управление страной. Во главу угла ставится старинное правило царей: разделяй и властвуй. Новые территориальные композиции рвут многочисленные связи между людьми, разобщают старых друзей. Пока установятся новые отношения на личностном уровне, пройдет немало времени. Поэтому подобные реформы осуществляются, как правило, в ходе грандиозных общественных катаклизмов. Так, в 1992 году Е. Т. Гайдар и его сообщники всерьез задумывались о перекройке карты России, имея в виду прежде всего разрушение связей между руководителями районов и областей, начальниками воинских частей и других силовых ведомств. Как мы помним, в годы коллективизации не раз варьировали границами краев и областей духовные дедушки Егора Гайдара. Они явно побаивались скоординированных вооруженных выступлений под водительством бывших и настоящих красных командиров, еще не остывших от сабельных рубок гражданской войны.

Азы «революционной грамоты» Екатерина II знала неплохо, сама пришла к власти на штыках гвардии. Но ее решение провести реформу следует признать оправданным. Она положила конец чересполосице провинций и уездов, унаследованной от приказной системы, более оптимальными стали размеры административно-территориальных образований. Указ императрицы сыграл особую роль в истории Сердобского района.

7/18 ноября 1780 года, по указу Екатерины II, село Большая Сердоба переименовано в г. Сердобск с образованием Сердобского уезда в составе Саратовского наместничества. 23 августа 1781 года городу

пожалован высочайше утвержденный герб: «Две дыни в золотом поле, означающия изобилие сего города таковыми плодами»¹⁵⁰.

Почему именно Большую Сердобу, а не какое-то другое село решено преобразовать в город? Почему не стало уездным центром село Заречное (нынешнее Пригородное), Беково, Мещерское или Рождественская Камзола вкупе с Зеленовкой? По численности населения они мало уступали или не уступали селению на Лысой горе. Решающую роль сыграли, пожалуй, два фактора. Большая Сердоба была селом государственных крестьян, т.е. земля и жители принадлежали государству. Если строить уездный город на помещичьей земле, за ее изъятие и за крестьян пришлось бы платить из государственного бюджета. Ведь и земля, и земледельцы когда-то были пожалованы владельцу также царским указом. Что касается Заречья, то оно расположено неудачно, в болотистой и озерной низине, затапливаемой половодьем. Чиновники, выбиравшие села-кандидаты на звание города, безусловно проявляли интерес к тому, чтобы он был чистым, чтобы экипажи не вязли в грязи, чтобы присутственные места и церкви смотрелись издали. Расположенное «в яме» Заречье для этого не годилось. А вот возвышенный правый берег являлся местом подходящим.

Как выглядел новый уездный город на рубеже двух веков? На это достаточно подробно отвечают «Экономические примечания» к материалам Генерального межевания, составленные по материалам пятой ревизии 1795 года и по докладам местного начальства.

«Сердобск, уездный город Саратовской губернии, под 52°30' северной широты и 61°48' восточной долготы, — говорится в документе. — Расстояние имеет от столичных городов Москвы — 884 версты, Санкт-Петербурга — 1604 версты и от губернского города — 183 версты¹⁵¹. Лежит при реке Сердобе по течению ее на правой стороне, по обе стороны речки, протекающей из озера Чистого и часть оною оврага Шишкова и других безымянных. К югу ограничивается рекою Сердобою, а к востоку, северу и западу — земляным рвом.

Основан и учрежден при образовании Саратовской губернии в 1781 году из государственного села Сердобы, вновь же прожектирован генваря 12-го 1826 года. Окружность имеет по Высочайше подтвержденному плану 7 верст. Герб города — щит разделен на две части; в верхней — губернской, а в нижней части — в золотом поле две дыни.

¹⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. XXI. Спб., 1830. № 15215. С. 226.

¹⁵¹ Расстояние до Саратова, по-видимому, измерялось от Сердобска, через Малую Сердобу и Петровск, где проходила большая пензенско-саратовская дорога.

В оном городе церквей: каменная соборная во имя Архангела Михаила с приделом Казанския Божия Матери (построена в 1796 году); деревянных две: 1-я во имя Казанския Божия Матери (построена в 1793 году) и 2-я — вне города кладбищенская во имя Святителя и Чудотворца Николая (построена в 1788 году).

Казенных зданий:

1. Корпус присутственных мест каменный и обнесенный каменной же стеною, в коем помещаются суды, полиция и казначейство.

2. Провиантской магазин и це[й]х[г]ауз каменный.

3. и 4. — Тюремный замок и винный подвал — деревянные.

5. Питейных домов деревянных — 3, каменных — 1.

Предположено вновь к построению по Высочайше подтвержденному плану: приходских церквей — [количество не указано], гостинный ряд [торговые ряды], торговые лавки, магазины [хлебные, со страховым запасом хлеба], кузницы, вал и ров.

Общественных зданий: общественный дом деревянный занимает[ся] магистратом, думою, совестным и сиротским судами; каменных домов — 3; деревянных — 221; торговых лавок деревянных — 7; кузниц — 6; гербер деревянный — 1; винных погребов — 4; пивоварня деревянная — 1; кожевенных заводов деревянных — 3, вырабатывается на оных ежегодно на 125 рублей серебром.

Улиц немощеных на северо-восток — 13, поперечных — 7. Мостов деревянных чрез реку и овраг — 3. Застава деревянная — 1.¹⁵²

Далее идет состав жителей мужского пола, однако численность населения предпочтительнее указать по второму экземпляру «Экономических примечаний», чуть более подробных, где указаны лица обоего пола:¹⁵³

В 1795 году в Сердобске числилось: дворянского сословия — 25 муж. и 35 жен.; медицинских чинов — 2 муж. и 1 жен. (вместе с членами семьи, фактически, вероятно, был лишь один штатный лекарь); канцелярских чиновников — 10 муж. и 11 жен.; нижних служителей — 25 муж. и 32 жен. (сторожа, уборщики помещений, топники и пр.). В Сердобской инвалидной команде¹⁵⁴ был один обер-офицер, 3 унтер-офицера, 1 музыкант, 47 рядовых, итого 52 чел., кроме того, женского пола (т. е. членов семей инвалидной команды) — 50. Отставных статских (штатских) — 7 муж. и 10 жен.; отставных военных — 16 муж. и 10 жен. Дворяных помещичьих людей — 30 муж. и 35 жен. Почетный гражданин — 1 муж. и 1 жен. Купцов первой

¹⁵² РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1351, лл. 11–12.

¹⁵³ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1349, лл. 1–2 об.

¹⁵⁴ Инвалидные команды уездных городов несли внутреннюю караульную службу.

гильдии — 1 муж. и 1 жен.; второй гильдии — нет; третьей гильдии — 30 муж. и 37 жен. Мещан — 1054 муж. и 1250 жен. Цеховых — 83 муж. и 95 жен. Таким образом, по нашим подсчетам, в Сердобске в 1795 г. проживало 2956 чел., из них мужского пола 1376. Следует оговориться: на основании изложенного нельзя утверждать, что в Сердобске насчитывалось 30 или 67 купцов. Фактически меньше, ведь в приведенные цифры входят дети и немощные старики, записанные в данное сословие. Поэтому вряд ли действующих купцов в Сердобске имелось более 10–15 человек. Прибавьте к этому мизерное количество цеховых, т. е. рабочих (около 30 семей), и вы получите скорее облик села средней величины, чем города.

«Купечество и мещане занимаются торговлею и частию хлебопашеством, — отмечается в первой редакции «Экономических примечаний». — Ярмарок бывает в году три: первая — мая 9-го, вторая — июля 8-го и третья — сентября 14-го, продолжается каждая не более трех суток. Съезд [продавцов и покупателей] бывает из ближних городов. Торг производится более красным товаром и частию сукнами на сумму в год до 150 000 рублей. Базары еженедельно бывают по пятницам.

Река шириною от 20 до 40 сажен, глубиной от 1 до 5 аршин, судоходства и гонки леса не бывает, в ней водится разного рода рыба. Грунт земли песчаный, а частию черноземный. Под заселением города по проектированному плану земли удобной и неудобной 296 десятин 165 квадратных сажен.»

Во втором варианте примечаний упоминаются в черте города почтовая контора, размещаемая на непостоянной основе в частных домах, больница инвалидной команды. Сын купца 3-й гильдии Алексей Ишутин владел в это время большой водяной мельницей (о шести поставах) на р. Сердобе, при ней — сукновальня; второй водяной мельницей, о двух поставах, пользовался мещанин Беспалов, она стояла «на родниках», вероятно, на Лысой горе, где бил мощный родник. Других заводов и фабрик, а также общественных торговых бань и гостиных дворов в городе не было.

«Купцы занимаются большей частию торговлей скотом... Мещане хлебопашествуют, отчего имеют посредственные выгоды», — сказано в описании¹⁵⁵. Там же указывается: в уезде 46 сел, 48 сельц, 68 деревень, 10 хуторов. Церквей каменных 12, деревянных 21. Конный завод 1, горшечный 1. По 5-й ревизии в уезде состоит 38 919 крестьян мужского пола, 248 дворян; всего с городскими жителями мужского пола 40543 человека.

¹⁵⁵ РГАДА, ф. 1355, оп.1, е. хр. 93/1349, лл. 1–5 об.

Интересно описание выгонной земли города, принадлежавшей купцам и мещанам¹⁵⁶. В ее даче упоминаются, кроме р. Сердобы, речка Зубринка (вероятно, правильно: Добринка), озера Верхнее и Нижнее Подборное (на карте-плане — Подгорное), овраги Шишков, Попов, Крутой, Романихин, Бросяной (Просьяной?), Копылова вершина... «Земля — чернозем, частью песчаная, из посеянного по ней хлеба лучше родитца рожь, овес, греча; полба и прочие семена родственны. Сенные покосы хороши, — повествует автор описания. — Лес строевой дубовый и березовый, дровяной — того же рода; также ореховый, осиновый, липовый, кленовый и ивовый. В нем звери: волки, зайцы, лисицы, хорьки и горностаи, птицы — куропатки, кукушки, соловьи и прочих мелких родов. В полях — перепелки, жаворонки, стрепета, при водах — дикие гуси, утки, кулики, цапли и при болоте — чебезы [чибицы?], бекасы... В озерах рыба — караси, лини, окуни и плотва». У города имелось 2878 десятин выгонной земли, из которой 513 десятин приходилось на пашню, 312 — на сенные покосы, 1674 — на лес.

Особый интерес представляет план города 1801 года¹⁵⁷. Его ценность заключается в том, что это самое древнее из всех известных изображений Сердобска на местности, зафиксированное до того, как с 1826 года город стал развиваться на основе плана регулярной застройки, в результате чего прежнее радиальное направление улиц заменено прямоугольно-параллельным, древняя планировка утрачена, хотя ее остатки заметны по сей день.

План города не так подробен, как нам хотелось, но дает возможность судить, каким было село Большая Сердоба в конце первого века своего существования и какие изменения произошли за 20 лет с момента придания ему статуса города. Это был период, когда центральная часть Сердобска начала постепенно перемещаться с Лысой горы за ручей Шишковку. До этого в зашишковской низине могла быть ярмарочная площадь. Где идет торговля — там норовят поселиться люди, ею занимающиеся. Как правило, это богатеи, у них лучшие дома. Если наши предположения относительно местоположения старых торгов верны, можно наверняка догадаться, где именно строили купцы свои дома: вдоль дороги, ведущей к торговой площади (ныне улица Горького). По ней приезжали на торги из Пензы, Бекова, крестьяне Заречной слободы. Здесь на старом плане обозначен единственный мост через Сердобу.

¹⁵⁶ РГАДА, ф. 1355, оп. 1, е. хр. 1351, л. 13.

¹⁵⁷ РГАДА, ф. 1335, оп. 2, е. хр. 2886. К сожалению, план очень ветхий, его невозможно скопировать полностью. Автору книги с трудом удалось лишь сделать выкопировку на кальку его центральной части

Когда внизу построили соборную церковь (1796), возникло как бы «двоецентрие»: на Лысухе остались здания присутственных мест и прочие административные учреждения, а духовный центр и «лучшие дома» оказались внизу. В середине 19 века чаша весов окончательно склонится в пользу низовой части города. Ее позицию укрепит проведение через Сердобск железной дороги и постройка хозяйственных пристанционных сооружений, прежде всего, крупного элеватора.

II

«Экономические примечания» к материалам Генерального межевания дают чрезвычайно важную информацию почти обо всех населенных пунктах и земельных дачах уезда. В Российском госархиве древних актов хранится два экземпляра «примечаний», тексты которых почти идентичны (ф. 1355, оп. 1, единицы хранения №№ 1351 и 1352). При ссылках на эти документы в данном разделе будем обозначать их соответственно цифрами I (е. хр. 1351) и II (е. хр. 1352).

Чтобы составить представление о величине сельских населенных пунктов, приведем данные по 5-й ревизии (1795). В Подгородной слободе насчитывалось 427 дворов и 3077 жителей, в д. Студеновке (Старой) — 13 дворов и 117 человек, в Зеленовке — 90/480 (I, л. 13). Новой Студеновки еще не существовало, на ее месте находился скотоводческий хутор Подгородной слободы, в котором всю зиму жили вместе с овцами чабаны. Их либо нанимали, либо жили там по очереди владельцы овец. К 1829 году Новая Студеновка уже отмечена на карте-четырёхверстке Сердобского уезда¹⁵⁸.

Самым большим по количеству жителей помещичьим селом было Надеждино, Куракино тож. «Расположено на правой стороне реки Сердобы при большой дороге из Сердобска в Пензу» (II, л. 9 об.), — говорится о нем. В Куракино вместе с Александровкой (Ростовкой), Никитовкой (Карпово) и Софьинкой в 1795 году насчитывалось 1 384 души мужского пола, а всей земли числилось 20 464 десятины, в том числе пашни — 6212. В селе каменная церковь во имя св. великомучеников Бориса и Глеба с приделом во имя Николая Чудотворца, трехэтажный каменный господский дом, при нем регулярный сад с плодовыми деревьями. В селе Александровке каменная церковь во имя св. Александра Невского, каменный господский дом. Никитовка и

¹⁵⁸ РГАДА, ф. 1356, оп. 1, е. хр. 5088. Карта ошибочно датирована в РГАДА 1798 г.

Софьинка считались деревнями¹⁵⁹: первая на большой дороге из Сердобска в Балашов, вторая стояла на косогоре, отделявшем займища р. Хопра и «протока безымянного на левой стороне» (один из рукавов старого течения р. Сердобы). За изгибом реки примерно в одной версте к северо-западу от Куракино находились винокуренный и кирпичный заводы. В куракинской даче упоминаются реки Хопер, Сердоба, речка Колдобаш, озера Полухино, Бобровое, Рузавое (Рузановское¹⁶⁰), овраги Макаров, Ближний и Дальний Ржавцы и многие безымянные.

На реке Сердобе, говорится далее в описании, действуют две мельницы круглый год, кроме половодья, на которых ежегодно вымывается до 3 тыс. четвертей разного хлеба. «Реки в летнее жаркое время бывают: Хопер — шириною от тридцати до сорока сажений, глубиною — от одного до трех аршин; Сердоба — шириною от пятнадцати до двадцати пяти сажений, глубиною до трех аршин. В реке рыба: сомы, лещи, язи, головли, окуни, плотва, шуки, пискари и разного мелкого рода. Земля иловатая, частью солонцеватая. Лучше родитца рожь, овес, просо, а прочие семена — средственны. Сенные покосы порядочны. Лес строевой и дровяной разного рода. В нем звери: волки, зайцы, горностаи, белки, птицы — тетерева, ястребы. В полях сурки и хохляки(?), в полях птицы: дрофы, журавли, перепелки. Крестьяне занимаются хлебопашеством у господина и у себя, женщины — полевою работою и домашним рукоделием». В таком же духе даны «примечания» по другим дачам.

В 1787 году в куракинской вотчине уже существовал «Надеждинский хутор с хуторами мануфактур-советника Василия Осеева»¹⁶⁰ (по-видимому, нынешнее Новонадеждино), скорее всего, предка известного в Пензенской губернии купца первой гильдии А. В. Асеева, построившего крупнейшую в крае суконную фабрику в Николаевском Хуторе (ныне город Сурск) по соседству с землями Куракина на р. Юлов. Получается любопытная связка: рядом с крупнейшими землевладельцами Куракиными сто с лишним лет соседствовали купцы-промышленники Асеевы. Надо полагать, именно от куракинских отар получали Асеевы шерсть для выделки солдатского сукна.

В «Экономических примечаниях» о хуторах не сообщается, но на вышеупомянутой уездной карте 1829 года на месте нынешнего села Новонадеждино отмечена Надеждинская слобода. Опять загадка: почему слобода? В «Толковом словаре» В. И. Даля среди прочих содержится и такое толкование этого понятия — «промышленное фабрич-

¹⁵⁹ Селами назывались сельские населенные пункты с церковью, сельцо — селение либо с часовней, либо с господским домом, деревня не имела ни того, ни другого.

¹⁶⁰ РГАДА, ф. 1354, оп. 436. Алфавит Сердобского уезда № 104.

ное село, где крестьяне почти не пашут». Что же они тогда делали? Ответ, возможно, содержится в ранее упоминавшейся работе Э. Когана: накануне Крестьянской войны в с. Борисоглебском (Куракино), сообщает ученый, крепостные состояли на барщине, а при селе имелись «небольшой винокуренный завод и скотные дворы»¹⁶¹. Винокуренный завод, как известно, находился в низине за р. Сердобой, а вот овцы сырости не любят, поэтому совершенно очевидно, что овчарни у Куракина могли быть только на правом высоком берегу, где и возникло Новонадеждино. Куракинские крестьяне, говорится в труде Когана, обязаны были в порядке барщины сдавать ежегодно в пользу своего господина 200 метров сукна. Значит, овцеводство в имении стояло далеко не на последнем месте, ведь сукно делают из шерсти. Так что есть основания считать, что Надеждинская слобода возникла из хуторов овцеводов.

Одним из самых крупных сел государственных крестьян в Саратовской губернии являлась Подгородная Сердобская слобода, как называлось нынешнее с. Пригородное. В 1795 году в нем насчитывалось, как мы уже отмечали, 427 дворов и 3 077 жителей. Им было намежено 28 544 десятины земли. Разделив на ревизские души, т. е. на мужчин (1 535 человек), получим 18,5 дес. на душу. Разумеется, сюда входит и принадлежащие подгородной общине лес, сенокос и неудобья. По-видимому, около половины земли было занято сенокосами и пастбищами, потому что обработать 18 десятин на брата не было никакой возможности. С животными проще: если есть хорошие луга, скот растет «сам по себе». Пахотные солдаты, безусловно, деятельно занимались скотоводством, к чему вынуждал их избыток земли.

Сравнение обеспеченности землями государственных и помещичьих крестьян однозначно свидетельствует в пользу первых. Так, в помещичьем с. Никольском, Камзолка тож, в 1795 году приходилось на ревизскую душу 9 дес., в куракинской сердобинской вотчине — 14,6, в Троицком, Добринка тож (Секретарка), — 12,0, в с. Рождественском, Казмала тож, — 5,7, в с. Богородское, Салтыково тож, — 3,2, в Дубасово вместе с Жадовкой (Яблочково) и Засекиной — 8,9. Разумеется, крестьянский надел был много меньше, данная цифра характеризует обеспеченность землей конкретной вотчины помещика, а не его крепостных. Кроме того, не надо забывать, что в эти десятины на ревизскую душу входили лес и сенокос. Так, в куракинской вотчине лишь треть земли считалась пахотной. Из этого сопоставления видно, как были обделены пашней и прочими угодьями помещичьи крестьяне по сравнению с государственными.

¹⁶¹ Коган Э. С. Указ. соч. / Исторические записки. М., 1950. № 37. С. 106.

В «Экономических примечаниях» не указано количество пашни у государственных крестьян. Зато такие сведения есть по помещичьим селам. Например, в с. Долгоруково приходилось по 5,4 десятины пашни на ревизскую душу, в Софьино, Репьевка тож, — 7,9, в Богородицком, Салтыково тож, — 1,9 (без угодий будущего с. Байки), в Троицком (Секретарке) — 8,4. С учетом общинной земли (1–2 десятины на ревизскую душу) каждый крепостной крестьянин запахивал, по максимуму, 9–11 десятин. По-видимому, даже самый сильный человек чисто физически не мог обработать более 11 десятин. Дворяне при избытке земли и нехватке рабочей силы вынуждены были сдавать пашню в аренду, по-видимому, крепостным крестьянам соседних помещичьих имений, у кого было мало земли, поскольку казенные поселяне едва успевали управляться с собственными наделами.

III

Бесценна информация, содержащаяся в «Экономических примечаниях», о реках, озерах, почвах, растительном и животном мире Сердобского края. Реки были более полноводными. Обычная глубина Хопра и Сердобы в межень (середина лета) достигала одного–трех аршин (70–210 сантиметров), ширина Хопра — 20–40 (40–80 метров), а Сердобы — от 10 (в районе Салтыково) до 20 сажений (20–40 метров). В устье Камзолы на землях с. Салтыково глубина составляла пол-аршина, ширина до 3-х сажений. Было бы любопытно сравнить, насколько обмелели сердобские реки за два столетия. Грех за пагубу природы лежит, конечно, не только на современных жителях района, но и на их далеких предках. На каждой мало-мальски проточной речонке каждый год они запрашивали плотины для мельниц — плетеные клетки, засыпанные землей и навозом. Во время половодий и сильных дождей эти устройства сносило водой, реки засорялись. Сколько же земли и навоза приняли Хопер, Сердоба и их притоки за двести пятьдесят лет, до советской индустриальной эпохи!

«Экономические примечания» умалчивают об обитании медведей в пределах Сердобского уезда. Зато упоминается озеро Медвежье под селом Никольское, Беково тож (II, л. 87), название которого говорит само за себя. В 17 веке сердобские леса изобиловали диким медом, до которого медведи большие охотники. Молчат «примечания» о лосях и лебедях. А ведь они точно были! В Пензенской области с десяток озер называются Лебяжьими, в том числе одно под Беково, другое под Салтыково. О лебединых гнездах и лосиных ямах в наших краях

не раз писали пензенские подьячие в «отказных книгах» в конце 17 века, а в Пензе служили даже «лебедчики», охотники за лебедями, поставившие дичь к царскому столу. В «отказных книгах» Пензенского уезда есть несколько сообщений о том, что служилым людям отказывались (передавались во владение) лебединые гнезда. Очевидно, яйца использовались в пищу, что приводило к резкому сокращению численности лебедей.

Из диких животных «примечания» чаще упоминают волков, зайцев, лисиц, сурков, горностаев, белок. Ни разу не встречается в описаниях кабан. Как и лосей, кабанов повыбили уже в 17 — начале 18 веков, если они вообще у нас водились. Нынешние популяции лосей и кабанов ведут свою родословную от завезенных после Великой Отечественной войны в Пензенский край особей. Причина истребления лосей чисто хищническая. Наши далекие предки были не прочь полакомиться дармовым вкусным мясом этого смиренного животного, павшего жертвою их аппетита и сиюминутных потребностей.

Немалое удивление вызывает упоминание об обитании в пределах Сердобского уезда орлов. Они отмечаются в «Экономических примечаниях» при дачах с. Салтыково (II, л. 19 об.), Богородского, Дубасово тож (II, л. 85 об.), Покровского, Засецкое тож, (около Дубасово; II, л. 35), под Беково (II, л. 85 об.) и в других дачах уезда. Это говорит, между прочим, о многочисленности дичи, которой питалась эта прожорливая хищная птица. Действительно, здесь не только привычные для наших мест жаворонки и перепелки, но и журавли, дрофы, дудаки. В лесах водились тетерева, куропатки, ястреба, стрепета, дрозды, скворцы, кукушки. При водах имели раздолье гуси, цапли, утки, кулики, чибисы, бекасы.

В Хопре вольготно чувствовали себя сом, белизна (белуга?), судак, лещ, голавль, щука, язь, окунь, линь, карась, плотва, ерш, пескарь (II, л. 87 об.). Даже в таких малых речках, как Камзола, Арчада, плавали щуки и голавли, не говоря уже о более мелкой рыбе. Подразнив воображение нынешних охотников и рыболовов, «убивающих» чаще собственные ноги, чем дичь и рыбу, вернемся под крыши сердобских жилищ, тем более, что нас заждались во дворце князя Куракина.

Дворец на берегу Сердобы

*Надеждинские замок и его хозяин.
Знаменитые гости князя*

I

Самым интересным с точки зрения исторического прошлого сельским населенным пунктом Сердобского района является Куракино. В журнале «Живописная Россия» (1901. № 46. С. 603) помещена гравюра художника Иванова из собрания П. Я. Дашкова, изображающая княжеский дворец в этом селе. «Вотчина князей Куракиных... принадлежала в конце XVIII в. к числу наиболее замечательных барских поместий, — говорится в комментарии. — Благодаря заботам Александра Борисовича Куракина (1752–1818) усадьба Надеждина была устроена по-европейски, в ней были построены богадельня, больница и училища. В числе же усадебных построек была воздвигнута одна, носившая громкое название Храма Истины, предназначенная для хранения богатейшего фамильного архива кн. Куракиных, заключающего в себе до 900 томов разных подлинных документов, писем, приказов и пр... Кроме того, кн. А. Б. Куракин составил план «безвозмездного» освобождения села Надеждина, преданный широкой гласности и доставивший Куракину милостивый рескрипт, но не приведенный в исполнение».

О селе и усадьбе издано немало литературы. Им посвящены статьи в книгах и журналах, среди них: Восемнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива князем Куракиным Ф. А. (Том 2. М., 1905. С. 121–156); Статистическое описание Саратовской губернии А. Леопольдова (Спб., 1839. С. 106–108); журнал «Старые годы» (1911. Вып. 35. Январь. С. 3–25); Труды Государственного исторического музея (М., 1960. С. 18); И. К. Ежова.

Зубриловка, Надеждино: Дворцово-парковые ансамбли Поволжья (Саратов, 1979).

Пик своей известности и славы село переживало в конце 18 — начале 19 веков благодаря тому, что в нем поселился Александр Борисович Куракин, друг юности Павла I. Будучи в Париже и переписываясь с флигель-адъютантом Екатерины II князем Павлом Бибиковым, он неосторожно коснулся любовных утех Григория Потемкина и сластолюбивой императрицы и за это удален от двора¹⁶², хотя, пожалуй, по этой части князь вряд ли уступал коронованной особе. Куракин приехал в дикую степь, где крестьянство еще не остыло от пугачевской вольницы, в свое довольно бедное, ничем не выдающееся сельцо Борисоглебское на берегу Сердобы и поселился в деревянной усадьбе, по-видимому, в конце ноября или в декабре 1782 года. Не теряя надежды вернуться ко двору, он тогда же переименовал сельцо в Надеждино и развернул невиданное в этих краях строительство. На восточном конце селения князь на диво соседям поставил трехэтажный дворец. В то время трехэтажных зданий не было даже в Пензе! Вокруг дворца в сторону р. Сердобы посадил английский парк по собственному проекту. Из Надеждино он вел переписку с цесаревичем Павлом и другими знатными персонами. Частично она опубликована в первом томе известного сборника «Восемнадцатый век» на французском языке.

Александр Борисович построил за время своей надеждинской ссылки несколько храмов, один другого краше. Первыми в Надеждино появились кладбищенская и приходская церкви (1792). Самой красивой была, конечно, домовая церковь во дворце (во имя св. великомучеников Бориса и Глеба) — освящена в 1799 году, но потом она перестраивалась. По своему великолепию храмы не имели равных в округе. В 1787 году поставлена деревянная Никольская церковь в Александровке, но уже в 1792-м заменена каменной. Кирпич на строительство делали в Куракино, в специальных кирпичных сараях. Известь возили издали зимой на санях. Освящение приходской церкви во имя св. Александра Невского почтили местные помещики Рылеев, Бахметев, братья Карповы, Малахов, около 3-х тысяч простого народу. На угощение князь велел дать 30 ведер вина, 3 бочки пива, 45 мер огурцов, 700 калачей. К 1812 году закончена перестройка церкви во имя Бориса и Глеба в Куракино. Любопытно, что строительством ведал местный крестьянин, столяр Казаков¹⁶³. По-видимому, плоды просвещения оказались не напрасными, в куракин-

¹⁶² Восемнадцатый век... Т. 2. С. 123.

¹⁶³ Восемнадцатый век... С. 177.

ской вотчине появились свои грамотные крестьяне — редкий случай для начала 19 века!

Когда я был в Куракино в конце восьмидесятых годов, здесь еще оставались Никольская кладбищенская и Александровская приходская церкви. Несмотря на разрушения, они сохранили величественный вид. Дворцовый ансамбль и парковое хозяйство начало разрушаться уже при наследниках А. Б. Куракина, к 1905 г. здесь мало что напоминало первоначальную эстетику. Революционные события 20 века добавили разрушений. В 1918 году усадьба взята под государственную охрану, но эта мера уже не могла ее спасти: нужны были средства для ремонта и содержания, а они отсутствовали. Кирпич, другой строительный материал беззащитно расхищался крестьянами, вырубался лес в парке.

Вряд ли заботу о строительстве храмов следует воспринимать как свидетельство набожности Александра Борисовича. Как и Павел I, он был известным масоном, стало быть, не слишком религиозным. Когда князь щедро рукой отпускал средства на возведение великолепных храмов, им двигало тщеславие. Эту черту характера отмечают у него все мемуаристы. Куракин стремился жить, во всем подражая царским обычаям, отсюда невиданная для провинции роскошь.

В разных местах куракинского парка размещались храмы (беседки) под названиями: Славы, Терпения, Леды, Дружбы, Благодарности, Истины, Ворота красивого вида, Вместителища чувствий вечных, Новая китайская беседка; просеки: Цесаревича, Славных дел, Нелидовой (предмет обожания Павла I), Антуанеттина (королева Франции), Твердости, Катишки (в честь графини Екатерины Ивановны Вадковской), Софьиной (графини Ферзен), Алёнина (княгини Елены Ивановны Вяземской), Браницкой, Ожидаемого благоденствия, Приятного наслаждения, Отрады, Милой тени; дорожки: Удовольствия, Уединения, Неожиданного утешения, Преодолеваемых трудностей, Жаркого любовника, Истинного разума, Частого повторения, Вспоминаний прошедших утех, Спокойствия душевного, Постоянного друга, Веселой мысли, Задумчивости, Отважности, Прихоти, Скорого достижения, Верных любовниц, Доброго согласия, Восторга, Брата Степана, Новая, Брата Алексея, Трудолюбия, Гатчинская, Петра Молчанова, Размышления, Радости, Степана Ямпольского (управляющего имением), Великодушия, Услаждения самого себя¹⁶⁴.

Расшифровка всего перечня еще ждет своего исследователя. Не все близкие князя выразили удовлетворение таким оригинальным способом увековечения себя в названиях парковых зон. Например,

¹⁶⁴ Там же. С. 125–126.

брат Степан обиделся, что его дорожка оказалась короче, чем у управляющего имением Ямпольского.

В парке стояла прекрасно выполненная скульптура казненной монтаньярами французской королевы Марии-Антуанетты с пространной надписью, перечисляющей ее добродетели. Она завершалась эпитафией, что королева казнена «в Париже, посреди столицы ея, 16 октября 1793 года зверским злодейством бунтующих, вероломных, сумасбродных, проклятия человеческого и наказания Божеского заслуживающих подданных ея. Мимо идущий, вспомни о ней, взрыдай о несчастиях ея, взнеси о ней горячую молитву твою пред Всевышним».

Дворовые крестьяне не желали «взрыдать», простодушно именуя обелиск «памятником Марии Антоновне», а какой-то ловкач отодрал от постамента громадные медные плиты с надписью и продал за бесценок на Ломовской ярмарке. В 1797 году удалось отыскать только одну плиту из четырех. Князь испытывал глубокие нравственные страдания от непонимания народа, однако не озлобился. Куракин слыл, хотя и крайне тщеславным, но все же добродушным человеком.

До 1792 года он жил в скромном деревянном домике. Построив дворец, перебрался в него. На возведение дворца и других каменных строений пошло 2,8 млн штук кирпича, изготовленного здесь же в кирпичном сарае. Дворец имел 26 сажений в длину, 12 — в ширину, 28 аршин в высоту, 80 комнат. При князе постоянно находилось 300 человек прислуги, не считая иностранцев. В услужении у Александра Борисовича были не только сотни лакеев, что само по себе уже являлось для сельской местности уникальным фактом в истории России. Прислуживали ему, причем добровольно, даже дворяне, чем их господин очень гордился, ибо такое мог себе позволить только император.

Ни в одном населенном пункте губернии, включая губернский и уездные города, не было столько иностранцев, сколько имел князь Куракин в Надеждино. Иностранцами были секретари, библиотекари, доктора, повара, музыканты, садовники — всего несколько десятков человек. Князь выписал из Парижа настоящую маркизу, в обязанность которой входило забавлять аристократическими манерами и приятным разговором гостей хозяина усадьбы. Естественно, на французском языке. Куракин разъезжал по уезду и губернии в сопровождении 30 казаков в красивых красных кафтанах, иногда их сменяли огромные лейб-гренадеры в одежде гатчинских гусар. К крестьянам барин обращался со словами «детки мои», угощал ребятишек сладостями, дарил платки, мелкие деньги. Говорят, под ласковым обращением скрывался вполне конкретный смысл: многие ребята, действительно, являлись его детьми.

Князь не был женат, но, как свидетельствуют биографы, «имел большую слабость к женщинам, в разных слоях общества имел многочисленные связи, последствием которых было до 70 побочных детей; от него, между прочим, ведут свое происхождение бароны Вревские и Сердобины»¹⁶⁵. Ничего удивительного, если в куракинских селах и по сей день живут потомки незаконнорожденных детей А. Б. Куракина, прижитых с местными красивыми крестьянками. Возможно, кто-то из них оказался, в конце концов, в Петербурге, прошел обучение и воспитание в Благородном пансионе, получил фамилию Сердобин и стал бароном. Между прочим, побочный сын Куракина Михаил Николаевич Сердобин был хорошо знаком с Пушкиным. Накануне последней дуэли поэт обедал у него вместе с побочной дочерью того же Куракина Е. Н. Вревской¹⁶⁶.

В усадьбе при Александре Борисовиче работали прекрасные художники П. Малютин, Я. Я. Филимонов и В. П. Причетников. Последнего князь особенно выделял за талант и душевные качества. Филимонов написал картины «Надеждино», «Хозяйственные постройки» и другие, Причетников — на местные мотивы живописные полотна «Дом Молчания», «Храм Леды», «Храм Славы», «Храм Терпения», «Обелиск»¹⁶⁷. По их работам известные граверы В. Иванов, И. Ческий, А. Березников создали гравюры, не раз воспроизводившиеся в печати. Кроме вышеназванных, известны такие их работы, как «Храм Верности», «Храм Дружбы», «Галерея «Вместилище чувствий вечных», «Летний дом», «Дом Молчанова», «Храм Истины», а также «Вид господского дома с другой стороны Сердобы»¹⁶⁸.

Куракин впервые в Пензенском крае открыл для них две школы. 18 января 1817 года, в день рождения князя, начала работу школа в Надеждино, в которой учились 20 мальчиков. Для них он определил в год 906 рублей на покупку одежды и обуви и 300 рублей на книги и письменные принадлежности, пригласил талантливого учителя, выпускника Пензенской духовной семинарии Павла Бибикова. Еще раньше, в 1780 году, открылась школа в куракинском с. Архангельском Городищенского уезда¹⁶⁹. Стоит напомнить, что даже в городе Пензе первое народное училище открылось в 1786-м, то есть позднее, чем в Архангельском. Много жертвовал на церковь и церковноприходскую школу один из последних владельцев села Федор Алексеевич Кура-

¹⁶⁵ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: Биографии и портреты. СПб., 1996. С. 342.

¹⁶⁶ Савин О. М. «...Пишу тебе в Пензу». Саратов, 1983. С. 126–127.

¹⁶⁷ Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Пензенская область. М., 1985. С. 164.

¹⁶⁸ Восемнадцатый век... С. 126–127.

¹⁶⁹ Там же. С. 146–147, 472–473.

кин: в 1885–1895 годах он передал на нужды церкви и церковноприходской школы 2 203 рубля¹⁷⁰. На ниве благотворительности Куракины оставили заметный след.

Среди знатных жильцов дворца была Елизавета Борисовна Куракина (урожденная Голицына), жена сенатора Б. А. Куракина¹⁷¹, унаследовавшего имение после смерти «бриллиантового князя», своего дяди. Наиболее заметный, хотя и малочетный, след в истории России Борис Алексеевич оставил как член Верховного суда над декабристами. Вероятно, он также бывал во дворце, хотя бы из любопытства.

В начале 1900-х годов в пенатах князя работал известный историк С. И. Кедров, разбирая богатейший архив князя, который тот очень любовно лелеял, построив во дворце лучшее по тем временам архивохранилище. Часть документов опубликована в неоднократно цитировавшимся нами сборнике «Восемнадцатый век». Можно, конечно, попенять князю на то, что архив свой он собирал, как и строил церкви, из-за своего тщеславия, «для истории». Но стоит ли за это строго судить? Куда грешнее те, кто, накапливая богатство, сибаритствуя при жизни, ничего после своей смерти не оставляют. А вот на куракинском архиве защитили кандидатские и докторские диссертации с десятков историков, построенные им церкви служили для людей, приходивших молиться, место общения с Богом, восхищая неземным блеском даже атеистов.

Нельзя не напомнить любознательному читателю еще один малоизвестный факт, имеющий к надеждинской усадьбе прямое отношение. В 1834 году в «Библиотеке для чтения» была опубликована повесть популярного в прошлом писателя, уроженца Мокшанского уезда М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре». Потом она вышла в собрании «Повести Михаила Загоскина» (Кн. 1, 1837), а недавно напечатана в 4-м томе «Библиотеки фантастики» (М., 1996. С. 391–478). Это своего рода «повесть ужасов» о нечистой силе, поселившейся в замке на берегу Хопра в двадцати верстах от Сердобска. Разумеется, это художественное произведение, тем более фантастическое, поэтому к фактам, приводимым писателем, например, о том, что Сердобск существовал еще в Смутное время и при царе Михаиле Федоровиче, надо относиться как к вымыслу. Но почитать повесть полезно даже детям — не на ночь глядя.

¹⁷⁰ Саратовские епархиальные ведомости. 1895. Офиц. отдел. № 8. С. 165.

¹⁷¹ Савин О. М. «...Пишу тебе в Пензу». Саратов, 1983. С. 56.

Известный политический деятель России начала XX века, историк П. Н. Милюков оставил в своих воспоминаниях забавное и не лишенное здравого смысла суждение об истории Льва Толстого. Великий писатель приехал в Москву, где ему устроили встречу со светилами науки, внимательно выслушал аргументы, потом, когда всех пригласили к самовару, взял нож и, подойдя к тарту, произнес: «В общем, я понял, что история — как этот торт: могу отрезать так, а могу эдак».

Автор этой книжки отнюдь не претендует на лавры создателя научного произведения, тем более, что Толстой, например, и не только он, сомневался, наука ли сама история? В книге собраны фрагменты исторических сюжетов, которые автор попытался осмыслить со своих субъективных позиций. Они заключаются в «народнических» и государственнических взглядах автора. Их суть в следующем.

Первый: народ прав всегда или почти всегда. Если не прав, то это не дает право обвинять, оскорблять, унижать, высмеивать его; пожалуй, труженик никому ничего не должен, ни барину, ни «звезде эстрады». Важнее — понять, а поняв, — простить прегрешения, ежели они наличествовали. Второе: интересы государства выше, чем интересы отдельного человека. Разумеется, многие думают иначе и готовы оспорить этот постулат, не вписывающийся в резолюции ООН и рекомендации Международного валютного фонда. Пусть спорят, автор не собирается полемизировать на сей счет, полагая бесполезным: это спор рыбы и птицы о том, где лучше, — на небе или под водой.

Сердобский район — «малая долька России», на примере его судьбы можно судить, какие годы были благополучными, какие пагубными. Восемнадцатый век оказался для него не самым худшим: в этом веке он родился, воевал, строил, пахал, бузил заодно с Емельяном Пугачевым и вошел в следующее столетие зрелым юношей. Правда, мы не должны забывать, что до начала 19 века процесс роста во многом шел за счет перемещения в Прихоповье крестьян из центральных уездов. В целом восемнадцатый век с его чередой дворцовых переворотов, грязным развратом и торжеством дворянского сословия получился в общем весьма беспутным для России. 19-й сложился благоприятнее, было признано, что и крестьянин — «не скот, не дерево, не раб, но — человек».

Вопреки навязываемому ныне мнению, будто Великий Октябрь 1917 года ознаменовал катастрофу для страны, статистика народонаселения по Пензенской области показывает, что ни революция, ни гражданская война, при всех своих лютостях (на войне как на войне) и голоде 1921–1922 годов, не нанесли такого ущерба деревне, как последующие эксперименты, начиная с 1929 года.

Если выстроить диаграмму, характеризующую изменение численности сельского населения района, можно воочию убедиться, каково жилось труженикам деревни в разные исторические эпохи. В соответствии с законами природы, когда народу хорошо, он плодится и множится, когда плохо — вымирает. Максимальная численность приходится на 1929-й (в диаграмме не отражен), с него кривая пошла вниз. Насильственная коллективизация, унесшая из села не менее трети населения, оргнаборы на стройки индустрии, война, хрущевские эксперименты, эпопея с сселением «неперспективных» деревень плюс объективно неизбежный процесс снижения рождаемости, присутствующий индустриально развитым странам, в итоге по численности сельского населения Сердобский район сегодня опустился на уровень 1795 года. Страшно подумать, что может случиться еще через пятьдесят лет.

Уничтожение крестьянина преступно не только по экономическим и гуманитарным соображениям. Помимо всего прочего,

не Москва, не Петербург, а именно русский крестьянин является хранителем национального менталитета, самостояния души, народного характера. Если сформулировать кратко: В Москве живут москвичи, в Сердобском районе — русские. Единство языка еще ничего не доказывает: и папуаса можно выучить говорить не хуже директора Института русского языка, но он все равно будет мыслить и поступать, как повелось в родных джунглях, а не в степи, воспетой Гоголем. Об этом не раз писали известный публицист-патриот Иван Лукьянович Солоневич и один из самых ярких наших этнографов и историков Лев Николаевич Гумилев. Поэтому катастрофическая убыль населения в русской деревне, продолжающаяся несмотря на подпитку мигрантами из «ближнего зарубежья», равнозначна утрате одного из самых могучих этносов на планете. И не стоит самообольщаться — никто не спасет русский народ, кроме него самого.

За всю историю человечества погибли сотни народов, в какой-то степени это естественный процесс — ничто не вечно под Луной, — но все-таки жаль: неужто понесенные страдания и жертвы были напрасны? Речь идет о десятках миллионах наших соотечественников. Имеем ли моральное право так бездарно распорядиться тем, что они оставили нам, не слишком ли много на себя берем, взявшись решать за предков, самих себя и своих потомков?

Добрый десяток административно-территориальных реформ за три столетия сильно затрудняют задачу определения численности населения района в его нынешних границах. И все же такая попытка предпринята. Что из этого получилось, судите сами. Подсчеты, произведенные по разным источникам¹⁷², показывают следующую динамику численности населе-

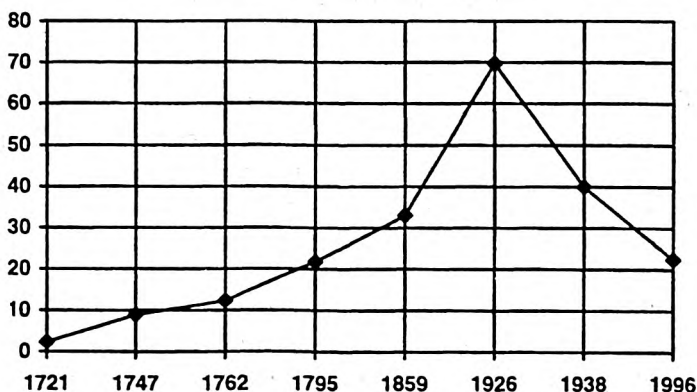
¹⁷² Переписные книги 1, 2 и 3 ревизий населенных пунктов Завальных станов Пензенского и Нижнемоховского уездов (1721, 1747, и 1762 годов), «Экономические примечания» к материалам Генерального межевания Сердобского уезда (по данным переписи 1795 года), списки населенных мест Российской империи (Сердобский у., по данным 1859 года), список населенных мест Сердобского уезда с указанием численности населения по данным переписи 1926 года (Госархив Пензенской области, ф. р.- 1908, оп. 1, е. хр. 235), то же — по Сердобскому району на 1 января 1938 года (ГАПО, ф. р.- 2789, оп. 1, е. хр. 63), списки сельских населенных пунктов Пензенской области на 1 января 1996 года (издание областного комитета госстатистики). С 1795 года численность населения района показана без учета Сердобска, так как в 1781 году он стал городом.

ния Сердобского района в его нынешних границах (в числителе — количество селений, в знаменателе — число жителей в тыс. чел.):

1721 — 11 / 2,3	1795 — 31 / 21,8	1938 — 73 / 40,0
1747 — 24 / 8,9	1859 — 46 / 33,0	1996 — 47 / 22,5
1762 — 25 / 12,3	1926 — 84 / 69,7	

На этой впечатляющей «картинке» и остановимся. А остановившись, задумаемся — куда нам плыть?

**Численность сельского населения
в нынешних границах Сердобского района**
(по вертикали — тыс. чел., по горизонтали — годы переписей)

О Г Л А В Л Е Н И Е

В. Павлов, глава администрации г. Сердобска	
Раздвигая горизонты	5
Верхнее Прихопровье: археология, топонимика, древняя история	
<i>Курганы — одна из тайн земли сердобской. Топонимика: загадка за загадкой. Сердобский район в 17 веке: первые тропы русских бортников и воинов</i>	7
Корабельных лесов сторожа	
<i>Для чего Петру I понадобился сердобский лес? Из засечных сторожей — в сторожа корабельных лесов. Основание Сердобска. «Кубанский погром». Сердобский острог на Лысой горе. Первая перепись податного населения</i>	18
От корабельного дела к хлеборобскому	
<i>Большая Сердоба в 1747 году. Первые упоминания о Заречье, Зеленовке, Старой и Новой Студеновках. Государственные крестьяне в 18 веке</i>	44
На Хопер, Сердобу, на новые земли	
<i>Князя Мещерские, Куракины, Долгоруковы, граф Салтыков и их сердобские вотчины. Петр Вяземский в Мещерском</i>	50
«Почин — от устья речки Казамлы...»	
<i>Две Камзолы. Болтины, Дубасовы, Жадовские, Юматовы и другие. Монастырские крестьяне</i>	71
«Жить в безмолвственном повиновении и послушании»	
<i>Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева в Сердобском крае</i>	86
Учрежден уездным городом	
<i>Сердобск — уездный город. «Экономические примечания» Генерального межевания о Сердобском уезде</i>	93
Дворец на берегу Сердобы	
<i>Надеждинские замок и его хозяин. Знаменитые гости князя</i>	103

Научно-популярное издание

ПОЛУБОЯРОВ Михаил Сергеевич

**НА РЕКЕ СЕРДОБЕ
И В ИНЫХ УРОЧИЩАХ**

Печатается в авторской редакции

Техн. редактор-корректор *В.Н. Глухова*
Компьютерная верстка
и художественное оформление *А.В. Коваль*

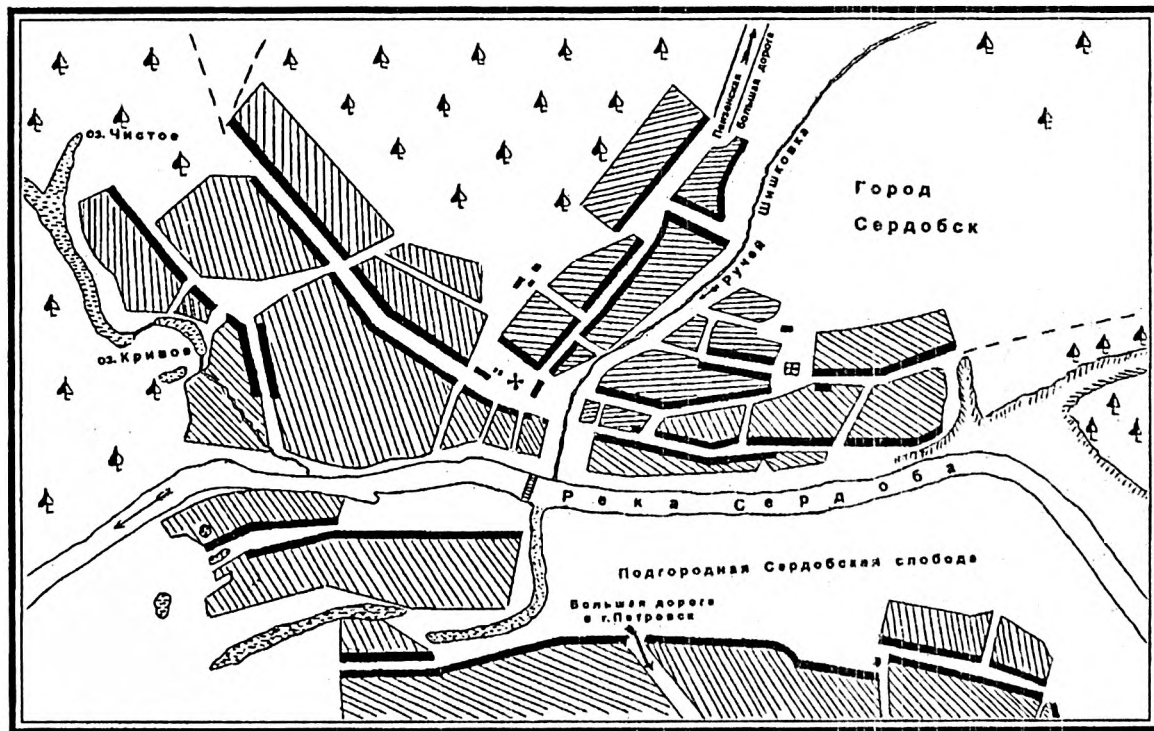
Вне плана
ЛР № 020740 от 02.03.93 г.

Подписано в печать 8.04.99 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Литературная.
Усл.-печ. л. 7,0. Уч. изд. л. 6,94. Тираж 1000 экз. Заказ № 211.

Издательство Саратовской государственной академии права
410056, Саратов, ул. Чернышевского, 135.

План города Сердобска 1801 г.

Уроженец (1947 год) села Малая Сердоба Пензенской области. Из семьи колхозника. Окончил филологический факультет Саратовского университета, работал журналистом в районной и областных газетах Пензенского края, директором Пензенского объединенного краеведческого музея. В настоящее время в Москве, сотрудник Пресс-службы Государственной Думы, государственный советник Российской Федерации 3-го класса. Его статьи по краеведению и топонимике публиковались в газетах, журналах "Волга", "Земство" научных сборниках. Участник Всесоюзной краеведческой и межобластной научных конференций, автор книг "Мокша Сура и другие", "Топловская летопись".